

Андрей Валентинов

ОРИЯ

ПЕЧАТЬ НА СЕРДЦЕ ТВОЕМ

Ория

Андрей Валентинов

Печать на сердце твоём

«Автор»

2000

Валентинов А.

Печать на сердце твоём / А. Валентинов — «Автор»,
2000 — (Ория)

Згур был сыном героя, погибшего за свободу родного Края. А сыну героя не положено сомневаться, когда родина отдает приказ. И если должна погибнуть некрасивая носатая девушка, то что за беда? Ведь она – дочь предателя! Историко-мифологическая фантазия Андрея Валентинова является косвенным продолжением первых двух частей цикла «Ория». Иные герои, иные времена, но люди остаются людьми, любовь – любовью, предательство – предательством. Хорошо ли, когда на сердце – печать, когда тебя не трогает чужое горе, когда родная земля уже не манит, а чужая вполне может сойти за свою? Можно ли выполнить приказ, пожертвовав не жизнью – совестью? И когда рука тянется к короне, не поздно ли еще проснуться? Ведь на сердце твоём – печать!

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Дочь предателя.	8
Глава первая. Наемник.	8
Глава вторая. Хозяин Злочева.	24
Глава третья. Выползнев Лаз.	41
Глава четвертая. Огненная смерть.	58
Глава пятая. Ичендяк.	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андрей Валентинов

Печать на сердце твоём

Пролог

Мертвые молчали, раненых унесли, а у живых не оставалось сил для разговоров. Где-то вдали слышались крики, ржание обезумевших лошадей, но здесь, над Четырьмя Полями, над истоптанным в черную грязь снегом, повисло молчание. К ночи ветер разорвал серую пелену туч, и над живыми и мертвыми робко проступили неяркие звезды. Вместе с тишиной вернулся холод, и живые впервые за весь бесконечный день и столь же бесконечный вечер ощутили ледяное дыхание ночи – Ночи Солнцеворота. Зима поворачивала на мороз, и те, кто еще оставался жив, застегивали полушубки и заворачивались в пропитанные потом плащи.

Их было двадцать два – живых и не раненых, оставшихся там же, где они стояли весь день. Рядом лежали их друзья – мертвые, уже начавшие коченеть, но уцелевшие не смотрели на них. Еще придет час вспомнить, оплакать, выпить горького вина на тризне – но сейчас живые радовались жизни, и это чувство было сильнее всего – и скорби, и даже гордости от одержанной победы – первой для тех, кто уцелел, и последней – для всех остальных.

Конское ржание послышалось ближе, темноту рассек неровный свет факелов, и те, что стояли среди черной грязи, начали поспешно равнять строй. Простучали копыта, из темноты, словно из холодного зимнего моря, вынырнули черные силуэты. Короткая команда, и десяток всадников уже спешил, направляясь к отряду. Порыв ветра развернул тяжелое полотнище, и неяркий свет факелов вызолотил огромного орла, распластавшего крылья по алому аксамиту тяжелого Стяга.

– Кей! – прошепестело в темноте. В первый миг те, кто был жив, растерялись, но вот прозвучало негромкое: «Шикуйсь! Стронко!» – и строй застыл, словно на смотре: ноги на ширине плеч, щит – в левой руке, в правой – древко копья. Копья, впрочем, оставались далеко не у всех, как и щиты, и даже шлемы. Факелonosцы приблизились, пламя осветило молодые лица, белокурые, слипшиеся от пота и крови, пряди волос – и раскрытые волчьи пасти на медных бляхах, пришитых на левом плече коротких серых плащей.

Тот, кто ехал под Стягом, медленно слез с коня и, чуть сутулясь, шагнул вперед. Кею не исполнилось и двадцати, но издали ему можно было дать все сорок. Он шагал неспешно, грузно, словно на его широких плечах уже много часов лежала неподъемная тяжесть. Впрочем, так и было – этим утром Кей Велегост, младший сын Светлого Кея Войчемира, начал свою первую битву, которая тянулась до самой ночи – долгой Ночи Солнцеворота.

Все так же неторопливо Кей снял шлем, провел рукой по коротко стриженным темным волосам и негромко бросил: «Старшего!» Он не стал звать сотника, поскольку знал – того уже нет в живых, как нет в живых полусотников, десятников – и еще очень многих, что лежали тут же, в черной грязи, но уже не могли стать в строй и ответить. Сто пятнадцать человек – усиленная сотня – с полудня сдерживали удар Меховых Личин, направленный в самый центр Кеева войска. Сотня выстояла, и теперь двадцать два уцелевших выравнивали строй.

Белокурые парни нерешительно переглянулись, но вот вперед шагнул один – тот, кто скомандовал «Шикуйсь!» Рука дернулась в приветственном жесте, каблуки коротких сапог ударили в грязь.

– Старший учебного десятка Згур, Вейско Края, третья сотня. Чолом, Кей!

– Чолом, сотник.

Парень, кажется, хотел возразить, но смолчал. Спорить не приходилось.

– Из Учельни Вейсковой? – рука в перчатке указала на бляху с оскаленной пастью.

– Да. Мы все – из Учельни, Кей. Добровольцы.

– Почему Велга послала вас, мальчишек?

Тот, кто стал сотником, на миг замешкался с ответом. Затем темные глаза блеснули:

– Мы вызвались сами, Кей. Вся сотня! Государыня сказала, что это нужно Краю.

– Вас осталось двадцать...

– Двадцать два! – поправил парень и тут же замолк, только сейчас сообразив, что означает это число.

– Двадцать два... – Кей устало вздохнул и еще больше ссутулился. – От войска – едва ли половина, а я... Я даже не ранен...

Тут свет упал на лицо говорившего, и молодой сотник едва не отшатнулся, хотя и раньше видел Кея. Но сейчас, в черных сумерках, изуродованные черты смотрелись особенно жутко. Сломанный в давние годы нос, разорванные и плохо сросшиеся губы, глубокие шрамы на щеках... Лицо походило на маску – жуткую маску, подобную той, что надевали на себя Меховые Личины, перед тем как с воем и визгом бросаться на врага. Неровный свет факелов сделал страшное еще более страшным. Казалось, непогребенный мертвец встал, чтобы провести ночной смотр.

– Спасибо, волотичи! – голос Кея окреп, налился тяжелым металлом. – Вам всем – живым и мертвым! Спасибо!

Мгновенье царила тишина, затем грянуло дружное: «Двейчи не вмирати!» – старый боевой клич волотичей, с которым они в давние годы шли в бой против Кеевых кметов. Но этот день и эта ночь объединили старых врагов.

– Давно в Вейске?

Кей подошел ближе, и стало заметно, насколько они похожи: одного роста, стройные, высокие, плечистые. Лишь лица разнились: красивое, тонкобровое, слегка скуластое – у волотича и – страшная маска у сполота.

– С двенадцати лет, Кей.

– Почему так рано?

Сотник ответил на сразу, затем красивые губы скривились невеселой усмешкой:

– Наши отцы не вернулись с войны, Кей. Кому-то надо защищать Край.

– Твой отец... тоже?

– Да. Он был ранен под Коростенем.

Кей медленно кивнул и повернулся, чтобы отойти к Стягу, но тут из темноты вновь послышался топот. Всадник на низкорослом огрском коне подскакал к самому Стягу, разбрызгивая жидкую грязь.

– Кей! Кей Велегост!

– Я здесь! Говори!

Широкие плечи распрямились, голос вновь стал громким и сильным. Битва не кончилась, и девятнадцатилетний парень со страшной маской вместо лица был готов нести неподъемный груз дальше.

– У табора... Наши не могут прорваться. Эти... Они словно упыри...

Изуродованные губы еле заметно дрогнули:

– Всех – туда! Всех! Легкораненых – тоже! Ворваться в табор – и резать!

– Разреши, Кей! – сотник нетерпеливо оглянулся, словно боясь опоздать. – За нами должок остался. Расплатимся!

– Хорошо! – рука в кожаной перчатке резко дернулась. – Ты – старший! Бери всех, кого встретишь – и к табору. Передай приказ – пленных не брать! Слышишь? Не брать! Никого!

– Но Кей... – послышался неуверенный голос кого-то из свиты. – Там женщины...

– Не брать! – голос сорвался до крика, но тут же стих, став хриплым и усталым. – Нас слишком мало. Эти дикарки просто перережут нас ночью, на первом привале. Делайте с ними что угодно, но только до утра...

– Но дети...

Кей вздохнул и вновь ссутулился, словно груз, лежавший на его плечах, стал в этот миг совсем неподъемным.

– Всех, кто выше тележной чеки. Всех! Остальных подберем... Все, хватит болтать! Сотник, действуй! Вперед!

Крик сдернул людей с места и бросил в ночь, туда, где заканчивалась великая битва на Четырех Полях, прозванная позже Битвой Солнцеворота. Велегост, младший сын Светлого, выиграл свою первую войну и стал Кеом Железное Сердце.

Часть первая. Дочь предателя.

Глава первая. Наемник.

Пиво оказалось отменным – темное, с резковатым пряным вкусом, но пить его было неудобно. Вместо привычной деревянной корчаги или братины на чисто выскобленном столе стоял тяжелый оловянный кубок, без ручки, зато с затейливым орнаментом по бокам. Згур еле заметно пожал плечами и осторожно поднес кубок к губам. Что поделаешь? Валин! Здесь, в улебской земле, все не так. Пиво подают в оловянных кубках, дома строят каменные, в два, а то и в три этажа, а ножи носят почему-то за спиной. Во всяком случае у парней, облюбовавших дальний угол харчевни, было именно так. Парней оказалось шестеро, ножи, да и рожи были самые разбойничьи, и поддали валинцы изрядно, видать не только пиво пили.

Впрочем, компания в углу была сама по себе, никому не мешая, и Згур мог спокойно знакомиться со здешним пивом, незаметно оглядывая присутствующих. Итак, в углу шестеро мордатых с ножами, поближе – селяне в вышитых рубахах – этих даже в улебской земле не спутаешь. Чуть левее – пожилые горожане, уже не в рубахах, а в кафтанах, то ли торговцы, то ли мастера, из тех, что побогаче. А еще левее, в другом углу, явно иноземцы – длинноусые, с саблями на шитых серебром поясах. Эти денег не жалеют, даже велели принести полдюжины свечей вместо чадающих лучин. Згур уже успел разобраться – лехиты, хвастливые и буйные соседи с заката. Четыре года назад войско улебов наглядно объяснило усачам, почему не надо бросать латную конницу на строй стрелков с гочтаками. Объяснение вышло, говорят, очень убедительным. Ивор сын Ивора оказался прекрасным полководцем.

Впрочем, сейчас в земле улебской был мир, и в харчевне тоже мир, хотя драки случались здесь частенько. Згур бывал здесь уже неделю, каждый вечер, и два раза пришлось слегка размяться. Дрались, впрочем, без особой злобы и даже лежащих не били. В последний раз потасовка кончилась совместным распитием все того же пива. В общем, место было пристойным, хотя Згуру оно нравилось не только этим.

Хозяйка – полнотелая молодка лет тридцати – как-то неожиданно оказалась рядом и, улыбнувшись, кивнула на кубок. Згур улыбнулся в ответ, но покачал головой – пил он мало, и оловянный кубок нужен был ему больше, как предлог, дабы оставаться за этим столом подольше. Молодка вновь улынулась и провела языком по пухлым губам, еле заметно подмигнув. Згур вздохнул и отвернулся. Хозяйка удостаивала его вниманием уже третий вечер подряд, и после последней драки тот, с кем довелось сцепиться, а после – выпить, даже удивился: «Да ты че, волотич, слепой, да?»

Згур слепым не был, да и этакую молодку смог почуять даже слепой за десять шагов, но не за тем он сюда пришел. Ему хватило и прошлой ночи...

Згур поморщился и глотнул пива, даже не почувствовав вкуса. К той женщине, имени которой он не знал, он пришел в темноте, когда узкие валинские улицы уже опустели, а за закрытыми слюдой окнами домов гасли огни. Точнее, пришел не к ней. Та, с которой его свели, была слишком осторожна, чтобы пускать заброду-волотича в дом. Какой-то чердак – или второй этаж, в Валине не поймешь – маленькая комнатуха, низкие табуретки, коврик на полу. Женщина стояла у окна, но когда Згур вошел, поспешно отвернулась, чтобы бледный сумеречный свет не падал на лицо.

Да, она была очень осторожна – и недаром. Разговор мог стоить ей головы. На поясе у Згура висел тяжелый кошель с серебром, но после первых же слов – уклончивых, неуверенных, он вдруг сообразил, что правды ему могут не сказать. Он уйдет, исчезнет, а женщине жить здесь, рядом с теми, кого она предавала. И тогда он, вспомнив советы наставника, начал гово-

речь о пустяках, шутить, болтать какую-то ерунду, рассказывая о Коростене, о том, что было с ним в дороге. Наставник учил – женщинам не так важно, о чем речь, важно как говоришь. И женщина постепенно оттаяла, оживилась, принялась расспрашивать – не о деле, конечно, а так, о жизни. И Згур решился. Он знал – эта женщина, готовая предать за горсть серебра, одинока и несчастлива. Он пододвинул скамейку поближе, затем рука легла на горячее податливое плечо, губы потянулись к губам, бесшумно упало на пол платье из тяжелой богатой ткани...

...А потом она рассказала все – многословно, повторяясь, то и дело срываясь на плач. Он гладил ее, словно обиженного ребенка, успокаивал, осторожно переводя разговор на самое нужное – и чувствовал себя последним подлецом. Да, наставник прав – самые сильные женщины расскажут все тому, кто вовремя их утешит. Затем они лежали на его плаще, простеленном прямо на жестком полу, она тихо стонала, счастливая и спокойная, а Згур все думал, оставлять ли ему серебро, перед тем как исчезнуть. Получалось, будто он покупал не тайну, а саму женщину. Впрочем, выход нашелся. Уже одеваясь, он, совсем другим тоном, словно и не было ничего, спросил о том, что его совершенно не интересовало. И женщина – на этот раз неохотно, цедя слова, рассказала о войске Великого Палатина Ивора, о трех сотнях конных стрелков, что были посланы к лехитской границе, о новых стенобитных машинах, которые придумал Кошик Румиец. Все это Згур знал, но разговор о войске позволял отвлечь внимание от главного и давал хороший предлог, уходя, оставить кошель с серебром, торопливо бросив: «От Барсака». Он ушел затемно, зная, что едва ли еще ее встретит. И это немного успокаивало. Как и то, что об этом не узнает мама. Згур внезапно ощутил боль – мама! Если им суждено еще встретиться, он будет лгать ей – как лгал тогда, вернувшись из сиверской земли, после великой Битвы Солнцеворота. Он не мог сказать правды о том, что случилось, когда они ворвались в табор, и Меховые Личины бросили в грязный снег свои полированные каменные топоры. Не скажет и о том, что было с ним в Валине. Мама! Как там она в маленьком, почти забытом Буселе? Он сказал ей, что едет в Савмат, к Светлому – опять солгал! – и она поверила, просила поменьше пить, с альбирами Кеевыми не задираться, да пуще огня беречься столичных девиц, что ни стыда ни совести не ведают. Он обещал, думая, что вновь не сможет помочь в хозяйстве, хотя и надо. Скоро жнива, а у них нет даже холопки, чтобы помочь. Мать не хочет – сама хлебнула неволи в войну. Разве что отцовы друзья помогут, да дядя Барсак. Всегда ведь помогали...

Хозяйка вновь оказалась рядом, на этот раз с новым кубком на деревянном подносе. Згур заглянул в свой и сообразил, что как-то незаметно осушил его до дна. Поблагодарив кивком глазастую молодку, он окинул взглядом зал – и замер, разом забыв и о ней, и о той, чье лицо так и не удалось увидеть. Нужный человек сидел совсем близко, в трех шагах, и перед ним стоял такой же оловянный кубок...

Згур отвернулся. Рассматривать этого парня ни к чему. Прошлым вечером он уже был тут, и Згур успел подробно разглядеть того, ради которого он пил темное пиво в этой харчевне на окраине Валина. Худощавый, чуть выше его ростом, но поуже в плечах, чернявый, слегка горбоносый, с красивым, чуть надменным лицом. Похоже, они были погодки, но парень выглядел моложе Згура. Видать, хорошо ел, спал вволю, с зорей не поднимался, чтобы печь топить или в полном доспехе пробежку делать. В общем, красавчик, из богатых, которые не ведают, что такое тяжесть франкского меча в руке, зато знают, сколько весит кошель, полный серебра. Не удержавшись, Згур повернулся – и хмыкнул. На парне был желтый лехитский кафтан, шитый золотом пояс, и ко всему – золотая серьга в левом ухе. Конечно, каждый волен одеваться по-своему, особенно здесь, в Валине, но являться в харчевню в подобном наряде! Впрочем, это упрощало дело. Сам Згур был одет просто, хотя и прилично – новая рубаха, широкие броднищие штаны, простой пояс, шитый цветными бусинами – и большой кинжал у левого бедра. Так одеваются вольные люди, приехавшие кутнуть в валинских харчевнях – или слуги в богатых домах. Наставник учил – выделяться нельзя. В парче да золоте ходить опасно,

но и рубище ни к чему. Ничего приметного, особенного. И – чаще улыбаться. Запомнят не одежду, запомнят улыбку. И уж, конечно, не следует носить серьгу в ухе – с этакой приметой найдут сразу.

На его лавку сели еще двое. Пришлось потесниться, постаравшись сесть так, чтобы не терять парня из виду. Новые гости – пожилые, степенные, с окладистыми русыми бородами, явно из торговцев, завели неспешный разговор, заказав не пиво, а красное румское вино. Время еще было, и Згур стал слушать. Похоже, любители румского вина мнили себя знатоками не только в заморских напитках. Говорили о делах державных, да не просто, а с уверенностью, основательно. Згур еле сдержал усмешку – ну и Валин! Каждый купчишка считает себя Кеевым мужем!

Но разговор заинтересовал. Говорили о Кее Велегосте, который неделю гостил в Валине у досточтимого Ивора сына Ивора, Великого Палатина земли улебской. Да не сам гостил, а с сестрой, Кейной Танэлой. И ежели приезд Велегоста понятен – давно уже Кеи в Валин не заезжали, то отчего Светлый сюда и дочь прислал, того мужи торговые не ведали и диву давались. И добро бы еще погостили да домой подались, так ведь дальше поехали и куда – к харпам! В этакую даль Кеев Орел, считай, и не залетал. А значит, перемены будут. Не иначе Кей Велегост у харпов наместником станет, а может не сам, а сестру посадит. Тогда все понятным становится – Велегост войско ведет, дабы сестре править в земле харпийской сподручнее. А с Кеем Велегостом не поспоришь, он у отца – первый меч, вот ведь как у сиверов отличился! Да и Кейна Танэла – не иным чета. И меч в руках держать умеет, и все обычаи ведает, а главное – слова знает. Наузница, а то и того пуще – чаклунья. Так что харпам остается одно – покориться и дань платить. А что, все платят – и ничего. Великий Палатин, правда, не очень доволен, он-то харпийскую землю уже своей считал...

Згур вновь усмехнулся. Доморощенная мудрость позабавила. Вновь вспомнилась прошлая ночь, и слова, сказанные между объятиями. Эх, купчишки-бородачи, вам бы эти слова услышать! Да не им об этом ведать, а то, что в Валине думают именно так, тоже интересно.

Внезапно перед глазами встало изуродованное лицо – страшная маска, на которой живыми были только темные глаза. Велегост – Кей Железное Сердце. Вот не повезло парню! Вначале они, добровольцы из Коростеня, думали, что Кея изрубили на войне, но после узнали – все проще и страшнее. Десятилетний Кей поехал на охоту – и на мальчика бросилась раненая рысь. Глаза удалось спасти, но вот остальное... Згур сочувственно вздохнул – Велегоста было жаль. Все есть у человека – богатство, славный род, слава – и какая! – но нет того, что последнему бродяге дано – лица. Каково ему, ведь они со Згуром погодки, обоим по девятнадцать! То-то и держится Кей, словно ему все сорок. И на пирах бывает редко, а пьет много – в своем шатре, вместе с верным наперсником. Говорят, мать с отцом лучших знахарей да чаклунов звали, но не все и Кеям подвластно. Поэтому и любит Велегост в доспехе ходить, шлем со стальным забралом надвинув. Впрочем, в битве на красоту глядеть нечего...

О старшей сестре Кея Згур слыхал всякое. Бородачи лишь повторяли то, о чем говорили по всей Ории. Приемную дочь Светлого считали ворожеей и даже шептались о том, будто Кей Войчемир потому и удочерил девочку, что ведом ей какой-то давний секрет, который пострашнее любого оружия будет...

Торговцы между тем уже мыли кости сиятельной Милене, супруге Великого Палатина, что в последние годы совсем совесть потеряла, села прикупая, а порою просто отбирая у дедичей, что победнее, да у громад вольных. Неужто ей отцовского богатства мало? А если мало, то у мужа и того поболее – целый Дубень, второй город в земле улебской. И Палатинство Валинское – не из бедных, не только Кеям доход приносит. Неужто на приданное дочери? Что-то долго собирает, Уладе уже двадцать, а все не замужем, небось тоскует девка, извелась вся...

Второй кубок был пуст, и Згур решил, что пора. Харчевня полна народу, самое время начинать. Впрочем, ему-то делать пока ничего и не нужно, стоит лишь кубком о стол ударить, да разок подмигнуть...

Оловянное дно ударило о столешницу. В общем шуме-гаме звук вышел не ахти, но Згур знал – услышат. Теперь можно вновь отвернуться и послушать байки разговорчивых соседей. Так что там об Уладе? Действительно, пора девке замуж. А с другой стороны, за кого отдавать? Дочь Великого Палатина! Такую за дедича или даже за тысячника сына отдавать не по чину. И, наверно, жалко отцу – ведь единственная! Не послал ему великий Дий сыновей. Одна дочь – и то выжила чудом, как родилась, мертвой сочли...

Згур покачал головой – это ясно. Он и сам был один у матери, и диво, что вообще родился – его отец, как и тысячи других, ушел на Великую Войну совсем молодым. Какие уж тут братья-сестры! Но у дочери Ивора был отец, а их растили матери – Бусел стал поселком вдов. Да и не поселок это теперь – так, хутор. Почти все, что до войны жили, под сполотскими мечами легли, всего семь семей и спаслось. Думала ли мама тогда, что ее сын рядом с Кеевыми кметами на одном поле встанет не лицом к лицу, а плечом к плечу...

Слева слышались громкие голоса и в ответ еще один – высокий, резкий. Згур скосил глаза – началось! Трое мордатых, из тех, что пили пиво в углу, теперь перебрались к центру. Да не просто так, а поближе к чернявому парню – окружили тесненько, плечами поводят, рожи кривят. Итак, трое стоят, а тот, с серьгой в ухе, сидит... Нет, тоже встал, глаза горят. А ведь не из трусов!

Перебранку Згур слушать не стал. Ругались, понятно, по-улебски, а тонкостей здешнего обхождения он так и не выучил. Конечно, улебское наречие Згур изучал (как и сиверское, и, конечно, сполотское), но одно дело привычное: «Ни с места! Бросай оружие!» или «Где дворец наместника?», а совсем иное – многоэтажные, словно валинские дома, рулады, которыми щедро обменивались здесь. Точнее, этажи возводили мордатые, а чернявый бледнел, рука уже тянулась к поясу...

Пора! Згур встал, не спеша расправил плечи и шагнул вперед. Ближе всех оказался самый крепкий, с покрытой оспинами рожей. В здоровенной лапище уже плясал нож. Згур хмыкнул и легонько постучал мордато по плечу.

– Га?

Здоровяк оглянулся мгновенно, нож смотрел прямо в грудь Згуру. Похоже, парень из бывалых.

– Шо, братан, и тебя мочкануть?

Все-таки улебский он знал плохо. «Мочкануть» – эка придумали!

– Оставьте его! Живо!

– Шо?!

Несмотря на грозный тон, «шо» прозвучало не особо убедительно. Хотя бы потому, что рука Згура тоже не была пустой, и был в ней не нож, а огрский кинжал с широким лезвием. Для знакомства неплохо, теперь – набавить голосу. Стоит лишь представить, что ты на учебном поле, и желторотики-первогодки отказываются отжиматься...

– А ну прочь! Живо, босота!!

Рожа в оспинах дрогнула, здоровяк подался назад, и тут случилось то, чего не ждал ни Згур, ни остальные. Чернявый резко выбросил руку вперед...

– А, ты так, сволота! Бей его, братва!

Рухнула скамья, затрещал стол, заверещала хозяйка. Гости вскакивали, прижимаясь к стенам. Даже лехиты, на что забияки, и те в сторону подались. Дрались здесь часто, но не каждый вечер сходятся пятеро с ножами наголо.

Удар в руку Згур пропустил. Затрещал рукав, белое полотно тут же окрасилась красным. Пришлось отскочить, отмахиваясь кинжалом. Рядом, совсем близко, чернявый сцепился с одним из мордачей, третий крутился рядом, размахивая ножом...

– Ну, ща! Замочу!

Морда, покрытая оспинами, кривилась ухмылкой, нож плясал на уровне глаз, но нападать здоровяк не решался. Згур для убедительности сделал пару движений кинжалом, заставив противника попятиться, и вновь покосился в сторону. Чернявый, оттолкнув врага, прижался к стене, медленно отступая к выходу. Згур сделал выпад, взмахнув лезвием прямо перед носом мордатого, и одним прыжком очутился рядом с парнем.

– К двери! Я прикрою!

Чернявый понял сразу и, оттолкнув одного из парней, сунувшегося слишком близко, бросился к выходу. Згур резко развернулся – морда с оспинами была уже рядом, перед глазами блеснул нож...

– Не сильно задел, братан?

Згур быстро обернулся – дверь хлопнула, чернявый был уже на улице.

– Ерунда! Царапина!

Крови было много, но рана и вправду оказалась пустяковой. На войне такое и за рану не считается. Повязка – и снова в бой.

– Звиняй, волотич, – здоровяк был явно смущен. – Кто ж его знал, что этот урод будет на нож кидаться?

Згур подмигнул и достал из-за пояса кошель:

– Держи!

– Да ну! – рожа сморщилась. – Не надо, братан! Лучше б ты дал этого урода подрезать. Я б таких, с серьгами которые!..

Згур сунул кошель в лапищу, хлопнул парня по плечу и быстро направился к двери. «Драка» стоила ему небольшой обрубок гривны – как раз по паре кубков темного для каждого из мордачей. Теперь самое главное, не переоценил ли он чернявого...

На улице было темно, но для убедительности Згур выскочил из харчевни спиной вперед, держа кинжал наготове. И тут же чья-то рука потащила его в сторону.

– Скорее!

Они бежали долго, стараясь не споткнуться о неровную бревенчатую мостовую, и Згур мысленно похвалил себя за удачное начало. Наставник часто повторял: «Чтобы понять человека – стань им!» Два последних дня он пытался стать этим парнем. Что он знал о нем? Молодой, горячий, из потомственных дедичей, значит, альбиром себя мнит, не иначе. Что еще? Ножом владеет не очень, зато бегаёт хорошо...

– Передохнем!

Они остановились за каким-то двухэтажным домом, и Згур отметил еще одну деталь – его новый знакомец горазд командовать. Ну что ж, учтем!

– А здорово мы им в грызло дали!

Згур только моргнул. Вот тебе и потомственный дедич! «Грызло»! Или так в Валине все говорят?

– Я бы этих бычар!.. Ну, уроды! Ничего, еще разберемся!

Чернявый помотал головой, выдыхая злость и усмехнулся:

– Спасибо, друг! Не забуду! Тоже бычар не любишь?

– На дых не переносу! – охотно согласился Згур, стараясь не улыбнуться. «Бычар»! Ну, валинцы, бритвы не нужно, языком побреются! Но улыбаться нельзя. Мало ли, вдруг этот парень в темноте видит!

Пожатие узкой ладони было горячим и крепким. Внезапно послышался испуганный вздох:

– Это... Ты что, ранен?

Прежде чем ответить, как и полагалась: «Царапина!», Згур мысленно поблагодарил Мать Болот, направившую нож плечистого увальня. Лучше не придумашь! Для этого парня, верящего в благородство, такое – лучше любых уверений в дружбе.

– Надо... – голос стал озабоченным. – Повязку, обязательно, а то загноится! Пойдем! Я тут недалеко, у тетки живу. Сам-то я из Дубеня...

Згур знал и это. Из Дубеня, причем из Старого Детинца. И зовут чернявого...

– Черемош. Черемош сын Росохи, – узкая ладонь вновь сжала руку, но на этот раз осторожно, чтоб не потревожить рану. – Батя мой – войт, городской тысяцкий. А ты, кажется, волотич?

– Да, из-под Коростеня.

Про Бусел, говорить, конечно не следовало, а вот по поводу остального спорить не приходилось. Волотича не спутаешь, а значит, нечего и врать.

Они вновь пошли куда-то по темной улице в сторону Лехитских ворот, и Згур вновь подумал, как представиться. Своего имени говорить не хотелось. Назваться, что ли, каким-нибудь Волкодавом из рода Гончих Псов? Но наставник учил – чем меньше лжи, тем безопаснее. Значит, он...

– Згур сын Месника.

Это была правда. Отца звали иначе, но для многих он был просто Месником – Мстителем. Мстителем за Край...

Черемош, глотая слова, начал рассказывать о том, как они у себя в Дубене гоняют «бычар», да не просто, а каждый день, и о том, что серьги сейчас носят все молодые дедичи у лехитов и алеманов, и только «бычарам» сие не положено, оттого «бычары» и бесятся, а в харчевню надо вернуться и оным «бычарам» как следует «вмазать». Згур поддакивал, прикидывая, что когда говорливый Черемош сделает перерыв, следует рассказать немного о себе. Лучше всего назваться дедичем, а то еще за «бычару» примет. И так, он дедич, из небогатых, с двенадцати лет в Вейске Края, а вот недавно ушел, решив повидать свет. Тут почти все правда. Его отец... Згур невольно улыбнулся. Сказать бы этому зазнайке, кто его, Згура, отец! Нельзя! И так, его отец был сотником на Великой Войне, и с войны не вернулся. Для начала – хватит. Да и говорить много не придется, Черемош, похоже, способен любого заболтать.

День был на диво ясный, но не жаркий, и валинский торг оказался переполнен. Згур с трудом протискивался между деловито снующими людьми, стараясь не наступать на разложенный прямо на утоптанной земле товар. Чего тут только не было! И кого! Улебы, сполоты, земляки-волотичи, огры со своей знаменитой упряжью и сапогами желтой кожи, лехиты, плечистые краснолицые алеманы и даже франки, которых в Коростене отродясь не бывало. И не диво – Валин город искони торговый. Живи где-нибудь, к примеру, песьеглавцы, о которых в сказках сказывается, и они бы тут торговали. Вокруг стоял гам, словно торговцы и покупатели решили перекричать друг друга. Впрочем, так и было – торговались отчаянно, с криком и руганью, а затем били по рукам, отсчитывали серебро и шли в ближайшую харчевню – обмыть покупку.

На торг Згур попросту сбежал. День, проведенный вместе с Черемошем, изрядно утомил. Не то, чтобы сын дубенского войта оказался столь невыносим. Напротив – Черемош Згуру понравился. Славный парень, жаль, что именно так пришлось знакомство свести. Но дня, проведенного в доме у его тетушки, вполне хватило, и когда Черемош заявил, что пойдет в гости к еще одному родичу, Згур отпросился на торг. Оставаться в гостеприимном доме не хотелось.

Прежде всего Згура принялись лечить. Как только они вломились в дом, напугав сонного привратника, тетушка – старая, но такая же решительная, как ее племянник, грозным голосом кликнула холопов, послала за каким-то Редькой-знахарем, и все эта толпа занялась Згуровой

царапиной. Тут уж довелось поволноваться. Руку долго мыли черным дымящимся варевом, затем наложили одну мазь, следом – другую. Повязку было велено менять трижды в день, а заодно пить что-то горькое и противное – для пущего здоровья. Сам Черемош крутился рядом, давая советы, и Згур убедился, что к лечению валинцы относятся более чем серьезно...

Покупать на торге было нечего. Все нужное спрятано в надежном месте у надежного человека, и Згуру оставалось только смотреть. Горшки, кувшины, чаши. Снова чаши, да не простые – румские, черного блеска, с розовыми человечками по бокам. Светильники – тоже румские, на один рожок, на три, на десять. А вот и блюда: на одно муравья класть можно, на другое – чуть ли не целого тура. Згур лишь головой качал. Мать Болот, выдумают же! А вот и ткани... Ну, тут можно не смотреть, иначе в глазах рябить начнет. Да и что смотреть? Ткани – это для девиц больше, воину Края и серого плаща хватит. А красиво – прямо радуга!

Лечение оказалось не единственной напастью. Подлечив, Згура принялись кормить. К еде в улебской земле тоже относились серьезно, к тому же Черемош вкупе с тетушкой почему-то решили, что их гость умирает с голоду. Вновь сбежались холопы, на длинный стол легла вышитая камчатая скатерть, и пошли перемены блюд – первая, вторая, пятая. Тут уж Згур взмолился, попросил пощады – и был отправлен почивать. Именно почивать – на мягкую перину, в которой он всю ночь тонул, словно в болоте...

За тканями шло железо. На серпы с молотами Згур глядел равнодушно, но затем начались ряды оружейников, и тут уж глаза стали разбегаться. Згур поневоле вздохнул. Мать Болот, ему бы серебра побольше! Кинжалы – огрские, франкские, лехитские и... неизвестно чьи, но как хороши! Не удержавшись, Згур примерился к одному, самому замечательному, с лезвием синеватого блеска, и с сожалением положил оружие на место. Брони, кольчуги... На сабли и глядеть не стал – от соблазна подальше. Сколько ж войска вооружить можно! И, наверное, вооружают. Та, лица которой он так и не увидел, говорила о трех новых сотнях, которые собрал Палатин. Интересно, против кого? Против лехитов? Или?..

Згур проснулся рано, как привык – с первыми лучами солнца. Но выяснилось, что в доме у тетушки спят долго – чуть ли не до полудня. Пришлось изрядно поскучать, прежде чем появился сонный Черемош и повел его на завтрак – за тем же столом, с переменами блюд и молчаливыми холопами, стоявшими по углам. А следом за этим чернявый потянул Згура в город, заметив, что одному ему, волотичу, Валина не знающему, бродить опасно – еще на «бычар» нарвется. А вот вдвоем...

Они гуляли долго, и Черемош непрерывно говорил. Згура это вполне устраивало, и вскоре он узнал, какого знатного рода его новый приятель, да не просто знатного, а с серебряной тамгой, а на тамге той Зверь Лютый и сабля без ножен. А батюшка Черемоша не просто войт дубенский, а еще и славный воин, что под Коростенем воевал вместе с самим Кеем Уладом, а стоял их отряд прямо в центре, и был его батюшка ранен, но выжил и с победой вернулся, и теперь все его уважают и чтят, ведь те, кто дрался под Коростенем – люди особые, таких сейчас уже мало осталось...

Згур кивал, стараясь смотреть в сторону. Под Коростенем отец тоже был ранен – копьё попало в грудь, а голову разбил удар чекана. Отец был на правом фланге Вечера Потрясения, и вся его сотня осталась там, на страшном мертвом поле, а отец лежал всю ночь, пока кто-то из уцелевших не подобрал умирающего сотника. Отцу тогда тоже было девятнадцать...

Впрочем, говорить об этом не стоило, да и что толку вспоминать давние счета? Ведь он сам, сын Месника, пошел добровольцем, чтобы драться под алым Кеевым Стягом. Времена меняются, Светлый Кей Войчемир – не Рыжий Волк Сварг. И хорошо, что сыновья тех, кто насмерть схватился под Коростенем, могут идти по шумной валинской улице и о жизни беседовать...

С трудом покинув ряды оружейников, Згур попал в «едный ряд». Еду выкладывали прямо на землю, на платки да покрывала, и оставалось порадоваться, что тетушка Черемоша

столь хлебосольна. Иначе и тут бы не удержался. Дымящаяся похлебка с потрошками, мясо в глиняных горшочках – ладно, но вот раки! Раков Згур любил всегда, в Буселе их было полно, благо река рядом. С детства ловил – и под корягами, и так, прямо у берега. А здешние раки – всем ракам раки: огромные, испугаться можно!

Итак, к вечеру Згур знал о своем новом приятеле почти все. Почти – ибо про остальное чернявый лишь намекал. Поинтересовался, женат ли Згур, есть ли невеста... А вечером, переодевшись во все новое, собрался куда-то, велел тетушке, а заодно и своему гостю не волноваться. Не к «бычарам» идет!

И это Згур тоже знал, поэтому и не стал расспрашивать. Опасно, да и зачем? Скажет! Сам скажет!

Задумавшись, Згур не заметил, как забрел на самый край торга. Тут уже не было ни горшков с блюдами, ни оружия, ни дымящейся похлебки. Зато народу хватало, и народу престранного. Плащи с темными балахонами, дымящиеся курительницы, какие-то яркие картинки, выложенные прямо на земле...

– А посеребри ручку, красавчик! – наглая чернокошая девица в цветастом платье схватила за рукав, заглядывая в глаза. – Всю правду скажу! Что было, что будет, чем сердце успокоится...

Ах вот оно что! Похоже, он забрел аккурат к гадателям – кобникам да чаклунам, наузницам и вельхвам. Згур не любил подобный народ. Не любил – и побаивался. Наверно, потому, что мама очень страшилась злых чаклунов. Но любопытство взяло верх.

– Скажи сначала, что жена моя поделывает?

– Тебя ждет. На лавке сидит да пряжу прядет. И радость у тебя – сын будет...

Згур облегченно вздохнул, освободил рукав от крепкой хватки и засмеялся. Ну, конечно! Недаром дядя Барсак говорил, что цена этим кобникам да наузницам – битый горшок в торговый день, они и о себе ничего сказать не могут.

Он пошел, не спеша, отмахиваясь от предложений прикупить приворотного зелья или обзавестись веревкой, спасающей от злых нав. Рука крепко сжимала кошель у пояса – с этим людом держи ухо востро! Пару раз, веселья ради, он спрашивал – то вновь о жене, то о брате, то о братней невесте – и, посмеиваясь, шел дальше. А он их еще боялся!

– Купи браслет, сотник!

От неожиданности Згур замер и медленно обернулся. На него глянули подслеповатые старческие глаза. Старикашка, морщинистый, сгорбленный, в каком-то рванье.

– Браслет, браслет купи. Третью гривны всего! А в том браслете сила великая, добрая, сам искал, сам нашел...

Все это могло быть случайностью – кмета узнать легко, а с сотником – просто угадать, но на душе стало холодно. Быстро оглянувшись, Згур оттащил старика в сторону.

– Браслетик, браслетик, – бормотал тот, жалобно мигая. – Добрый браслетик! Та, что носила его, счастливо жила, и счастья столько было, что и в могилу с ней ушло, и этого счастья еще на многих хватит. Я знаю, я кобник, кобник...

– Погоди! – Згур уже начал успокаиваться. – Скажи сначала, как я с женой своей познакомился?

– С женой? – подслеповатые глаза удивленно мигнули. – Так нет у тебя жены, сотник! А с девушкой своей первой ты три года назад встретился. Летом было это, она веночек белый надела и платье белое. Потом она тебе еще сказала: «Не бойся, красивый! Хочешь, сына тебе рожу?»

Вновь стало холодно. Да, три года назад. Он уже был в Учельне, и их сотня отправилась на полночь. Тогда они зашли в маленький поселок...

– Кажется, свой обед ты заработал, старик...

Серебро, впрочем, Згур давать не стал. Отведя кобника в едний ряд, Згур накормил его похлебкой и терпеливо ждал, пока старик, чавкая и жадно глотая, справлялся с горячим

варевом. Затем за маленький обрезок серебра прикупил старый, но прочный плащ и накиннул кобнику на плечи.

– Спасибо, спасибо, – на подслеповатых глазах выступили слезы, и Згур понял, что кобнику живется несладко. – Спасибо, сотник! А то злые люди меня обижают, обижают, убить хотели, три дня в крови лежал. А потом ушел, далеко ушел, у лехитов бродил, у алеманов, у франков. Теперь сюда пришел, а домой идти страшно, вспомнят обо мне злые люди, вспомнят...

Домой? И вдруг Згур сообразил: этот старик – волотич! Вот как выходит!

– Злые они, злые! – бормотал кобник. – Один Кей Улад добрый был, меня уважал, село обещал подарить. Да злые люди меня нашли, ножом резали, копьём били...

Кей Улад? Згуру показалось, что он ослышался. Какой Улад? Неужели...

– Так ты служил Рыжему Волчонку, старик? Брату Сварга?

Згур разом пожалел о потраченном серебре. Вот, значит, кому служил старый негодяй! Это он сейчас старый, а тогда, двадцать лет назад...

– Служил, служил, – похоже, кобник не обратил внимания на тон, каким его спросили. – Добрый он был, хороший! Его тоже убить хотели. А потом Извир землю тряс, много народу погинуло, и Кей Улад погинул. Предупредить пытался, да, видать, поздно было. А меня убить хотели, Барсак проклятый, все волком смотрел...

Теперь Згур слушал, не перебивая. Барсак – имя редкое у волотичей. Не о дяде ли Барсаке речь? Он ведь тогда вместе с отцом Край защищал от таких, как этот. Спросить бы...

– В болоте лежал, кровь вокруг. Упыри заложные собрались, кровь пить стали, да я их отогнал. Потом навь пришли, меня звали, но я слушать не стал. Долго лежал, затем пополз, комары меня ели, пиявки ели...

Все стало ясно. Старый предатель выжил и теперь боится вернуться, хотя кому он нужен сейчас? Впрочем, нет, таких помнят, почти у каждого то отец погиб, то дед, а то и вся семья...

– Что еще скажешь, кобник?

Пора было заканчивать ненужный разговор. Будь кобник помладше, Згур знал бы что делать. Но не душить же того, кто и так одной ногой в Ирии. Хотя таких в Ирий и не пускают!

– Скажу, скажу, – кобник заторопился, словно чуя, что сейчас его погонят прочь. – Добрый ты, сотник, да злое дело свершил. Сам злые дела делал, знаю. Прошлой зимой это было, а до сих пор тебя мучит...

Хотелось сказать: «Врешь!», но горло перехватило. Прошлой зимой... Ночь Солнцеворота, разоренный вражий табор, женщины, брошенные на грязный снег, оружие дети – и окровавленные мечи в руках его ребят. «Всех! Всех! Всех, кто выше тележной чеки!» Трупы лежали всюду – кучами, кое-где кучи шевелились, но раненым спасения не было – зима, вокруг – холодный лес. Тогда это казалось справедливым – ведь из их сотни уцелело всего двадцать два, впереди была тризна, глаза матерей, которым предстояло рассказать об их сыновьях, оставшихся в далекой сиверской земле...

– Не горюй, не горюй, сотник! – кобник явно что-то почуял. – Все мы во зле живем, зла лишь в Ирии нет, потому, как и жизни там нет, а когда жизнь – тогда и зло рядом. И сейчас ты на злое дело собрался...

Згур смолчал, хотя далось это нелегко. Злое дело? Пусть так! Но кто смеет ему говорить об этом? Проклятый предатель, изменивший Краю и Велге? Нет, врет негодяй! Не может быть злым то, что делается ради родины!

– И что? – усмехнулся он. – Браслетик твой мне, что ли поможет, чаклун?

– Не чаклун я, – старик вздохнул. – Мог рахманом стать, да не пришлось. Кобник я, кобник. А браслет – не для того. В кургане его нашел, три дня копал. В том кургане красавица спит – словно вчера положили. Не с руки снял – у сердца лежало.

Стало совсем мерзко. Он еще и могилы разрывает! Вот падаль!

– А в этом браслете счастья много! Я его на тебя заговорю, какая девушка тот браслет наденет, такая тебя на всю жизнь полюбит, и лучше суженой не найдешь. Всегда любить будет, любовь ее – что пламя ровное, горит да греет, и в Ирии не погаснет. Не приворот это – в привороте счастья нет, боль одна. А это – счастье чистое, потому как не ворованное, а подаренное. Третью гривны всего, сотник! Я бы и так подарил, да жить надо, я бедный, бедный, никто меня не слушает... Как звать-то тебя?

– Згур...

Собственное имя вырвалось само собой, а кобник уже что-то шептал, крутя в руках маленький мешочек. И Згуру стало страшно. Нет, не зря мама боится, не зря велит держаться от таких подальше! Рука полезла в кошель:

– Подавись!

Сгоряча он дал даже не треть – половину (новенькую гривну он разрубил как раз накануне). Старческие руки вцепились в серебро, и Згур, не оборачиваясь заспешил прочь. Пусть оставит себе мертвый браслет! Не надо такого счастья! Жаль, у дяди Барсака двадцать лет назад рука дрогнула! Или этих кобников простым копьём и не убьешь?

В доме у гостеприимной тетушки Згура ждал обед о пяти переменах блюд. Черемош уже вернулся, но, странное дело, почти ничего не ел и главное – молчал. Не требовалось особой догадки, чтобы сообразить – с парнем что-то не так. На «бычар» нарвался, что ли? Но на красивом, слегка смуглом лице не наблюдалось ни синяков, ни царапин, к тому же Згур уже знал – дракой такого не испугаешь, скорее раззадоришь. Значит, если дело не в разбитом «грызле», и если Черемош ничего не рассказывает при тетушке...

Поговорили после обеда. Вернее, говорил Черемош. Как только они зашли в комнату, он с грохотом захлопнул дверь и треснул кулаком об стену.

– Я... Я его убью!

Чего-то такого Згур и ожидал. Оставалось узнать, на кого пал гнев горячего парня. Может, какой-то «бычара» просто толкнул сына войта на людном перекрестке?

– Убью! – кулак вновь ударил о стену. – Нет, я его на поединок вызову! Я ведь дедич! Згур, ты правила знаешь?

– Поединков?

Да, наставник прав – за ложь приходится платить. Назвался дедичем! Тем более, дедичей после Великой Войны в Крае почти и не осталось, а которые уцелели – тихо живут, о правах своих и не вспоминают. Правда, ребята из Кеева войска рассказывали...

– К старейшине рода идти надо. Или к тысяцкому городскому. Если он разрешит, тогда собирается народ...

– Нет! – Черемош наморщил нос. – Не годится! По правилам вызванный вместо себя бойца выставить может, особенно, если родом знатнее...

Згур и виду не подал, хотя подумать было над чем. Это кто же знатнее сына дубенского войта?

– Я бы его! С третьего удара! Ты как, Згур, на мечях умеешь?

– Учили...

Учили его крепко. Жмайло, огромный рыжий сполот, гонял их с раннего утра, приговаривая: «Давай-давай, волотичи, жабы трясинные! Тут вам ваша Мать Болот не поможет!». Наставника прозвали «Отжимайло» – и было за что. Молодые ребята, первый год как попавшие в Учельню, обижались на «жаб» и «волотичей», требуя, чтобы наставник называл их, как положено – «бойцами». На это Отжимайло лишь усмехался в огромные рыжие усы: «Бойцами станете, когда мой удар отобьете. А ну, жабы, бегом!»

– Учили! – усмешка у Черемоша вышла такая, что впору и обидеться. – А я в Дубене среди наших первый на франкских мечях был! Я б его! Могу и двуручник взять!..

Оставалось сохранять серьезное лицо, хотя представить себе компанию с серьгами да в лехитских кафтанах, орудующую франкскими мечами, было забавно.

– Нет, не получится. Не разрешат...

Настроение у парня явно испортилось. Згур искоса взглянул на помрачневшего приятеля и решил, что пора.

– А я уезжать собрался...

– Домой? – без всякого интереса откликнулся Черемош.

– Нет, к румам.

– К-куда?!

Ключуло! Теперь – осторожнее, не спеша. Хорошо, что этот разговор он продумал заранее.

– Ну, понимаешь... Я ведь в Вейске Края служил. Семь лет – не так и мало. Надоело, решил мир повидать. Думал, в Валине службу найду...

– Ночным сторожем?

Обидеться? Нет, нельзя. У парня просто привычка такая – над каждым словом язвить. То-то ему с «бычарами» рядом неуютно!

– Сторожа платят мало. Вначале думал в валинское войско, к Палатину, да не хочется вновь лямку тянуть. Эти дни походил, посмотрел – может, кому охранник нужен. Да все как-то... Палатин во дворец к себе волотича не возьмет, а к купчишке какому-нибудь идти нет охоты.

– Это верно! – оживился Черемош. – Купчишки – они тоже бычары! Отец из них веревки вьет, а какой дернется – враз в грызло! А что у румов?

– У румов? – Згур мечтательно улыбнулся. – А у румов – все! Там любой службу найдет! Ведь Рум-город, говорят, Валина в десять раз больше, а Коростеня – во все двадцать!

– Читал! – глаза Черемоша блеснули. – Я ведь румский знаю! Не очень, правда, но фолии читать могу. Да, там только б серебро было! Знаешь, какая там жизнь?

– Не очень, – Згур вновь улыбнулся. – Вот и хочется поглядеть. Наймусь в охрану, поднакоплю серебра...

– Румы, румы... – задумчиво повторил Черемош. – Да, у румов, говорят, не то, что у нас. Вот, Кошик Румиец жил там, и теперь у Палатина первый человек!

О Кошике Румийце Згур, конечно, слышал – как не слышать! Он и румский учил – не для того, конечно, чтобы фолии читать. Кметово дело простое: «Стой! Бросай оружие! Кто воевода?». Воевода по-румски именовался странным словом «хилиарх». Но хилиарх хилиархом, а пора говорить о главном.

– Да и не достанут, если что...

– Как? – Черемош явно не понял, и Згур основательно пояснил:

– Я ведь не просто так из Вейска ушел. Было дело! В Крае мне оставаться не с руки, да и в Валине, пожалуй, тоже. Если захотят, найдут. А у румов...

Черемош задумался, затем резко кивнул:

– Точно! Так ты, значит, со своими разгавкался?

– Разгавкался, – охотно согласился Згур. – Одному... бычаре в... грызло двинул. А бычара сотником оказался.

– А! – узкая ладонь рубанула по воздуху. – Все они, вояки, такие! Мне отец еще два года назад предлагал в войско поступить – десятником. А я решил – ну его! Бычарами вонючими командовать!

Ну, конечно! Згур невольно вздохнул – сам он стал десятником лишь через пять лет – уже в Учельне. И то, если честно, не только благодаря своим заслугам. В Вейске помнили, чей он сын.

Разговор прервался, и Згур решил, что пока – хватит. Крючок заброшен, остается ждать, клонет ли. А если нет... А если нет, он вновь встретится с той женщиной, вновь уложит ее на старый плащ – и она сделает так, что чернявому красавцу придется поспешить...

Згур спал чутко – многолетняя привычка не отпускала, и когда дверь в маленькую комнату растворилась, рука сама скользнула к лежащему наготове кинжалу. Сквозь тьму неярко горел огонек маленького светильника.

– Згур! Эй, Згур! Ты спишь?

– Сплю...

Ответ был под стать вопросу, но сердце дрогнуло. Значит, началось! Черемош и в прошлые дни уходил куда-то полночь, но тогда он не будил своего гостя.

– Згур! Згур! – его потрясли за плечо, и стало ясно – разговора не избежать.

– Я... Я спать хочу... – Згур зевнул, всем своим видом показывая, сколь несвоевременно беспокоить соню, но Черемош вновь дернул его за плечо и, пододвинув табурет к ложу, присел рядом.

– Слушай, Згур... Как... Как лучше к рукам попасть? Через Савмат?

– Савмат?

Спешить не следовало. Пусть Черемош думает, что гость еще не до конца проснулся.

Чернявый чуть не застонал от нетерпения:

– Ну... Ты, помнишь, говорил... К рукам...

– А-а! – Згур махнул рукой. – Тоже мне, забота! Да к торговцам пристану, в охрану наймусь – и приеду. А морем, рекой – какая разница? Торговцы дорогу знают.

Похоже, парень несколько растерялся.

– Да... Конечно, но... Ты же сам говорил, что тебя могут искать. За того бычару, которому ты вгрызло двинул. Представь, за тобой приехали сюда, в Валин. Как отсюда к рукам побыстрее?

Светильник горел скверно, но улыбаться было нельзя. Мать Болот, как все просто получилось!

– Если меня начнут искать, – наставительно начал он, садясь поудобнее, – то найдут быстро. И ни к каким рукам мне не попасть. Границу перекрыть легко, тем более у Савмата. И к лехитам не поедешь – Палатин Ивор с ними договор заключил, чтоб беглых выдавать. Разве что на полночь, к аушкайтам или в Ольмин... Поэтому я сразу в лес уйду – в наш, волотичский. Там я каждую тропинку знаю. Пересижу зиму, а весной...

– Нет-нет! – нетерпеливо перебил чернявый. – Бежать надо сейчас!

– Мне? – лениво отозвался Згур. – Да ну его, лучше сдамся. Государыня Велга, глядишь, и простит. Извинюсь, виру выплачу – и все дела.

– Нам! Нам бежать надо! Мне и... – парень вскочил, опрокинув светильник, и в комнате сразу же стало темно. – Ах ты, Извир!..

Пока Черемош, поминая Извира, Косматого и нав с упырями, возился с огнивом, Згур пытался понять, как лучше поступить. «Догадаться? Или прикинуться, как говорили в Коростене, „опорком“? Нет, опорком лучше!..»

– Бычары на нас, что ли, пожаловались? Так ведь ссору они начали, убитых нет, а ранен я, а не они. К тому же мы с тобой дедичи, а они...

– Да Косматый с ними! – вновь перебил чернявый. – А, ладно, все равно все скоро узнают! У меня есть девушка. Мы с ней с детства знакомы, еще с Дубеня...

Теперь можно было слушать вполуха, тем более, эту историю Згуру уже рассказывали. Да, жили рядом, вместе в бабки да во вьюна играли, затем первый раз на теремной лестнице поцеловались, затем в верности клялись под весенними звездами. И – и все. Родители увезли девушку сюда, в Валин. Черемош бросился к отцу, просил послать сватов, но дубенский войт

отказался, велел сыну навсегда забыть о суженой. Горячий парень, понятно, не послушал, помчался в Валин – и узнал, что девушку прочат замуж, и дело это, считай, решенное. Значит, одно осталось – бежать вместе, да туда, где не достанут. А достать могут почти везде – родители у его любимой не простые дедичи.

Згур слушал и кивал, прикидывая, что имен Черемош не называет – все-таки опасается. Молодец, парень! Только придется тебе не только имена назвать, придется в ноги поклониться...

– Так ты этого жениха убить собирался?

– Ну... – Черемош, кажется, слегка растерялся. – Это я так... По горячке. Не в нем дело.

Згур даже отвернулся, чтобы лицо не выдало. Не в нем! А в ком же?

– На полдень, к Нистру, – он вновь зевнул, как можно убедительнее и с наслаждением растянулся на ложе. – До границы – лесами, потом – через горы, затем – вниз по реке, в Тирис. А туда часто румские галеры заходят, отвезут прямо до Рум-города. Хотя нет, все равно нагонят! А не нагонят, сгинете. Места там скверные, вдесятером не пройти. Тем более – с девушкой...

Он сделал вид, что засыпает, но чернявый не отставал:

– Вдесятером – не надо! А если... Если втроем! Ты, я и... и она? Ты кмет, драться умеешь, и я тоже. Если что, отобьемся!

«И я тоже»! Згур поморщился. «Тоже»! Этого бы зазнайку на месяц-другой в Учельню! Или прямо на ледяную равнину Четырех Полей. Нет, туда не стоит, убили бы сразу, жалко парня!

– Глупости, – невнятно, словно сквозь сон, пробормотал он. – Втроем не проехать... И дюжине не проехать... Так своей девушке и скажи!

– Нет! – решительно отрезал Черемош. – Ты ей сам это скажешь!

Возле высокой деревянной ограды было пусто, а над острым частоколом поднимались черные кроны еле различимых в ночной тьме деревьев.

– Там сад, – шепнул Черемош, кивая на забор. – Раньше пустырь был, но Ивор, как Палатином стал, велел деревья посадить.

– Собаки, небось? – без всякой охоты осведомился Згур. – И стража?

– И собаки, и стража, – негромко рассмеялся чернявый. – А как же! Да только стража пьет, а собаки спят! Все схвачено, дружище Згур!

«Схвачено»! К валинским выражениям привыкнуть было нелегко. Да, «схвачено» неплохо!

– А как же Палатин?

– Нет его, – удовлетворенно заметил Черемош. – Приедет дня через два. Он у лехитов.

Згур вспомнил – точно! На торге об этом и толковали: уехал Палатин к лехитам, а зачем, то уж его дело. Значит, Ивор уехал, стража, почуяв волю, принялась за пиво, а то и за румское вино, ну а собак и прикормить можно.

– Значит, твоя девушка во дворце служит?

– Ну-у, вроде. Сам увидишь. Ладно, пошли!

Через забор перелазить не пришлось. Два бревна оказались аккуратно подпиленными, и в щель удалось протиснуться без особых сложностей. Черемош огляделся, ткнул рукой куда-то в темную глубину сада и шепнул: «За мной!»

Згур на всякий случай поправил кинжал, хотя чутье подсказывало – опасности нет никакой. Пьяного кмета-стражника опасаться нечего, а с собаками его учил обращаться сам наставник Отжимайло. Да, опасности не было, но идти в темный сад почему-то совсем не хотелось.

Может, виной тому была бессонная ночь. После того, как Черемош, еще раз пообещав, что отведет приятеля к своей зазнобе, принес небольшой кувшин с вином, и они выпили, Згур

попытался заснуть, но сон не шел. И не чернявый был тому виной, и даже не то, что им предстояло. Из головы не выходил проклятый кобник.

Подумав как следует, Згур понял, что дал маху. Одна Мать Болот да Дий Громовик ведают, вправду ли мерзкий старикашка ведовством владеет. Вдруг просто угадал? И не серебра было жаль, хотя предателю Края и куска лепешки давать не следует. Кобник напомнил о том, что Згур пытался забыть любой ценой – и не мог. Та ночь, ночь Битвы Солнцеворота, когда они ворвались в табор...

Згур много раз пытался представить, как должен был поступить. Да, Меховых Личин оставалось еще много, и они были страшны. Рядом с мужчинами сражались старики, мальчишки, даже женщины. Тут выбирать не приходилось, Згур видел, что делали враги в захваченных поселках. Но когда он с остатками сотни ворвался в ворота, вперед вышел худой высокий старик в лисьей шапке и первым бросил полированный каменный топор на снег. Личины сдавались, кидая оружие и становясь на колени. Это было так неожиданно, что кметы замерли, но тут он, Згур, вспомнив приказ Кея, крикнул: «Бей! Всех, кто выше тележной чеки!»

Потом он рассказал дяде Барсаку, и тот, покачивая головой, признал, что Кей был абсолютно прав. Скорее всего, Личины просто готовили западню. Ведь их оставалось много, очень много, и стоило остатку Кеева войска втянуться в табор...

Все так, но Згур не мог забыть, что случилось после его приказа. Не мог! И теперь проклятый кобник вновь заставил не спать ночь. Как хорошо, что он не взял браслет, украденный из могилы! Такой счастья не принесет...

– Стой!

Задумавшись, Згур не заметил, как они прошли сад, очутившись возле высокого резного крыльца. Дворец Палатина, бывший дворец Кеевых наместников, был велик, поистине огромен. Они находились возле главного крыла, но не с лицевой, а с противоположной стороны. Внезапно он вспомнил, что отец тоже бывал здесь. Но тогда шла Великая Война. Что бы сказал сейчас отец, будь он жив?

– Подожди тут! – Черемош, ткнув рукой в черную тень возле крыльца, шагнул вперед. Згур, неслышно скользнув поближе, замер. Наверно, сыну дубенского войта довелось потратить немало серебра, чтобы беспрепятственно ходить по дворцу! Не меньше, чем заплатил Згур, чтобы узнать об этом.

Чернявый взбежал по ступенькам и легко постучал в высокую дверь. Открыли почти сразу. Черемош быстро оглянулся и прошел внутрь.

Ждать пришлось долго. Згур переминался с ноги на ногу, прикидывая, что будет, ежели сейчас их всех накроет стража. Получалось, что ничего особенного. Скрыть такое просто, достаточно объявить, что ночью двое татей хотели проведать дворцовую кладовую...

Дверь еле слышно скрипнула, на крыльцо вышел Черемош и махнул рукой. Згур поспешил наверх. Чернявый нерешительно поглядел на него:

– Она... Она сама с тобой поговорить хочет. Я тут подожду.

И вновь пришлось сдерживать улыбку. Похоже, в этой парочке верховодил вовсе не сын войта.

– Как ее зовут?

Черемош несколько мгновений молчал, не решаясь, затем резко выдохнул:

– Улада.

– Как дочку Палатина? – Згур постарался удивиться как можно естественнее.

– Она... Он и есть дочь Палатина. Улада дочь Ивора...

...Об этом он узнал еще в Коростене. Правда, тогда Згур еще не ведал, что дубенского знакомого Улады зовут именно Черемошем. Об этом ему рассказала та женщина – как и о многом другом. Например, о женихе – о том, кого горячий парень хотел звать на поединок.

Едва ли дубенский дедич смог бы отличиться в бою на франкских мечях, ибо звали жениха Велегостом – Кеём Железное Сердце...

Огонек свечи с трудом рассеивал тьму, и Згур не сразу смог заметить ту, что ждала за дверью. В первый миг показалось, что перед ним парень – высокий, плечистый, под стать ему самому. Но затем свет упал на лицо, и Згур понял, что ошибся. Девушка – широколицая, длинноносая...

– Ты и есть этот... наемник?

Тон был под стать словам – язвительный, полный презрения. Можно было обидеться, попытаться пояснить, что они с Черемошем друзья, но Згур понял – это лишнее.

– Да, это я, сиятельная.

Теперь следовало поклониться, но не особо низко – не в ноги и не в пояс. Он – не холоп, не слуга. Достаточно просто кивнуть.

– Подойди к свету...

Осмотр длился долго, словно оглядывали кровного скакуна на ярмарке – разве что руками не шупали. Згур стоял молча, руки по швам, ноги – на ширине плеч, для пушей верности представив, что перед ним не ширококостная девица с длинным носом, а сам Отжимайло: рыжие усы, начищенная до невыносимого блеска стальная бронь, красные огрские сапоги. «В-волотич, жаба болотная! Гляди веселей, чучело!» Он даже запоздало пожалел, что верхний крючок рубашки не застегнут – того и гляди отжиматься заставят, да не просто, а с полной выкладкой, в кольчуге и шлеме. Ладно, авось пронесет!

– За что тебя выгнали из войска?

Не пронесло. Черемош явно успел поделиться байкой о сотниковом «грызле» – и, выходит, напрасно. Девица не столь наивна.

– Я отказался выполнить приказ, сиятельная.

– Да ну? За это не выгоняют!

Она не верила, голос стал еще более язвительным, даже злым.

– Это было на войне...

Ее глаза на миг оказались рядом, и Згуру почудилось, что на него смотрит кто-то другой – постарше и куда опаснее. Словно он попал в плен, и сейчас его будут допрашивать...

– На войне? Да ну? Это на какой же?

Да, он не ошибся. Впрочем, тут его не поймают.

– У сиверов. Войско Кея Велегоста. Третья сотня Края.

– Какие войска пришли к Кею Велегосту из Валина?

Згур едва не засмеялся. Да, молодец девица! Интересно, обязан ли он знать это? Пожалуй, да. Войско Велегоста было небольшим, за долгий поход удалось не просто перезнакомиться, но и подружиться.

– Три сотни «коловратов». Первая, синего значка – сотник Удай, вторая, белого – сотник Зорка...

– Ладно... – ее голос стал мягче, губы улыбнулись. – Странно, ты говоришь правду, наемник... Значит, ты берешься довести нас до Тириса? За сколько?

И опять можно было спорить, говорить о трудностях дороги, набивать цену. Но Згур уже понимал – Улада куда лучше разбирается в людях, чем ее наивный воздыхатель.

– Сотня гривен серебром.

Это было много. Даже очень много, но дочь Палатина лишь пожала широкими плечами.

– Две тысячи алеманских шелягов? Ты думаешь, я возьму такие деньги с собой?

Его вновь проверяли. Если он действительно собрался к румам, то конечно, должен продумать и это.

– Не обязательно таскать с собой мешок серебра, сиятельная. Достаточно взять долговую запись на кого-то из торговцев из Тириса...

– Чтобы ты нас в Тирисе и зарезал? Нет, наемник, сделаем иначе. Пятьдесят гривен ты получишь в Тирисе, остальные – в Рум-городе. И учти, записи будут без имени, только я знаю к кому обратиться за серебром.

Згур лишь кивнул, мысленно пожалев беднягу-Черемоша. Ежели такую взять замуж!.. Впрочем, нет, такую и брать. Случись беда, эта не растеряется, не начнет вопить, увидев дохлую мышь.

– Я не очень верю тебе, наемник. Но сотня гривен – хорошая гарантия твоей верности. Надеюсь, ты понял, что будет с тобой, если нас поймает Палатин?

Она сказала «Палатин», а не «отец» или «Ивор». Интересно, почему? По привычке?

– Догадываюсь, сиятельная.

– Не догадываешься. Палатин не даст умереть тебе раньше, чем через месяц. И это будет самый интересный месяц в твоей жизни, наемник!.. Служанку я смогу с собой взять?

Переход был столь неожиданным, что Згур не удержался:

– Разве для того, чтобы кинуть ее волкам – или разбойникам.

Длинный нос дернулся:

– Но... Кто будет меня раздевать перед сном?

На этот раз язык удалось вовремя прикусить, что стоило немалого труда. Впрочем, чуть подумав, Згур понял – эта избалованная девица по-своему права. Она привыкла жить именно так.

– Ужасно! Может... мне еще и мужчиной переодеться?

– Подойди к свету...

Это было маленькой мстью за начало их разговора. Впрочем, Улада стояла столь же невозмутимо, словно перед нею был кравец, собравшийся шить дочери Палатина новый наряд.

– Огрская шапка, лехитский кафтан – пошире, широкие штаны и сапоги – мужские. И плащ потеплее, будем ночевать прямо в поле. И – никаких румян или белил.

– Хорошо. Иди – и позови его.

Згур вновь кивнул, с трудом удержавшись, чтобы не вытереть пот со лба. «Его»! Бедный Черемош!

Пока сын дубенского войта объяснялся с длинноносой, Згур еще раз вспомнил весь разговор. Да, девица умна. Но все-таки поверила! Презирать людей – плохо, иначе можно догадаться, что есть вещи более дорогие, чем мешок серебра. Значит, он, сотник Вейска Края, сын Месника – обыкновенный наемник? Пусть будет так! И Згур почувствовал что-то, похожее на облегчение. предавать того, кто тебя ненавидит и презирает, легче.

Глава вторая. Хозяин Злочева.

...Вдали темнели бревенчатые дома родного Бусела. Но это был не привычный маленький поселок о семи избах. Густой частокोल охватывал весь мыс, десятки домов горбились скатыми крышами с резными фигурками на затейливо украшенных коньках. Згур знал – таким был Бусел до войны, до того, как его жители бросили поселок, спасаясь от закованных в железо сполотов, но все равно не ушли. Каратели настигли их – кого в лесах, кого в соседних селах.

Такой, прежний Бусел ему снился не впервые, но теперь он был тут, на песчаном речном берегу, не один. Отец стоял рядом, и был на нем багряный плащ, заколотый серебряной фибулой, наброшенный поверх сверкающей кольчуги. На голове – легкий сполотский шлем, при бедре – франкский меч, а на ногах – желтые огрские сапоги.

Згур часто видел отца во сне – именно такого, хотя и знал, что во время Великой Войны воины Велги носили простые серые плащи, кольчуги и шлемы имел далеко не каждый, а уж франкский меч – в лучшем случае один на сотню. Но отца запомнили именно так: Месник, Мститель за Край, не мог драться простым клевцом и ходить в дырявой рубахе. В песнях и старинах одежда и оружие перечислялись особенно тщательно, словно сказители пытались восполнить то, чего так не хватало повстанцам.

Отец был молод, но глаза смотрели сурово и не улыбочиво. Светлые пряди выбивались из-под шлема, и в них серебрились первые нитки ранней седины. Згур знал, что это сон, и отец ничего не скажет ему – того, что он не слышал бы от матери или дяди Барсак, но все же не мог удержаться:

– Я отомщу за тебя, отец!

Взгляд молодого воина в багряном плаще не изменился. Легко дрогнули бледные губы.

– Кому, Згур? Сполотам? Дети не виновны в грехах отцов.

Они говорили об этом не в первый раз, и Згур заспешил:

– Нет! Сполоты – не враги. Дядя Барсак говорит...

Лицо отца искривилось усмешкой.

– Барсак? Он не простил. Он – и другие, кто выжил. Учти, они будут мстить дальше – твоими руками. Война кончилась, Згур, и на могилах давно уже растет трава. Помни – когда идет война, и Край в опасности, допустимо все. Но сейчас мир...

Згуру стало не по себе – такого от отца он никогда не слышал.

– Но... Если Краю нужно? Ведь ты сам после Коростеня мог не идти в бой. Ты был тяжело ранен. Но ты вызвался добровольцем...

– Да. Ради Края, – глаза сверкнули живым огнем. – Ради Края и твоей матери, Згур. Я очень любил ее...

Горло свело болью. Згур вспомнил, как плакала мать – ночами, думая, что он не слышит. Наверно, так плакали все вдовы Бусела и, конечно, не только Бусела.

– Я буду мстить не сполотам, отец. Я дрался плечом к плечу с кметами Кея Велегоста на Четырех Полях. Но ты погиб не на войне, я знаю. Тебя убили позже...

Про это мало кто ведал, да и сам Згур догадался далеко не сразу. Он, сын Месника, родился через два года после того, как Велга и Кей Войчемир договорились о мире. Через два года! А потом он узнал, что отец приезжал в Бусел уже после войны. Приезжал вместе с матерью, помог обустроить дом и уехал – навсегда.

– Теперь я знаю, что ты делал для Края, отец. И знаю, кто убил тебя!

– Знаешь? – в словах был лед, и Згур немного растерялся.

– Я... Я догадываюсь. Пока. Но узнаю, клянусь тебе! Узнаю и отомщу. Ему – и его родне. Всем!

– Всем, кто выше тележной чеки, – негромко проговорил отец, и Згуру вновь стало не по себе. Почему ему снится этот сон? Неужели отец, Мститель за Край, мог бы сказать такое? Нет, он не щадил предателей и никогда не запретил бы сыну...

– Я пришел не за этим, Згур, – голос отца стал совсем тихим, словно он был уже не здесь, а в далеком полуденном Ирии. – Я уже не в силах ничего запретить тебе – я далеко, а ты уже совсем взрослый. Но я должен предупредить...

Он замолчал, и тут Згуру привиделось, что лицо отца начало на глазах стареть. Морщины рассекли лоб, уголки губ опустились, седина плеснула в волосы.

– Я не мстил, Згур. Я делал лишь то, что нужно Краю. Но ты... Поступай, как знаешь. Однако во всем есть предел. Твоя мать боится чаклунов и кобников – и она права. Меч лишь убьет, ведовство погубит душу. И не только душу врага. Бойся того, чем ты владеешь, не зная. Но и это не самое страшное, Згур... Прощай!

– Отец!

Згур рванулся вперед, но лицо ударилось о невидимую стену. Темные силуэты домов стали расплываться, серым туманом покрылась река, и упала тьма – непроглядная, невыносимая, страшная...

Он открыл глаза и долго лежал, боясь пошевелиться. В затянутое слюдой окошко сочился предутренний сумрак, в коридоре уже слышались осторожные шаги тетушкиных холопов, вставших растопить печь да завтрак приготовить, а Згур все никак не мог прийти в себя. Сны посылают боги – он верил в это. И если отцу разрешили прийти из Ирия – то неспроста. О чем он хотел предупредить? Не мстить? Но он, Згур, не мстит, он делает то, что нужно Краю – как и отец в дни Великой Войны. Когда все будет сделано, он вернется домой и... Забудет? Нет, не забудет, но станет ждать нового приказа. Нет, тут опасаться нечего.

И тут вспомнился кобник – проклятый предатель, которого он сдуру да из жалости накормил горячей похлебкой. Может, отец имел в виду именно его? Но ведь браслет остался у заброды! Значит, и тут бояться нечего, и зря отец беспокоится в теплом Ирии. Нет, хватит думать об этом! Остался один день – последний, а там...

Згур пружинисто вскочил, привычно упал на пол и, скомандовав голосом наставника: «Начали, жабья душа!», принялся отжиматься. Вот так, волотич, вот так, сотник Згур! Бредни да страхи прочь, пора и о делах подумать. Первое – отправить Черемоша на торг за конями да припасами. Второе...

– Сапоги! Ну!

Голос Улады звучал сердито и недовольно. Черемош подскочил, склонился, схватил за красный огрский сапог, потянул...

Згур хмыкнул, продолжая возиться с костром. Это повторялось уже третий вечер и весьма его забавляло. Сапоги снимать дочь Палатина не умела – и не собиралась, как и расстегивать кафтан, садиться на лошадь, а равно с лошади слезать. У нее не было холопов и слуг, зато имелся безотказный Черемош. Згур дунул на разгорающийся хворост и еле удержался, чтобы не рассмеяться. Ну, ладно, он-то понятно. Но чернявый за что мучается? Любовь? Ну, знаете! Если это любовь!..

Первые пару дней Згур опасался, что невыносимый нрав Улады превратит их путешествие в сущее Извирово пекло. Девушка ворчала и спорила по любому поводу, отказывалась есть похлебку, сваренную на костре и требовала, чтобы по ночам от нее отгоняли комаров. Занимался всем этим Черемош; сам Згур с первого же дня молчаливо дал понять – он проводник, телохранитель, но не холоп. Кажется, Улада это поняла, но ограничилась тем, что почти не разговаривала с ним, а ежели приходилось, то называла Згура исключительно «наемником».

Но более всего доставалось чернявому, и Згур лишь гадал: сколько еще вытерпит парень? Но Черемош терпел, и оставалось только удивляться – выходит, это и есть любовь?

Костер разгорелся, и Згур оглянулся, думая позвать приятеля. Готовил тот сам, поскольку Улада сразу же заявила, что стряпня «наемника» ее совершенно не устраивает. Трудно сказать, чем похлебка или каша, сваренные чернявым, могли быть лучше, но девица упорно стояла на своем. Итак, Згур подбросил дров, оглянулся – и со вздохом сам взялся за котелок. Парочка была занята. На земле лежал снятый сапог, а Черемош что-то шептал на ухо девушке. Та благосклонно кивала и время от времени гладила его по руке. Згур пожал плечами и пошел за водой. Что поделаешь? Любовь!

...Их путешествие началось без особых трудностей. Дорогу Згур узнал заранее, и теперь вел их маленький отряд прямо на полдень, к Змеиным Предгорьям. Здесь, во владениях Палатина, особых опасностей ожидать не приходилось, но из осторожности ночевали не в поселках, а прямо в лесу, подальше от жилья. Ехали быстро, двуконь, меняя лошадей. К удивлению Згура, Улада прекрасно держалась в седле и почти не уставала к концу дня. Уставал Черемош, для которого подобные путешествия были явно не в привычку, но тоже старался не подавать виду...

Вода уже закипала, когда Черемош, наконец, справился со вторым сапогом и занялся похлебкой. Згур не без удовольствия уступил ему место у костра и прилег на траву, глядя в темнеющее вечернее небо. Пусть сын войта потрудится! С чернявым тоже хватало забот. Сапоги он, конечно, снимал сам, и за дровами ходить не отказывался, зато всячески искал приключений. В поход он отправился с полным вооружением, в кольчуге и даже шлеме, и Згур еле уговорил его снять всю эту тяжесть. Сам он тоже вооружился, но надевать бронь не стал – рано. Згур усмехнулся, вспомнив, как Черемош цокал языком, увидев его меч – настоящий, франкский, с клеймом в виде единорога. Меч ему подарил дядя Барсак – оружие было памятью о Великой Войне. У Черемоша меч оказался тоже неплох – алеманский, с золотой отделкой и цветными камнями на рукояти. И этим мечом сын войта в первый же день попытался разобрататься с какими-то тремя бродягами, посмеявшимися не уступить им дорогу. За ними последовали двое ни в чем не повинных селян, чья телега застряла на перекрестке, затем – какой-то неосторожный дедич, бросивший, как показалось чернявому, удивленный взгляд на Уладу. Згуру не без труда удавалось сдерживать горячего парня. К его удивлению, дочь Ивора тоже не приветствовала этакую лихость и немало язвила по поводу «альбирства» своего поклонника.

Вода кипела, Черемош, что-то отсчитывая на пальцах, кидал в котелок соль и остро пахнущие приправы, захваченные из тетушкиного дома, и Згур понял, что за ужин можно не беспокоиться. Улада присела поближе, поглядывая не без иронии на своего воздыхателя. Згур вновь отвернулся. Да, парня держат в черном теле, по крайней мере днем. Правда, вечером, когда Згур ложился спать, завернувшись в плащ, Черемош и Улада садились поближе к костру, накидывали на плечи покрывало и тихо о чем-то разговаривали. А может, и не только разговаривали, да не Згурово это дело. Места были спокойные, ночью можно не сторожить, так что спал он крепко, не прислушиваясь. А поутру все начиналось сызнова. Улада капризным тоном приказывала согреть ей воды для умывания, потом – подать костяной гребень, дабы расчесать свои длинные светлые волосы, затем начиналась церемония надевания сапог...

– Готово! – удовлетворенно заметил Черемош, в очередной раз пробуя варево. – Згур, ты...

– Миску! – перебила Улада. – И ложку! Помыть не забудь!

Из общего котелка есть она категорически отказывалась. Миска, как и ложка у нее оказались серебряными, тонкой алеманской работы. Згур уже не удивлялся.

– Много не накладывай! – дочь Палатина наморщила свой длинный нос, недовольно глядя на дымящийся котелок. – Опять, наверно, пересолил?

– Я... – растерялся Черемош, и Згур не удержался от улыбки.

Похлебка оказалась превосходной, и Улада несколько оттаяла. Згур, дабы чем-то помочь приятелю, добровольно вызвался помыть котелок в ближайшем ручье. Когда он вернулся, девушка сидела у костра, внимательно разглядывая что-то на своей ладони.

– Комар, – сообщила она. – Уже второй. Наемник, а в другом месте мы стать не могли?

– Так здесь вода близко... – начал было Черемош, но длинный нос вновь дернулся:

– Миску помой! И ложку!

Черемош вздохнул и поплелся к ручью. Згур отошел в сторону – оставаться наедине с девицей он не любил.

– А ты не смей ухмыляться, наемник!

– Не смею, – сообщил Згур, не оборачиваясь. – Не смею, сиятельная.

– Думаешь, не вижу? Обернись, я с тобой разговариваю!

Пришлось обернуться и сделать шаг к костру. Улада медленно встала.

– Ты много себе позволяешь, наемник! – темные глаза смотрели строго, без улыбки. – Ты, кажется, забыл, кто мы и кто ты. Напомнить?

Надо было смолчать, но Згур не выдержал, и улыбнулся:

– Напомни, сиятельная!

В темных глазах блеснул гнев:

– Я – дочь сиятельного Ивора, Великого Палатина Валинского и всей земли улебской, великого дедича и хозяина Дубеня. Черемош – сын тысяцкого и внук тысяцкого, его предки – потомственные дедичи. А ты – наемник, волотич из своего грязного болота, который хочет заработать горсть серебра. Ты понял?..

Слова били в лицо, словно пощечины. Згур закусил губы – так с ним никто еще не разговаривал. Волотич из грязного болота, вот значит как?

– Ты немного ошиблась, сиятельная, – медленно проговорил он, стараясь подавить гнев. – Сейчас мы все – беглецы и преступники. Но я – только наемник, который хочет заработать горсть серебра, а ты – дочь, посмевавшая нарушить волю отца. Кстати, твой отец – тоже волотич из грязного болота. Волотич, изменивший Краю и служивший его врагам!

Девушка отшатнулась, полные губы побелели.

– Вот как ты заговорил, наемник! Ты лжешь, мой отец – не изменник, изменники вы – бунтовщики, посмевающие кусать руку, которая вас кормила! Мало вас вешали...

Згур закрыл глаза, чтобы не видеть ее лица. Внезапно показалось, что с ним говорит не широкоплечая девица с длинным носом, а тот, кого он никогда не видел, но неплохо знал – Ивор сын Ивора, предатель и сын предателя. Мать Болот, хвала тебе, что меч лежит на траве, и что перед ним – девушка...

– Поэтому помни свое место, наемник! Таких как ты...

Внезапно на душе полегчало. А он еще сомневался, мучался! Перед ним – враг, настоящий враг, такой же, как те, с кем скрестили клевцы отец и его друзья...

– Меч! Меч! Где меч?!

В первое мгновение Згур ничего не понял. Почему Черемош вернулся без миски с ложкой, отчего так отчаянно кричит, а главное – меч-то зачем? Улада, похоже, тоже растерялась, а чернявый уже бегал возле костра, наклоняясь и бестолково хлопая руками по траве. И тут послышался треск кустов, что-то темное показалось на тропинке...

– Меч! Згур, где меч?

Похоже, помыть посуду чернявому не дали. И тот, кто совершил это, сейчас ломился вслед за незадачливым посудомоем. Медведь! Огромный, темно-бурый, с сединой в густой шерсти...

– Меч! Ага, ну я тебе!

Чернявый нашел-таки меч, и тут только Згур опомнился. Меч? А почему бы не ложка? Против эдакого зверя – все едино!

– Черемош, назад!

Испуганно вскрикнула Улада. А зверь был уже близко, маленькие глазки сверкали злобой, из пасти доносилось негромкое рычание. Згур успел удивиться – что это так допекло зверюгу? Вроде, не зима, когда с голодухи медведи лютовать начинают!

– Черемош, назад! Уходи!

Но чернявый не слушал. Меч уже был в руке, и сын войта смело шагнул вперед. Рычание – уже погромче и пострашнее. Мгновение зверь колебался, а затем начал медленно подниматься на задние лапы.

Згур бросился к Черемошу, но опоздал. В лучах закатного солнца блеснул клинок – и тотчас отлетел в сторону, выбитый быстрым ударом могучей лапы. Второй удар отбросил чернявого в сторону. Зверь заревел и шагнул вперед, прямо к застывшей на месте Уладе.

Згуру показалось, что все это происходит не с ними. Поляна, костер, мохнатое чудовище, готовое растерзать их всех. И тут же в ушах прозвучал знакомый голос – спокойный, чуть насмешливый...

«...Вы парни как, не из пугливых? Зверушек не боитесь? Правильно, хе-хе, правильно! Чего их бояться?» Рахман Неговит, толстенький, круглолицый, в своем нелепом черном балахоне стоит посреди поляны, с улыбкой глядя на выстроившихся перед ним молодых ребят из Учельни. «Ну, вот ты, Згур. Представь, идешь себе по лесу, о девушке своей мечтаешь, а перед тобой, хе-хе, волчина – или медведь!..»

Згур глубоко вздохнул и, не обращая внимания на отчаянные крики ползавшего по траве Черемоша, одним прыжком оказался перед зверем. Теперь – самое главное. Глаза! Почему он смотрит в сторону?! Глаза!!!

Во взгляде зверя была ненависть и жажда крови. К горлу подступил страх – еще один шаг и... Отступать поздно, медведь лишь выглядит неуклюжим – нагонит, навалится всей тушей... «Ты, главное, не бойся, Згур! Злобы у зверюг много, а вот воля, хе-хе, слабовата. Соберись с силами, пробейся, достучись. Главное – взгляд не отводи. Нельзя, хе-хе, съедят...»

Все исчезло, остались лишь звериные глаза, полные мутной ненависти. «Достучись, Згур, достучись – а потом дави!» Как это учил Неговит? Собраться, забыть страх – и держать взглядом. Держать, пока не лопнет кровавая пелена, и на тебя не глянет душа зверя – трусливая, не способная противостоять человеческой воле. И – голос, зверь боится голоса, но надо не говорить, а...

Згур заворчал – низко, напрягая гортань. Когда-то они весело смеялись, пытаясь подражать Неговиту. У того получалось здорово – испугаться можно. В горле пересохло, но Згур собрался с силами и рыкнул – негромко, хрипло.

Он ждал удара, но время шло – медленно, непередаваемо долго. Глаза зверя были совсем близко, и – ничего не происходило. Невыносимо хотелось крикнуть, броситься в сторону, упасть на землю, но Згур понимал – нельзя, это смерть. И вот, наконец... Медленно, медленно лютая ненависть в маленьких глазках стала сменяться удивлением. Зверь чувствовал – что-то не так, что-то мешает. Згур засмеялся, заставил себя податься навстречу чудовищу...

Есть! Удивление сменилось растерянностью, затем – ужасом. Вот она, душа зверя! Маленькая, пугливая, приученная бояться человека. Пора! Згур резко выдохнул и шагнул вперед. В ноздри ударил густой звериный дух, на мгновение вернулся страх, но тут медвежьи глаза дрогнули – и пропали.

Когда он вновь смог видеть, зверь уже уходил – не спеша, порываясь, время от времени оглядываясь, но не решаясь вернуться. Згур потер ладонью лицо и медленно опустился на траву...

– Ты... Он тебя... – голос Черемоша донесся словно из неизмеримого далека, и Згур с трудом разлепил губы.

– Нет, не съел. Ты как?

– Да отлично! Ну и рычишь же ты! Слушай, давай его догоним! Там такая шкура!

Жизнерадостного парня трудно было пронять даже медведем. Згур вяло подумал, не дать ли этому выдумщику по шее, но лишь махнул рукой. Хотелось засмеяться, но сил не было. Интересно все же, из-за чего разозлился зверь? Не иначе храбрый сын войта хотел разобраться с его «грызлом»!

– Ух, была б рогатина, показал бы этому бычаре! Я таких в Дубене!..

Згур покосился на возбужденную физиономию чернявого и, не выдержав, захохотал.

...Ночью его разбудило осторожное прикосновение. Згур, не открывая глаз, резко поднялся, рука легла на рукоять меча.

– Не дергайся, это я...

Он узнал голос Улады и открыл глаза.

Костер догорал, возле него тихо посапывал Черемош. Лицо девушки было совсем рядом.

– А ты храбрый парень, наемник!

Оставалось пожать плечами. Обида вспыхнула с новой силой. Она что, еще и за труса его принимала?

– Я... В общем...

Улада с трудом подыскивала слова, что было совсем на нее не похоже.

– Я не должна была так говорить с тобой, наемник. Извини!

Отвечать не хотелось, Улада заглянула в его глаза и покачала головой:

– Обиделся, вижу. Я... Я не подумала, когда говорила... Прости! Вы ведь там еще помните войну! Наверно, твой отец тоже воевал... Прости, Згур!

Впервые она называла его по имени, и это удивило куда больше, чем все остальное.

– Ладно, – он отвернулся, чтобы не встречаться с ней взглядом. – Забудем, сиятельная!

Девушка явно хотела сказать еще что-то, но, похоже, не решилась, а Згур не стал помогать. Нет, он не забудет! И очень жаль, что она все-таки извинилась. Теперь ему будет тяжелее.

Следующие несколько дней прошли без приключений. Погода оставалась превосходной, лишь однажды прошел короткий слепой дождь. Ехали быстро, кровные кони легко несли по протоптанной лесной дороге. Встречные, увидев троих вооруженных всадников, спешили уступить путь. Лишь однажды дорогу загородила мрачная ватага, вооруженная кольями и дубинами. Тут уж пришлось обнажить мечи. Однако станичники в драку не вязались, в последний момент предпочтя расступиться и даже снять шапки. Згур с трудом удержал Черемоша, рвавшегося наказать «бычар». Следовало спешить – каждый час был на счету.

Згур много раз пытался представить, что сейчас творится в Валине. У них был день до возвращения Палатина. В этот день погоню, конечно, никто не посылал – ждали хозяина. И вот Ивор вернулся, перепуганная насмерть дворня спешит доложить о беде...

Не удержавшись, Згур заговорил об этом на одном из привалов. Улада пожала широкими плечами и, наморщив нос, снисходительно заметила, что «наемник» может не беспокоиться. У них в запасе не день, а куда больше. Перед бегством она сказала своей самой верной служанке, что собирается в Савмат, к Светлому – просить о заступничестве. Отец, конечно, знает, кто пользуется ее доверием. Служанку ждут плети, может – и кое-что похуже. В застенках Палатина имеются большие мастера, у которых способен заговорить даже мертвый. Сначала служанка будет молчать, потом, конечно, признается – и отец поверит. Значит, погоня помчится на восход...

И вновь, в который раз, Згур едва сдержался. Дочь Палатина пожертвовала неведомой ему девушкой. И, конечно, в трудную минуту охотно пожертвует им самим. Служанку она по крайней мере знала много лет, быть может, они с ней даже дружили, а о нем – какой разговор! Да и в наивность Палатина Згур не очень верил. Сам он на его месте первым делом опросил

бы всех стражников у ворот, просто прохожих, жителей окрестных селений, а погоню послал бы по всем дорогам, благо кметов в Валине хватает.

Черемоша заботило другое. Однажды, перед сном, он заговорил об отце и сестрах. Разгневанный Палатин может узнать, с кем бежала его дочь, и тогда... Улада только фыркнула, и парень, смутившись, замолчал. Згур не стал лгать, чтобы утешить приятеля. Ивору, конечно, доложат обо всем. И о том, кто дружок Улады, и о волотиче по имени Згур. Последнее даже радовало – пусть узнает! Может, вспомнит тех, кого когда-то предал!

С Уладой они больше не ругались, но по-прежнему почти не разговаривали. Черемоша это явно смущало, и он пытался заводить общую беседу, рассказывал о Дубене, вспоминал, как он лихо «чистил грызла» тамошним «бычарам». Увы, из этого ничего не выходило. Улада слушала, иронично усмехаясь и всем своим видом показывая, что это ее не касается. Згуру даже становилось жалко чернявого. И что он нашел в этой надменной девице?

Самому Згуру Улада не нравилась, да и понравиться не могла. Она походила больше на крепкого кмета, чем на юную девушку. И не такую уж юную! Дочь Палатина была явно постарше и своего приятеля, и Згура. Другие в ее возрасте по двое детей имеют. Да и не во внешности, не в возрасте дело. С этакой язвой да любиться! Да ее только к врагу засылать для подрыва духа!

Пока Улада ворчала по поводу плохо помытой миски и пересоленной похлебки, это можно было терпеть. Но, увы, похлебкой дело не ограничилось. Когда они отъехали от Валина уже достаточно далеко, дочь Палатина решительно заявила, что дальше поведет их сама.

Случилось это после того, как они подъехали к небольшой речке, которую без труда пересекли вброд. За переправой расходились две дороги – пошире и поуже. Тут и довелось поспорить. Когда Згур предложил ехать по левой, более узкой, девица решительно воспротивилась, указав на другую дорогу, после чего не без иронии поинтересовалась, часто ли «наемник» бывал в этих местах.

Лгать не имело смысла – на полдень от Валина бывать не приходилось. Но не объяснять же длинноносой, что такое Большая Мапа!

Когда дядя Барсак впервые показал ему Мапу, то Згур глазам своим не поверил. Мапы читать их учили давно – с первого года в Учельне. Дело нехитрое: сначала ставишь полуночник, затем находишь место, где находишься сам. Они даже учились рисовать мапы: кусок бересты, острое стило, тот же полуночник... Но эта Мапа была необыкновенной: огромная, словно ковер, цветная, с маленькими деревянными домиками на месте городов и поселков. Такая Мапа земли улебской была лишь в Валине, у знаменитого Кошика Румийца... и в Коростене у дяди Барсака. И по этой Мапе Згур ползал с полмесяца, изучая каждую тропинку, каждый лесок. Теперь достаточно прикрыть на миг глаза, вспомнить нужный отрезок... Если ехать налево, тот дорога будет поуже, зато безопаснее – всего два маленьких поселка. А вот направо...

– Но ведь... Нам придется через Злочев ехать! – робко вступил в спор Черемош.

– Ну и что? – длинный нос дернулся. – Хоть одну ночь нормально выспимся!

– Но... Там же Колдаш правит!

– Подумаешь! – Улада нетерпеливо фыркнула. – Ничего он нам не сделает! Не посмеет!

Да, направо – Злочев, большой поселок, неплохо укрепленный, в нем полсотни кметов. Правит там Колдаш сын Дякуна, богатый дедич, которому Палатин Ивор давно уже поперек горла...

– Опасно... – нерешительно заметил чернявый. – Ты ведь помнишь...

Лучше бы чернявый молчал! Глаза девушки метнули пламя:

– Мне... Мне надоело спать на траве и давиться твоей похлебкой! Слышишь? Надоело! Мы сделаем так, как я скажу! Едем в Злочев!

– Згур! Ты чего молчишь? – в отчаянии воззвал Черемош. – Опасно ведь!

Да, ехать через Злочев опасно. У Колдаша имеется много поводов не любить всемогущего Палатина. Два года назад он попытался сватать Уладу за своего сына, но Ивор даже не принял сватов. Но Згур молчал. Он вдруг понял, что Злочев – это не так уж и плохо...

– Згур!

– А его никто и не спрашивает! – губы девушки презрительно скривились. – Все, поехали! Этой ночью я хочу спать на нормальном ложе под нормальным покрывалом!

Она ударила коня каблуком, и Згур с Черемошем остались у перекрестка одни.

– Згур! – в отчаянии повторил чернявый. – Что нам делать?

– Догонять! – он пожал плечами и направил коня по правой дороге. Дочь Палатина жить не может без удобств? Ну и прекрасно!

Поперек дороги стояла большая деревянная рогатка, возле которой толпилось с полдюжины крепких парней с дубинами.

– Стой! А ну стой, кровь собачья!

Згур придержал коня и схватил за руку Черемоша, пытавшегося выхватить меч.

– Стой, кому говорят!

Спорить не имело смысла – поворачивать поздно, вокруг сплошная стена старого леса.

– Ну, и кто вы такие?

Здоровенный парень с длинными усами, очевидно, старшой, не спеша вышел вперед, поигрывая секирой.

– Мы... – начал было Черемош, но усатый не пожелал слушать:

– Разрешение от газды Колдаша имеется?

Згур заметил, как побледнела Улада и усмехнулся. Вот и отдохнула!

– Ты... Бычара! – взорвался чернявый. – Какое еще разрешение?!

– А такое! – старшой радостно ухмыльнулся. – От нашего газды! А за бычару ответишь, сморчок!

Парни с дубинами подошли поближе. Запахло хорошей дракой, но Згуру совсем не хотелось доставать меч. Главное, удержать Черемоша...

– Ага, нет разрешения! – удовлетворенно заметил парень. – Ну тогда, песья кровь, приехали! Перво-наперво, с коней слазьте, затем – вещички скидывайте, потом...

Он внимательно поглядел на приехавших, усатая рожа расплылась в довольной улыбке:

– Потом – девку сюда. А там поглядим, какую с вас виру взять!

Черемош зашипел и вновь схватился за меч. Парни подняли дубины...

– Назад! – в голосе Улады зазвенел металл. – На кол хочешь, холоп? Я дочь сиятельного Ивора, Палатина Валинского. Повторить?

– Чего?!

Усатый моргнул и задумался. Дело было для него явно непривычным и потребовало немало времени. Наконец, он поскреб затылок.

– А все одно! Разрешение требуется!..

– Гляди!

В руке девушки блеснула серебряная тамга. Усатый недоверчиво покосился на Уладу и неохотно поклонился:

– Так что, прощения просим, сиятельная! Да только все равно мы вас к газде отправим. Приказ! У которых разрешения нет...

– Веди, да побыстрее! – нетерпеливо бросила Улада, а Згур успокаивающе похлопал по плечу взбешенного Черемоша. Где-то так он все себе и представлял. Их узнали, теперь отведут к дедичу...

Усатый вызвался сам проводить неожиданных гостей. До Злочева, как выяснилось, рукой подать – полчаса верхами. Для верности старшой взял с собой троих, причем один из парней достал из-за плеча новенький гочтак и тщательно зарядил. Згур хмыкнул – сторожевая служба в Злочеве неслась справно. Теперь не убежишь!

Поселок был велик, даже не поселок, а настоящий город – с высоким частоколом, деревянными башнями по углам и даже глубоким рвом, в котором неподвижно стояла зеленоватая, дурно пахнущая вода. Конечно, против сотни Кеевых кметов Злочев не продержится и часа, но в этих глухих местах посягнуть на могущество «газды» Колдаша некому. Згур вспомнил рассказы дяди Барсака. В земле улебов правят не Кеи и даже не Палатин Валинский. Власть Ивора кончается за стенами Валина и Дубеня, а вот дальше все решают всемогущие дедичи, такие как Колдаш. Они судят, собирают подати, держат сотни вооруженных холопов. Когда-то так было и у волотичей, но Великая Война очистила Край от этих пауков. И Згур почувствовал гордость за родную землю. Мать Болот не оставляет своих сыновей!

У ворот их встретила еще одна стража. Старшой, на этот раз не усатый, а бородатый, бывал в Валине и, узнав Уладу, поспешил согнуться в поклоне, присовокупив, что немедленно отправит посыльного к «газде». Улада явно успокоилась, и даже Черемош перестал сверкать глазами и поминутно хвататься за рукоять алеманского меча. Згура все это не волновало. Будь он просто наемник, честно отрабатывающий горсть серебра, он бы уже искал выход, как выбраться из ловушки. Но сейчас все шло правильно.

Вскоре примчался запыхавшийся гонец, сообщивший, что «газда Колдаш» вместе с сыном спешат встретить дорогую гостью. Упоминание о сыне дедича явно не понравилось Черемошу. Он нагнулся к уху Улады и начал что-то шептать, но та лишь дернула плечом и отодвинулась. Девушка была уверена в себе, и Згур вновь едва сдержал усмешку.

Наконец, у ворот показалась целая процессия. Впереди ехали холопы в сверкающих кольчугах. Один из них нес значок с изображением вставшего на дыбы единорога – тамгой хозяев Злочева. А за ними на могучем сером в яблоке коне не спеша двигался толстый краснолицый старик в цветастом лехитском кафтане и высокой шапке с желтым верхом. Рядом с ним ехал худосочный парень с бледным лицом, украшенным огромными прыщами. Згур невольно хмыкнул – тот, кому сватали палатинову дочку, издала походил на гриб-поганку.

Улада побледнела, но спокойно сошла с коня. Черемош затравленно оглянулся и последовал ее примеру. Згур чуть подумал и отъехал в сторону. Похоже, его служба подходит к концу. Он слез с коня и принялся равнодушно наблюдать, как толстяк при помощи двух дюжих холопов сползает на землю, как краснеет прыщавая физиономия Гриба-Поганки, как Улада ледяным голосом отвечает на приветствия, как давит из себя слова Черемош. Все это длилось долго, наконец и гости, и хозяйева вновь сели на коней и не спеша поехали по пыльной улице к большому двухэтажному дому – палатам дедича. Згур пристроился сзади и совсем не удивился, когда у высокого крыльца перед ним скрестились копыта. Похоже, «газда», несмотря на спешку, успел распорядиться, кого следует пускать, а кого – нет. Рассудив, что он больше никому не нужен, Згур повернул коня и направился обратно – искать постоянный двор.

...Конь летел по ущелью, громко стучали копыта, а вокруг кричали люди – сотни людей, обреченные, ждущие смерти. Гибель была совсем рядом, Згур знал это, чувствовал, но не мог даже поднять головы. В ноздри бил острый запах конского пота, руки скользили по уздечке, воздух казался горячим и липким...

Згур понимал – это только сон. Страх не было, он чувствовал лишь острое любопытство. Жаль, что он не видит ничего, кроме конской гривы! Но вот конь оступися, рванул куда-то в сторону, и в глаза плеснула небесная синева...

– Згур! Згур! Да проснись же!

Он открыл глаза и несколько мгновений приходил в себя. Сердце все еще рвалось из груди, словно Згур по-прежнему мчался на обезумевшем коне навстречу катившейся со склона смерти, но сон уже уходил. Все стало на свои места. Утро, через ставни льется яркий свет, возле ложа – пустой кубок...

– Згур!

Этим вечером он выпил, и выпил сильно, впервые за много дней, благо на маленьком постоялом дворе оказалось прекрасное вино – розовое алеманское, которое так хорошо пить подогретым, с пряностями. Поэтому и спал крепко, так крепко, что даже не услышал, как чернявый вошел в комнату.

Черемош выглядел не лучшим образом – бледный, в расстегнутом кафтане, черные нечесанные волосы явно требовали гребня. От парня несло вином, под глазами проступили темные пятна, а главное – он был растерян. Даже хуже – просто убит.

– Згур! Да вставай же!

– Зачем?

Чернявый застонал, и Згур невольно пожалел парня. Похоже, случилось то, чего он опасался. Точнее, не опасался – рассчитывал.

– Она... Ее... Меня...

Згур встал и долго умывался, затем вздохнул и опустился на ложе.

– Рассказывай!

– Еле тебя нашел! Тут такое... Мы... Пир был. Колдаш... Этот бычара поганый!..

Понимать непохмеленного Черемоша оказалось сложно. Впрочем, постепенно до Згура стало доходить. «Бычара» Колдаш встретил гостей любезно, даже сердечно, тут же кликнул челядь, дабы накрывала столы...

– Меня... Меня рядом с ней не посадили! Этот бычара... И его сынок... Ублюдки! Они думают, что они меня знатнее! Меня посадили сбоку...

Итак, войтова сына обидели. Но это было лишь начало. Рядом с Черемошем хозяин усадил огромного, толще его самого, детину. Толстяка, как выяснилось, звали Гурой, и он тут же принялся наливать гостю кубок за кубком. Старался и хозяин – здравицы провозглашались одна за другой – и за гостей, и за их удачное путешествие, и за сиятельного Ивора. Черемош старался пить поменьше, но Гура был неумолим, и вскоре перед глазами парня уже клубился туман. Сквозь туман он видел, как «бычара» что-то говорит Уладе, как Гриб-Поганка щерит редкие зубы и кладет девушке руку на плечо. Черемош попытался встать, возмутиться, но еще один кубок, влитый Гурой прямо ему в рот, заставил упасть на скамью лицом в камчатую скатерть. Упасть – чтобы проснуться на улице у крыльца. Дубовые двери Колдашева дома были прочно заперты, а от алеманского меча, висевшего на поясе, не осталось даже ножен. Очевидно, сторожевые холопы не забыли, как Черемош хватался за украшенную камнями рукоять.

– Я... Я стучал, хотел войти!..

Чернявый безнадежно махнул рукой. Сонные холопы даже не соизволили объясниться.

– Зачем мы сюда поехали?! – Черемош всхлипнул и присел на ложе, рядом с приятелем. – Нельзя было сюда ехать!

Згур молчал, хотя сказать было что. В Злочев ехать было нельзя, как нельзя доверять судьбу – свою и любимой девушки – человеку, с которым знаком три дня. Жаль! Черемош – славный парень. И угораздило его влюбиться в широкоплечего кмета в юбке!

– Этот бычара... Колдаш... Он за нее выкуп потребует! У Ивора...

Згур вновь хотел промолчать, но не выдержал:

– Не думаю! Ивор пришлет сюда пару сотен стрелков с гочтаками. От Злочева останется лишь пепел.

– Тогда зачем?.. – Черемош не договорил и вновь махнул рукой. – Ты!.. Ты виноват! Ты не должен был позволять ей...

– Я?! – поразился Згур, – А я думал, уговаривать ее должен ты...

– Но ты же видел... – растерянно перебил чернявый.

– Видел! Будь у меня такая невеста...

– Ты ее совсем не знаешь! – заторопился Черемош. – Она хорошая! Добрая... Это она только при чужих... Я... Я люблю ее...

Спорить расхотелось. Горячий парень любит эту длинноносую перезрелую девицу. Любит – и ничего не поделаешь. Жаль...

– Кони где? – на всякий случай поинтересовался Згур, но ответа не дождался. Ясное дело, коней вместе с вещами «хозяин» тоже прибрал к рукам. Удивительно, что сам Черемош еще здесь, а не где-нибудь в подвале с колодкой на шее.

– Згур! Что нам делать?

Что делать ему, Згур, конечно, знал. А вот парню не позавидуешь. Не возвращаться же в Дубень, где его уже наверняка ждет Иворова стража! Конечно, можно было оставить все, как есть, и не его, Згура, дело, что случится дальше с наивным влюбленным. Что и говорить, жаль парня. Но и тех, кто остался в разгромленном таборе на грязном снегу – их тоже было жаль. Но им уже не помочь...

– Сиди здесь, – вздохнул он. – Пойду пройдуся. Послушаю...

Злочев был невелик, но торг здесь, естественно, имелся. Тоже небольшой, но людный. Згур без особого любопытства поглядел на цветные коврики и черные кувшины с врезным орнаментом, привезенные из окрестных селений, выпил кубок неплохого пива, пришедшегося после вчерашнего весьма кстати, и принялся, не торопясь, прислушиваться к разговорам. Болтали о всяком, но вскоре от худого, как жердь, селянина, торговавшего ранними яблоками, удалось услышать то, что интересовало. Торговец был утром в палатах «газды», куда привез мешок яблок. Яблоки у него не купили, зато знакомый холоп поведал такое...

Згур пристроился поближе к собравшейся около торговца толпе, купил еще один кубок пива и стал слушать. Начало он уже знал: неожиданный приезд дочки самого Ивора, встреча у ворот, пышный пир. Рассказчик долго перечислял великое обилие съеденного и выпитого (это, похоже, поразило его более всего). Но самое любопытное, что одним пиром дело не ограничилось. «Газда Колдаш» разослал гонцов во все окрестные селения, к дедичам и сельским войтам, сзывая всех на новое сонмище. А для этого сонмища велено свозить в Злочев припасу разного, и пиво варить, и цельных быков жарить. А еще в палату позваны кравцы, дабы обрядить хозяев во все новое, и будто плотники получили заказ строить столы на всю городскую площадь, так что пировать будет и стар и млад. Но это случится завтра, а пока палаты велено держать на запоре, и даже торговцев не пускать без особого разрешения «газды». А чтоб надежней было, Колдаш созвал в Злочев всех своих стражников, даже тех, которых за податью посылал...

Толпа живо обсуждала невиданные новости, особенно упирая на будущее угощение. Как понял Згур, прижимистый дедич не часто поил-кормил своих земляков. И ежели он решился на такое, то, видать, не зря...

Згур уже собрался уходить, как вдруг один из собеседников указал куда-то в толпу, присовокупив: «Ее! Ее спросим!». Любопытные рванулись вперед, окружив невысокую темноволосяную девушку, которая тащила большую плетеную сумку с разной снедью. Как понял Згур, девушка служила в палатах, и теперь возбужденные злочевцы решили узнать все из первых уст. Згур не стал подходить ближе. Едва ли в такой толпе девица скажет что-нибудь новое. Значит, следует подождать...

Он догнал девушку возле торга, улыбнулся, взглянул прямо в глаза:

– У тебя тяжелая сумка, красивая! Давай помогу!

Девушка на миг растерялась, затем улыбнулась в ответ:

– Помоги! Ты, я вижу, приезжий?

– Угадала! – он вновь усмехнулся, мельком отметив, что девица – из дурнушек, одета бедно, значит и разговаривать будет легче. – Меня зовут Згур. А ты здешняя?

– Да. В палатах служу. У газды. Сойкой звать. А ты откуда?

Згур взял тяжелую сумку, закинул на плечо и взял девицу за руку. Та не возражала.

На постоялом дворе Черемоша не оказалось. Згур подождал до вечера, но парень так и не появился. Оставалось пожалеть, что он попросту не запер чернявого или даже не связал. Еще и его выручать! Здесь не Дубень, тут нет отца-войта. Впрочем, порадовать Черемоша было нечем.

Чернявый пришел, когда уже совсем стемнело – взъерошенный, в разорванной рубахе, с огромным синяком под левым глазом. Не говоря ни слова, он долго пил воду, затем отчаянно махнул рукой и присел прямо на пол, на давно не метенный ковер. Згур хотел спросить, как дела, но прикусил язык. Все и так ясно.

– Ее... Ее хотят выдать замуж... За этого урода прыщавого...

Голос парня звучал тихо, в нем было отчаяние, и Згуру на миг стало страшно. Как бы он повел себя на месте бедолаги? Но тут же приказал себе опомниться: он не на его месте. В этом-то все и дело.

– Слыхал, – бросил он как можно равнодушнее. – Завтра. Уже и гостей созывают...

– Он... Бычара поганый! – Черемош скрипнул зубами. – Он права не имеет! Как он смеет...

– Смеет, – все с тем же спокойствием откликнулся Згур. – Он – дедич, а значит, глава рода. Он приносит жертвы за всю округу, ну и...

– Убью! Згур, дай мне меч! Я убью бычару! И ублюдка прыщавого убью! Я...

Згур вздохнул.

– Палаты охраняют тридцать два стражника, из них двенадцать – в полном вооружении. Улада заперта в комнате на втором этаже, окошко маленькое, даже голубь не пролетит, а у дверей – четверо с гочтаками. В дом никого, кроме челяди, не пускают. Еще рассказать?

Рассказать было что – некрасивая девица с птичьим именем оказалась весьма болтливой.

– Ты? Ты узнал? – парень радостно встрепенулся. – Ты ее видел? Говорил?

Згур покачал головой:

– Не видел и даже в дом не попал. Завтра к Колдашу приедут гости – одиннадцать окрестных дедичей и с десятков войтов, все – с семьями и при оружии. Не то, что они его очень любят, но на нас двоих и этого хватит.

Черемош застонал и подошел к окну. Згур отвернулся – жалко парня! Дий с ней, с длинноносой, а вот чернявого жаль...

– Я дедич, – тихо проговорил Черемош. – Я потомственный дедич тамги Лютого Зверя. Я имею право вызвать Колдаша на поединок. Дай мне меч, Згур! Если меня убьют, мой отец вернет тебе серебро...

– Или повесит, – Згур вздохнул. – Ладно, если ты обещаешь не выходить до утра из комнаты, я сейчас попытаюсь кое-что узнать. Вдруг поможет!

Сойка обещала впустить его в дом после полуночи. Вначале Згур и не думал идти. К конопатой дурнушке его не тянуло, а попадаться в лапы Колдашевых холопов и вовсе не хотелось. Но он вдруг понял, что пойдет. Это было глупо, нелепо, но Згур решился. Тогда, в страшную ночь Солнцеворота, он не мог нарушить приказ. Но сейчас приказа не было. Точнее, приказ, полученный от дяди Барсака, никак не касался этого доверчивого бедолаги, влюбившегося в длинноносую дочь предателя, изменившего Краю.

Наутро весь Злочев говорил о грядущей свадьбе. Ворота были открыты настежь, и по шаткому деревянному мосту валом валили гости: дедичи с семьями, их слуги, дворян и про-

сто любопытный окрестный люд. На майдане возле палат весело стучали топоры плотников, и этот стук заранее приводил весь город в восторг. Все уже знали: в загоне за палатами мычит и блеет стадо, которому вскоре предстоит отправиться напрямик на столы. Из глубоких подвалов челядь выкатывала бочки со старым медом и даже – о диво! – с ромейскими и алеманскими винами. Злочев гудел, предвкушая и предстоящий пир, и редкое зрелище. Не каждый день «газда» женит своего наследника. Да еще такого, за которого, ежели по совести, и жаба по доброй воле не пойдет!

Все должно было начаться с закатом солнца. Где-то за час Згур нашел Черемоша возле самых палат. Парень с безумным видом ходил вокруг, что-то неумело пряча под поллой кафтана. Не будь холопы Колдаша столь заняты, чернявого давно бы уже схватили и отправили в освобожденный от винных бочек подвал. Пришлось взять парня за ворот, отволочь на постоянный двор, забрать спрятанный под кафтаном нож и усадить на ложе.

Разговаривать Черемош не хотел. Он лишь просил Згура одолжить ему меч или хотя бы кинжал, а если нет – просто убить его, ибо пережить эту ночь парень не желал. Стало ясно – еще немного, и быть беде. Згур смотрел на побелевшее, неузнаваемое лицо приятеля, и на душе становилось все тяжелее. Еще немного – и Черемоша не удержать. Он пойдет выручать эту перезрелую девицу, парня убьют и... И все? Згур представил, как он рассказывает об этом дяде Барсаку. Или не расскажет – умолчит? Впрочем, тысячник Барсак, старший наставник Учельни Вейсковой, лишь посмеется. Он ведь не знаком с этим чернявым парнем, который имел глупость полюбить дочь предателя – и поверить заброде-волотичу, который так умело напросился в друзья!

– Меч! Дай мне меч! – наверное, в сотый раз повторил Черемош, и Згур не выдержал. Нет, он не сможет! Если кому-то из них суждено погибнуть, то пусть это будет не чернявый! Шансов все равно нет – ни у Черемоша, ни у него. Вернее, почти нет...

– Очнись! – он дернул Черемоша за плечо. – Очнись и слушай!

Чернявый моргнул и удивленно раскрыл глаза.

– Уладу не отбить. По крайней мере, до свадьбы. А после свадьбы – это уже будет похищение чужой жены. Понимаешь?

– Так ведь эта падаль!.. Он... Насильно! – отчаянно вскричал Черемош. – Палатин его на кол...

– По вашим улебским обычаям невесту редко спрашивают, – зло усмехнулся Згур. – Даже если это дочь Палатина. Итак, ее не отбить. Я ведь не Альбир Зайча!

Чернявый взглянул удивленно, и Згур пояснил:

– Песня у нас дома есть. Про Зайчище Альбирище и Навко Волотича. Старая – с войны. Так этот Зайча на семи дубах сидел, каленой стрелой десять всадников с коней сбивал...

Продолжать он не стал, иначе пришлось бы рассказать о том, кто такой Навко Волотич – Навко Месник, и почему о нем в Крае песни поют...

– Значит, остается одно...

Згур специально сделал паузу, и Черемош подался вперед, в последней, безумной надежде...

Удар был безошибочен – костяшками пальцев в левую часть груди, в неприметную точку, именно так, как учил его Отжимайло. «Мечом ты махать горазд, боец Згур! Ну, а теперь делом займемся! Щас ты у меня на траву мешком повалишься!» Да, тогда он уже стал для наставника «бойцом»...

Згур уложил слабо стонавшего Черемоша на ложе и укрыл покрывалом. Часа два полежит, а больше и не надо. Теперь – пора!

Он собирался тщательно, словно на военный смотр. Кольчуга, шлем, меч, кинжал, поверх – плащ, чтоб не задержали на улице. Згур даже пожалел, что не взял с собой щит. Пригодился бы, особенно если станут стрелять. Впрочем, от «капли» из гочтака не спасет и щит...

Уходя, он на миг задержался в дверях и бросил взгляд на бесчувственное тело чернявого. Выходит, из-за этого войтова сынка ему, сотнику Велги, доведется сложить голову? Какая глупость! Ну и дурак же он! Но Згур знал – назад уже не повернуть, а значит, следует думать совсем о другом. Сойка обещала впустить его через черный ход – это раз. За столом соберутся все дедичи округи, и не каждый – друг Колдашу – это два. И в третьих – обычай, нелепый обычай, который на этот раз придется к месту...

В коридоре было пусто, лишь у дверей, ведущих в пиршественный зал, скучал стражник – здоровенный мордатый детина при секире и гочтаке. Правда, гочтак был закинут за спину, а на секиру кмет попросту опирался, словно на посох. Стражнику было голодно и тоскливо. Там, за дверями, пировали, а ему выпало весь вечер торчать в пустом коридоре. Правда, свой ковш ромейского он уже успел принять, а потому вояку неудержимо клонило в сон. Згур даже скривился – герой! Если б все были здесь такие!

Что-то испуганно щебетала Сойка, но Згур лишь покачал головой. Кажется, одной ночи хватило, чтобы эта рябая пигалица успела привязаться к неожиданному дружку. Жаль, скучать будет! Он сбросил плащ на руки девушки, поправил шлем и хмыкнул. Порядок! Згур даже пожалел, что перед отъездом снял с кольчуги медную бляху с оскаленной волчьей пастью. Если придется пропасть зазря, так хоть при полной выкладке, как и надлежит сотнику Края. Он вздохнул, на миг закрыл глаза и вновь, в который раз, обозвал себя дураком. Да, дурак, и если погибнет – то по-дурацки, за длинноносую переспелку и чернявого сопляка. Что ж, видать, так Мать Болот рассудила! Ну что? Двейчи не вмирати!

Стражник у дверей лениво скосил глаза, но даже и не подумал заступить дорогу. Это спасло ему жизнь: Згур ударил не клинком, как намеревался, а всего лишь рукоятью. Но и этого хватило. Парень осел на пол, из уголка перекошенного рта хлынула темно-красная струйка. Сзади послышался отчаянный визг одуревшей от ужаса девушки. Згур отбросил секиру подальше, поднял упавший гочтак, хотел отправить его вслед за секирой, но передумал. Самострел был заряжен – пять «капель», способные пробить любую бронь. Згур вновь усмехнулся и перехватил самострел левой рукой – в правой уже был меч. Стрелять навскидку, да еще с левой, не так и просто, но один вид гочтака внушает уважение. Теперь – дверь. Руки заняты, но если как следует врезать ногой...

В уши ударил шум, а в глазах зарябило от огней десятков светильников. Пир был в разгаре, и гости, уже вкусившие хозяйского меда, поначалу не обратили внимание на нового человека. Згур быстро осмотрелся: два огромных стола, поперек еще один, у стен – вооруженные холопы. А вот и Улада – рядом с Грибом-Поганкой. Где же Колдаш? Ах да, вот он, по правую руку от сына! Ну что ж, вперед!

Перекричать десятки подвыпивших гостей было невозможно, да Згур и не пытался. Он неторопливо подошел к столу, за которым восседал хозяин, и двинул ногой по столешнице. Стол шатнулся, на цветную шитую скатерть упали кубки литого серебра...

Кто-то вскочил, крикнул, стража уже выхватывала мечи, но постепенно шум стих. Гочтак смотрел прямо в лоб «газде», а палец Згура лежал на спусковом крючке. Теперь – немного подождать. Пусть поймут все – тогда и поговорить можно.

Колдаш уже, кажется, понял. Толстощекая рожа из багровой стала белой и начала постепенно синеть. Гриб-Поганка попытался спрятаться под стол, но застрял и замер, глядя выпученными глазами на незваного гостя. Улада... Згур не мог видеть лица девушки, но до него донесся знакомый смех. Неужели ей весело?

И вот в зале наступила тишина – мертвая, абсолютная. Гости сидели молча, лишь откуда-то сбоку доносился странный звук – кто-то громко икал. Пора!

– Страже – бросить оружие! Считаю до трех! Раз...

Холопы, уже успевшие подбежать к Згуру, недоуменно поглядели на хозяина.

– Два...

Синюшная рожа «газды» медленно кивнула. Послышался стук – мечи и секиры падали на пол.

– А теперь – слушайте все! Я, Згур сын Месника, дедич из Коростеня, заявляю, что Колдаш сын Дякуна и его сын...

Имени Гриба-Поганки Згур не помнил. Впрочем, сойдет и так.

– И его сын силой похитили сиятельную Уладу дочь Ивора, Великого Палатина Валинского. А посему я требую немедленно освободить эту девицу или, согласно обычаю, вызываю упомянутого Колдаша на смертный бой и прошу всех дедичей быть тому свидетелями...

Кажется, он произнес все правильно, и даже на улебском наречии. По залу пронесся шум – гости переговаривались, с явным интересом поглядывая то на Згура, то на «газду».

...Только на это Згур и мог надеяться. Не будь здесь гостей, кто-то из стражников через миг придет в себя и выстрелит в спину. Но обычай не знал исключений: посланный вызов – неприкосновенен. Решится ли «газда» его нарушить – при гостях, при дедичах и войтах со всей округи?

Шли мгновенья, гости осмелели и заговорили вслух, стража все еще очумело таращила глаза, но вот послышался низкий басовитый голос хозяина:

– Ты, бродяга, пробравшийся в мой дом, словно вор! Какое право ты имеешь бросать мне вызов? Мне, потомственному дедичу тамги Единорога, владыке Злочева и всей округи! Только равный смеет скрестить со мной оружие! Ты же, бродяга, падай ниц и моли о легкой смерти, ибо о жизни молить уже поздно!

Вновь поднялся шум – на этот раз одобрительный, стража зашевелилась, и Згур понял: все кончено. Колдаш не был трусом. Сейчас кто-то из холопов зайдет за спину... Згур еле удержался, чтобы не обернуться. Что еще можно успеть? Убить «газду»? Поможет ли?

– погоди, газда Колдаш!

От неожиданности Згур еле удержался, чтобы не нажать на спусковой крючок. Один из гостей – широкоплечий, темноусый, встал и неторопливо подошел к хозяйскому столу. Гости вновь зашумели, на этот раз удивленно.

– Тебе бросили вызов, газда Колдаш! Почему ты нарушаешь обычай? Дедич вызывает дедича – и он в своем праве.

На душе сразу стало легче. На что-то подобное Згур и рассчитывал. Сойка рассказывала: многие из дедичей готовы перегрызть «газде» глотку...

– О чем ты говоришь, Вищур! – глаза Колдаша сверкнули гневом. – Кто бросил мне вызов? Безродный бродяга? Я не знаю никакого Згура из Коростеня!

– Зато знаю я! – Вищур поправил пышные усы. – Тебе бросил вызов не бродяга, а сотник Кеева войска...

Зал вновь зашумел, а Згур почувствовал, как холодеют кончики пальцев. Узнали! Наверно, этот пышноусый тоже был в войске Велегоста!..

– Сотник? – теперь в голосе «газды» была растерянность. – Но он волотич! Разве там еще остались дедичи?

– Думаю, тот, кто носит Кееву Гривну, достаточно знатен, чтобы скрестить с тобой меч...

И вновь гудел зал, громко, не стесняясь, а Згур в который раз обругал себя за то, что не уехал еще утром. Он мельком взглянул на Уладу и уловил ее изумленный взгляд.

– Кеева Гривна?! – челюсть «газды» начала медленно отвисать. – У этого бро... У сотника Згура – Кеева Гривна?

Згур невольно усмехнулся. Тогда, на следующий день после страшной сечи, когда остатки сотни складывали погребальные костры, было не до почестей. Разве что запомнился меч – франкский меч, которым Кей Железное Сердце рубил тонкую золотую гривну. Она была одна,

а награду требовалось поделить на пятерых. Ему досталась середина – с изображением распластавшего крылья орла...

– В том я даю свое слово! – Вищун поднял правую руку, и зал изумленно стих. О тех, кто носил Кееву Гривну, складывали песни, о них не забывали даже через века. Давно, очень давно Кей Кавад снял с шеи золотой обруч и вручил его Сполоту, пращуру тех, кто ныне живет в Савмате. Последний раз Гривну получил один из воевод Светлого Кея Мезанмира, не пустивший огров в столицу. В последний – перед страшной битвой на Четырех Полях.

– Надо ли говорить вам о том, что носящий Гривну имеет права потомственного дедича, может заседать в Совете Светлого, а его потомки...

– Не надо! – «газда» уже пришел в себя. – Твоего слова довольно! Згур сын Месника! Я принимаю твой вызов!

Этого Згур не ожидал. Да, Колдаш – не трус, хотя справиться с разжиревшим «бычарой» будет не так и трудно. Но ему вовсе не нужна эта смерть!

– Ты плохо слушал меня, Колдаш сын Дякуна! Ты примешь мой вызов, если не отпустишь девицу, которую задержал силой, и силой выдаешь за своего сына. А чтобы не было сомнений, пусть скажет она сама!

Легкий шум в зале. Улада медленно встала, гордо вздернула голову:

– Вы все знаете правду! Меня, дочь Великого Палатина, силой принуждают выйти замуж за этого...

Она брезгливо покосилась на Гриба-Поганку и усмехнулась:

– За этого... Который даже не мужчина! Лишь один решился заступиться за меня – и тот волотич! А вы, дедичи улебские! Вы, опозорившие себя...

Гости прятали глаза, «газда» сопел, не зная, что сказать, а Згур лихорадочно искал выход. Если он убьет Колдаша, хозяином Злочева станет Гриб-Поганка... Нет, не станет!

– Если ты не отпустишь всех нас и не вернешь наше добро, – Згур взглянул прямо в пылавшие ненавистью глаза Колдаша, – я убью тебя, а затем вызову на поединок твоего сына. Он виновен не меньше...

– А победителю достанется Злочев, – негромко добавил кто-то.

«Газда» долго молчал, затем бледное лицо начало краснеть:

– Не в наших обычаях принуждать девицу к замужеству! Пусть она уходит, коль не желает этой чести...

– А сын твой проводит нас, – тут же вставил Згур. – До первого ночлега!

В благородство «газды» не верилось, но за ночь можно уйти далеко...

– Я тоже провожу тебя – вместе с моими хлопцами. – Вищур поправил усы и усмехнувшись, подошел поближе. – Не помнишь меня, Згур? Я был в третьей валинской сотне, на левом фланге...

Утро застало их в глухой чащобе. Ехать дальше не было сил, и Згур скомандовал привал. Костер не разжигали, а лошадьми пришлось заниматься ему одному – Улада и Черемош, так и не успевший как следует прийти в себя, заснули мгновенно, укрывшись теплым покрывалом. Згуру не спалось. Он отвязал вьюки и принялся аккуратно складывать вещи, которые пришлось грузить второпях. Плащ, запасная рубаха, фляга... И тут лучи утреннего солнца упали на что-то маленькое, блеснувшее старым серебром. Згур наклонился – и все еще не веря своим глазам поднял то, что выпало на траву из складок рубахи. Браслет! Тот самый!

Вначале подумалось, что он видит сон – странный сон, который вот-вот кончится. Но браслет лежал на ладони – тонкий, красивый, с изящным узором, выполненным чернью. «В кургане его нашел, три дня копал... Не с руки снял – у сердца лежало...» Но ведь он прогнал кобника! Прогнал, не взял страшный «подарок»! Как же...

Згур оглянулся – Улада и Черемош спали, и рука девушки лежала у чернявого на плече. Быстро, словно боясь, что его застанут за постыдным делом, Згур замотал браслет в тряпку и засунул на дно сумки. Мысли путались. Проклятый браслет! Проклятый кобник! И сон, в котором отец предупреждал его! «Меч лишь убьет, ведовство погубит душу»... Но ведь он прогнал кобника!..

– Не спишь, сотник Згур?

Он вздрогнул, узнав голос Улады – спокойный, насмешливый. Дочь Палатина ничуть не изменилась за эти дни.

– Ну что, наемник, может, все-таки скажешь, почему ушел из войска?

Глава третья. Выползнев Лаз.

Згур прищурился, глядя на солнце. Небесный Всадник в зените, значит времени у них еще много, до самого вечера. Он глубоко вздохнул и невольно улыбнулся – хорошо! Солнышко, ручей, от близкого леса тянет прохладой. Совсем как дома, в Буселе. Нет, в Буселе лучше! В первых, там есть раки. А во-вторых...

– Отвернись! Кому говорю! И не вздумай поворачиваться, пока не скажу!

Згур хмыкнул. Дочке Палатина вздумалось купаться. Хорошо, что он сразу устроился в безопасном отдалении, за невысоким бугром. Да, во-вторых, в Буселе не встретишь Уладу. И хвала Матери Болот!

Рядом послышался вздох. Згур приоткрыл глаза – Черемош. Вид у парня был слегка удрученный.

– Прогнали? – не утерпел Згур. Ответом был новый вздох. Чернявый почесал подбородок, но ничего не ответил.

Происходило нечто странное. И дело, конечно, не в том, что длинноносая девица решила освежиться в гордом одиночестве. Что-то у них с Черемошем не ладилось. Если в первые дни они ночевали, укрывшись одним плащом, то теперь на привалах Улада категорическим тоном приказывала устроить себе отдельное ложе. И говорили они реже. Улада замыкалась в себе, молчала, а Черемош подсаживался к Згуру и заводил долгие беседы. Згур не возражал – слушать парня было интересно (когда речь шла не о «бычарах» и не о битом «грызле»). Сын дубенского войта много знал от отца, да и чтение румских фолий не прошло даром. Згур даже начал слегка завидовать. Сам он мог читать лишь по-сполотски, румские значки освоить еще не довелось.

Итак, у влюбленных что-то не складывалось. Улада все чаще сердилась, капризничала и срывала злость на безответном Черемоше. Со Згуром она почти не разговаривала, но если раньше он замечал в ее глазах легкое презрение, то теперь в ее взгляде был страх.

О случившемся в Злочеве не вспоминали. В первые дни Черемош пару раз пытался заикнуться, но ледяной взгляд девушки примораживал его на месте. Згур тоже старался не думать о своей нелепой выходке, но порой не выдерживал и крыл себя последними словами. Тоже альбир нашелся, спас красну девицу, болван! Но Злочев остался далеко позади, дорога вела все дальше, и вот уже совсем рядом граница. Потому и дневку устроили – ночью переходить безопаснее.

– А может, прямо пойдем, через мост?

Оказывается, чернявый подумал о том же. Згур пожал плечами:

– Мы с оружием. Таких стража проверяет. А если Ивор успел предупредить? У них тут человек двадцать, десять у моста, остальные возле парома. Раз в день они отправляют несколько кметов вдоль реки...

– А ты откуда знаешь? – удивился Черемош, и Згур выругал себя за длинный язык.

– Я же собирался к румам, – он постарался улыбнуться как можно беззаботнее. – Вот и поговорил с одним купчишкой на торге.

Черемош кивнул, а Згуру вновь, в который раз, стало не по себе. Поверил! Как легко всему верит этот чернявый парень! А если бы ему, Згуру, приказали просто прирезать Черемоша? Подружиться, заманить подальше – и спрятать труп так, чтобы даже Косматый не нашел? Сделал бы? Ответ был слишком очевиден, и Згур помянул Мать Болот, которая не допустила такого. Но разве то, что он задумал, многим лучше убийства? Ведь Улада...

– Ай! Помогите! Черемош! Черемош!

Длинноносая не кричала – она вопила, да так, что закладывало уши. Миг – и Згур уже вскочил, сжимая в руке меч. Что там? На жабу наступила? Или снова медведь?

Сначала он увидел Уладу. Девушка стояла по колено в воде, прижимая к голой груди смятую мокрую рубаху. Длинные волосы закрывали плечи.

– Помогите! Да где же вы? Згур!

Вспомнила! Он быстро оглянулся – и все понял. Вот они! Четверо, оборванные, бородачье, в руках клевцы...

Его заметили. Грянул дружный хохот:

– Эй, женишок, уступи невесту! На часок, не боле! Опосля возвернем, тока мягчее станет!

Згур поймал за руку Черемоша, который уже был готов броситься на незваных гостей. Горячиться ни к чему. Итак, четверо, в руках – клевцы, за поясом – ножи. Ни мечей, ни луков. Это хорошо...

– Так вас двое, хлопцы? – хохотнул один из бородачей. – Где двое, там шестеро! У нас эта краля не заскушает! Ишь, сисястая!

Чернявый зашипел, но Згур вновь поймал его за руку. Улада уже была рядом, наскоро надевая рубаху, что вызвало новый взрыв смеха:

– Чего засупониваешься, дуреха? Все одно сымать придется!

Все стало ясно – станичники! Удалые хлопцы из зеленого леса. Ну конечно, граница рядом! Згур уже приметил самого крепкого из бородачей, чтобы начать с него, как вдруг вспомнил, что рассказывал ему наставник Отжимайло. Тогда они крепко выпили...

– Меялуг, атябер?

Бородачи недоуменно переглянулись, затем один, вероятно, старший, неохотно буркнул:

– Ун! А ыт?

Згур еле сдержал улыбку. Получилось!

– А ым то идяд илшу.

Бородач что-то тихо сказал своим хлопцам, и те опустили клевцы.

– На ту сторону? – теперь станичник говорил уже нормально, значит можно больше не корезить язык, переворачивая привычные слова. Згур облегченно вздохнул:

– Как выйдет. А чего, батька с мамкой не велят?

– Мамка не мамка, – бородач оглянулся, – да только забудь, братан! Нагнали вояк, сотни две. Ищут каких-то...

Он не торопясь присел на песок, положив клевец перед собой. Згур последовал его примеру, но меч остался в руке. На миг оглянувшись, он заметил, что чернявый тоже вооружился, а Улада деловито заряжает гочтак. Згур хмыкнул – сообразила!

– Значит, ищут, – проговорил он. – А если не через мост?

– Забудь! – бородач искоса поглядел на гочтак в руках девушки и скривил улыбкой рот. – Стража всюду. А ищут-то двух парней да девку...

Переспрашивать Згур не стал – и так ясно.

– Девка, вижу, боевая! – продолжал станичник. – За такую румы гривен тридцать дадут! Ладно, не мое дело... А ты, братан, и сам, кажись, из вояк?

Згур кивнул. Такое не скроешь, даже когда на тебе не кольчуга, а рубаха.

– А зовут-то как? – бородач хитро прищурился.

Згур чуть было не назвал свое имя, но вовремя спохватился. Его проверяли.

– Зовут Зовуткой...

– А кличут уткой, – хохотнул бородач. – Вот чего, Зовутка, поворачивай лыжи. Не пройдете. Разве что через Выползнев Лаз...

Згур вспомнил мапу. На полдень – Нерла, там граница, на закат – Змеиные Предгорья, скалы, не пройдешь...

– Не слышал? – удивился станичник. – Это рядом, вверх по ручью и налево, не промахнешься. Его местные как-то по мудреному кличут. Можешь сунуться, если смелый. А то, знаешь, за девку да за парней мешок серебра обещают...

Глаза бородача предательски блеснули. Згур лишь усмехнулся, порадовавшись, что меч под рукой, а длинноносая не забыла о самоостреле.

– Ну, бывай, братан! – станичник встал и долго отряхивал мокрый песок, прилипший к рваным штанам. – Девку продашь – выпей за мое здоровье!

Он подмигнул и, махнув рукой, повернулся к своим «братанам».

– Ну, чего, пошли! Хороша деваха, да не про нашу ряху!

Станичники заткнули клеветы за пояса, один из них присвистнул и затянул дурным голосом:

Гости съехались ко вдовушкам во дворики,
Заходили по головушкам топорики.
Солнце по небу плывет да удивляется –
Возле дома белы косточки валяются!

Згур подождал, пока незваные гости исчезли за деревьями, затем вскочил и повернулся к своим спутникам:

– Слыхали?

– Слыхали! – Улада скривилась и положила гочтак на землю. – Так за сколько ты меня хочешь продать, наемник?

– Но он не... – начал было Черемош, но девушка дернула бровью, и парень послушно умолк. А у Згура пропало всякое желание похвалить длинноносую за гочтак. Сообразила – и ладно.

– Эти бычары, – Черемош кивнул в сторону опушки. – Они же... Они нас выдать могут! Згур, давай их догоним и...

– Начистим грызло, – кивнул Згур. – Не выйдет, они битые. Кто-нибудь да уйдет, и тогда уж точно – выдадут. Ну и что делать будем?

– А это твоя забота, наемник! – вновь скривилась Улада. – За это и серебро получишь.

– Улада!.. – вступился Черемош, но тут же замолчал.

Згур отвернулся, не желая вступать в перепалку. Был бы он просто наемником...

– Уходим, – решил он. – И поскорее!

Черемош кивнул и кинулся складывать вещи. Улада, не торопясь, оделась, поправила волосы, а затем повернулась к Згуру:

– Подойди сюда, наемник!

– У меня есть имя, сиятельная! – не выдержал он. В конце концов, он не обязан терпеть такое.

– У тебя нет имени! – Улада шагнула вперед, в глазах горел гнев. – Нет и не будет! Ты... Я видела, как ты на меня смотрел! Если еще раз... Я тебе выжгу глаза, понял!

Внезапно Згуру стало смешно. Он смотрел? Ладно!

– В следующий раз, сиятельная, я закрою глаза и подожду, пока эти парни разложат тебя прямо на песке. Думаю, ты будешь не против. Как тебя они называли? Сисястая, кажется?

Он успел перехватить ее руку, уже готовую ударить, и крепко сжал кисть, до боли, до стона.

– Бить ты меня не будешь, сиятельная Улада, дочь предателя Ивора! И учти – еще дернешься, пожалеешь!

Улада вырвала руку, зашипела, лицо вспыхнуло красными пятнами:

– Я убью тебя, наемник! Понял? Обещаю!

– Взаимно!

Згур усмехнулся ей прямо в лицо и, резко повернувшись, отошел в сторону. Он вдруг понял, что так и сделает. И если эта девка скажет еще хоть слово – то прямо сейчас.

– Ты... Згур, ты... – Черемош подбежал, заговорил виноватым шепотом. – Не обижайся на нее! Она... Она хорошая! Ты... Ты ее еще просто не знаешь!

Гнев уже уходил, сменяясь досадой. Не сдержался! Плохо, очень плохо, сотник Згур!

– Я поговорю с ней, Згур! Я...

Объясняться не хотелось, да и что объяснишь чернявому? Разве скажешь, что у него нет приказа прикончить длинноносую. Но и нет приказа оставить ее в живых.

До ночи пересидели в густых зарослях, а затем, не торопясь, направились к броду. Это место Згур наметил еще в Коростене. Нерла – река широкая, течение быстрое, так что перебраться можно лишь по мосту, на пароме или через брод. Но мост и паром охранялись. Правда, стража хорошо знала про брод, однако показывалась там редко. То ли серебром уважили служивых, то ли кметы попросту побаивались. Места глухие, того и гляди на станичников нарвешься.

Дорога была узкой, даже не дорога – тропа. Поэтому ехали по одному, стараясь не шуметь. Вокруг стояла привычная тишина ночного леса, но тревога не оставляла. Згур не знал, верить ли бородавотому станичнику. Конечно, подмогу могли прислать, но не две же сотни! Хотя, будь он Ивором...

Несколько раз Згур шепотом приказывал оставаться на месте, а сам, ведя коня в поводу, пробирался вперед и долго стоял, вслушиваясь в ночную тишь. Ничего подозрительного, но Згур уже не верил этой тишине. Он вдруг представил, что именно ему приказали задержать беглецов. Он смотрит на мапу, затем вызывает десятников...

– Стойте! – он сказал это слишком громко, но тут же поправился, повторив вполголоса:

– Стойте! Дальше не поедem!

– Струсил? – тут же откликнулась Улада, но Згур даже не обиделся. Да, струсил! Тут что-то не так! Пустой тихий лес, далекий крик ночных птиц... Но он не верил этой тишине. Вот так же, полгода назад, он со своим десятком шел по лесу, но не летнему, а насквозь промерзшему, засыпанному снегом. На белом нетронutom насте нельзя было увидеть ни следочка, но он все-таки приказал остановиться, а затем повернуть назад. И вовремя – из-под снега вынырнули Меховые Личины, в грудь ударился дротик, и хорошо, что сполотская кольчуга не подвела...

– Черемош! Бери вещи – сколько унесешь. Улада, возьми что-нибудь из еды! Быстро!

Все необходимое давно уже лежало в мешке, притороченном к седлу. Плащ, гочтак... Все!

– Уходим! Быстро!

– А... А кони? – растерялся Черемош, нерешительно оглядываясь. – Кони как же?

– Быстро! – повторил Згур, чувствуя, что времени не осталось. Только бы не собаки, от них не уйдешь...

– Згур, может, вернемся? – чернявому явно не хотелось идти пешком.

– Поторопись, дурак! – Улада прыгнула с коня и закинула за спину узел с вещами. Згур покачал головой – кажется, поняла.

И тут, совсем близко, ударили конские копыта. В первый миг показалось, что всадники скачут со всех сторон, но затем Згур понял – опасность впереди. Вернуться? Нет, нельзя!

Он резко ударил коня плетью, затем другого, третьего. Обиженное ржание – и кони помчались вперед, навстречу.

– В лес!

Згур наугад схватил чью-то руку и бросился прямо на темную стену деревьев. По лицу больно хлестнула ветка.

– Осторожней, ты!

Он узнал голос Улады и поспешил разжать кисть, но девушка сама схватила его за руку.

– Да беги же!

Снова ветка. Згур еле увернулся, чтобы не налететь на толстый ствол. А сзади уже слышались крики – похоже, преследователи увидели лошадей. Конский топот ударил совсем рядом.

– Падай!

Они рухнули на пахучую прошлогоднюю листву, и Згур вжался в землю, боясь пошевелиться. Только бы не собаки! Рядом тихо дышала Улада, и Згур невольно подумал, страшно ли длинноносой. Наверное, страшно, хотя ей-то зла не сделают. Вернут домой, запрут в тереме...

Топот стих, стали слышны голоса. Згур прислушался. Кажется, кто-то кричит. Голос громкий, сиплый, не иначе старшой.

– Здесь они! Близко где-то! Эй, Рак, бери троих и гони по дороге! Далеко не уйдут!

– А если они в лес дернули?

Згур затаил дыхание, но тут же заставил себя успокоиться. Собак, кажется нет. А в ночном лесу численное превосходство ничего не решает.

Сиплый голос отдал какой-то приказ, и вновь ударили копыта. Но ушли не все. С дороги доносились чьи-то голоса, и Згур понял – оставили двоих, на всякий случай.

Пора было уходить. Где же чернявый? Згур приподнялся, посмотрел вокруг...

– Черемош! Черемош! – позвал он, и сбоку тут же донеслось:

– Я... Мешок где-то... Сейчас!

Згур облегченно вздохнул и, стараясь не шуметь, встал, затем подумал и протянул Уладе руку. Ее ладонь была холодна, как лед.

– Я здесь! – послышался шепот, и рядом появился темный силуэт. – Згур, что нам делать?

– Тише!

Чернявый, похоже, растерялся. Згур и сам понимал, что дела плохи. Пешими далеко не уйти, а поутру стражники начнут прочесывать лес. Он закрыл глаза, попытавшись вспомнить мапу. Река, брод... Они, наверно, совсем рядом. Есть ли поблизости еще одна дорога? Впрочем, нет! На дороге их и ждут!

– Пошли! – вздохнул он. – Под ноги смотрите! Я иду первый, вы – за мной.

Вначале идти было трудно, но вскоре повезло – они вышли на узкую тропу, которая вела как раз, куда требовалось – между полночью и восходом. Згур вновь вспомнил мапу – лес заканчивался у Змеиных Предгорий. Но там скалы, не пройти. И тут вспомнились слова старичника. Выползнев Лаз! Если бородатый не солгал...

Згур прикинул, что если вернуться к ручью, возле которого они встретились с разбойниками, подняться чуть выше... Да, где-то там. А если все же солгал? Или это попросту ловушка?

Шли долго. Уже под утро тропа разбежалась надвое, а вскоре впереди послышался знакомый шум. Ручей! Згур осторожно выглянул, но возле воды было пусто, только на мокрой земле темнели отпечатки звериных лап. Здесь и сделали привал.

Черемоша клонило в сон, да и Улада держалась из последних сил. Згур понимал – отдых нужен, но прежде следовало поговорить о главном.

– Скоро они будут здесь, – начал он, заметив, как дернулось лицо чернявого. Кто такие «они», пояснять не требовалось.

– К реке не выйдем, возвращаться нельзя. Значит, есть два выхода...

Он специально сделал паузу, но никто не отозвался. Згур поглядел на Уладу, но на ее лице нельзя было заметить ничего, кроме усталости.

– Вы можете сдать. Думаю, никому из вас Палатин не снимет голову...

– А ты? – вскинулся Черемош. Згур улыбнулся:

– Я уйду. Один...

– Трус! – губы девушки слегка дрогнули.

Оставалось пожать плечами. За эту ночь его дважды обвинили в трусости. Ладно...

– Пусть я трус, сиятельная. Но я отвечаю за ваши жизни, раз уж взялся быть... наемником. С этого момента я ни за что не могу ручаться. Ни за что, понимаете?

– Мы не боимся!.. – начал было чернявый, но сник и умолк.

– Я поняла, наемник, – задумчиво проговорила Улада. – Пойми и ты. Я не для того бежала из Валина, чтобы возвращаться и молить Палатина о прощении. Интересно, какой твой второй выход? Ты нас выдашь сам?

– Улада! – Черемош вскочил, отчаянно махнул рукой...

– Сядь! – глаза девушки блеснули. – Наемнику незачем рисковать головой ради меня и тебя. Но я не вернусь! Впрочем, ты, Черемош, вправе поступить по-своему...

Чернявый был, похоже, настолько убит, что даже не нашел в себе силы возразить. Згур хотел было еще раз напомнить об опасности, но вдруг до него дошло – Уладу он не отпустит. Не имеет права. Если она откажется идти, то останется здесь, на берегу ручья – мертвая. А, значит, и Черемош – тоже. Мать Болот, зачем же он их уговаривал?

– Второй выход, сиятельная, еще проще. Мы попытаемся уйти. Но я ни за что не ручаюсь.

– Много болтаешь, наемник! – дочь Палатина презрительно усмехнулась. – Тебе платят, и платят хорошо! А то я вправду решу, что бывший сотник Края и альбир Кеевой Гривны – просто трус!

– Ладно! – Згур, в третий раз проглотив «труса», решительно встал. – Тогда поглядим, что у нас есть...

Сам он ничего не забыл. Кольчуга, плащ, шлем, кошель с серебром, оружие, сумка. Рука наткнулась на что-то знакомое, и Згур мысленно помянул Извира с Косматым. Браслет! И не потерялся!

С остальным вышло хуже. Улада забыла плащ и заодно – почти все припасы. Черемош тоже не догадался взять мешок с копченым мясом и к тому же умудрился потерять серьгу. Впрочем, о серьге горевать следовало в последнюю очередь.

Оставалось отдать гочтак чернявому, чтоб не шел порожняком, съесть по куску лепешки и идти дальше. На отдых не оставалось времени.

Около часа шли вверх по ручью. Черемош несколько раз пытался узнать, куда именно, но Згур молчал. Он и сам не очень представлял, что делать. Скоро начнутся скалы, там можно отсидеться несколько дней, пока голод не заставит сойти вниз. В загадочный Выползнев Лаз верилось все меньше. Наверное, просто пещера, глубокая, куда легко зайти – и не вернуться.

Бессонная ночь давала о себе знать, но Згур торопил. Несколько раз казалось, что он слышит отдаленный лай собак. Значит, ищут. Все верно, дадут понюхать что-либо из их вещей, и пустят свору. Собак он не очень боялся, но вслед за ними неизбежно пожалуют другие псы – двуногие.

Наконец, слева появились скалы. Сразу же стало холоднее, солнце – Небесный Всадник, только успевшее взойти, вновь скрылось за каменными громадами. Чтобы отвлечься, Згур стал вспоминать мапу: Змеиные Предгорья, на закат от них – непроходимая Змеева Пустыня, а вот если двигаться между полднем и восходом, то можно выйти к Нистру. Правда, для этого надо иметь крылья – или стать кротом. Впрочем, крот не прогрызет твердый гранит.

Дорога внезапно пошла резко вверх. Теперь каждый шаг давался с трудом, к тому же тропа сузилась, превратившись в узкий каменный карниз между скалами и ручьем. Згур, привычный к походам с полной выкладкой, старался не сбавлять шаг, но Черемош стал явно отставать. Улада держалась, но, случайно оглянувшись, Згур заметил, как побледнело ее лицо. Подумав, он остановился и, не сказав ни слова, взял у девушки мешок. Та поглядела на него с удивлением и внезапно улыбнулась. При большом воображении это можно было принять за «спасибо». Згур уже подумывал о привале, но лай собак приблизился, вскоре стали слышны голоса. За ними шли, и преследователи были близко.

Он остановился и, пропустив вперед своих спутников, оглянулся. Слева скалы, справа – лес, но за вершинами деревьев – каменные венцы. Значит, уходить некуда, скоро их нагонят. Згур вновь представил, что преследование поручили именно ему. Он бы... Да, он бы приказал брать живой только девушку, остальных – просто расстрелять из луков или гочтаков, не вступая в рукопашную. По спине пробежал холодок. Сам бы он еще мог уйти. Но это значит...

– Згур! Згур! Смотри!

Голос чернявого звучал удивленно, даже радостно. Згур оглянулся – река, нависающая скала, мелкие капли воды на темном камне. Что увидел чернявый?

– Вот! Гляди!

Черемош тыкал рукой куда-то вверх. Згур поднял взгляд – и замер. Наверх вели ступеньки, еле заметные, сглаженные водой и временем. Дальше – небольшой карниз, а выше – неровное черное отверстие...

– Это пещера! Пещера! – возбужденно тараторил чернявый. – Помнишь, тот бычара поганный говорил? Выползнев Лаз!

– Выползнев Лаз, – он повторил знакомые слова, и тут только сообразил, что они означают. Выполни... Кто же их ждет за темным входом? Впрочем, на сомнения уже не было времени.

– Наверх! Быстро!

Легконогий Черемош уже карабкался по ступенькам, прижимаясь к мокрому камню. Один раз он чуть не сорвался, но сумел удержаться и даже победно усмехнулся. Миг – и парень был уже наверху.

– Улада!

– Ты мог бы сказать «сиятельная», – язвительно заметила девушка. Згур невольно улыбнулся – ну, характер!

Черемош подал руку, и девушка исчезла в темном провале. Теперь вещи. К счастью, в мешке оказалась веревка, которую удалось перебросить чернявому. Когда мешки оказались на карнизе, Згур поспешил поставить ногу на ступеньку, но замер. Пещера! Там темно, они не пройдут и сотни шагов!

Он оглянулся – пусто, но собачий лай уже совсем рядом. Эх, была не была! Згур перепрыгнул через ручей и принялся, не глядя, ломать сосновые ветки. Черемош, сообразив, что к чему, поспешил спустить на веревке пустой мешок.

Можно было подниматься. В спину ударил собачий лай. Згур подтянулся, и тут только сообразил, что на нем кольчуга, шлем, и, конечно, меч. Вот Косматый! Он прижался к скале и начал осторожно двигаться.

– Згур! Скорей! Они близко!

Он удивился, узнав голос Улады. Кажется Згуром она назвала его уже в третий раз. Тут сверху скользнул веревка. Згур поспешил намотать ее на руку.

– Давай!

Ноги заскользили по влажному камню, коснулись карниза. Згур сделал шаг от края и оглянулся – из-за деревьев блеснул металл...

– Скорее!

Он шагнул в темноту, присел прямо на холодный камень и облегченно вздохнул. Кажется, ушли! Ушли? Но куда? И ушли ли?

Внизу у ручья громко залаяла собака, затем другая. Рядом охнул Черемош.

– Нету их! – послышался знакомый сиплый голос. – Рак, чего видать?

– Да не знаю! Собаки след не берут!

– Вот карань! А чего там?

«Там», похоже, означало «здесь». Згур зло усмехнулся – здесь двуногих псов ничего хорошего не ожидает. Подниматься можно лишь по одному, значит, по одному и сдохнут! Разве что стрелы пустят прямо в черный лаз, но тут уж как Мать Болот рассудит.

– Эй, вы! Остаются тут, – продолжал сиплый. – Остальные – за мной! Как увидим – бейте сразу, только девку не заденьте!

Згур вновь улыбнулся – выходит, угадал! Значит, терять нечего. Итак...

– Пошли! Только тихо!

Под ногами – скользкий камень, стены дышали холодом, а впереди была влажная тьма. Згур несколько раз хотел остановиться, чтобы зажечь факел, но каждый раз сдерживал себя. Рано, еще рано, заметят. Конечно, старшой с сиплым голосом в конце концов сообразит, куда делись беглецы, но у них будет время.

Рядом послышалось жалобное «Ой!» – Черемош, похоже, наткнулся на стену. Згур протянул руку – точно, стена. Он провел ладонью влево, затем вправо. Да, стена, но какая-то странная...

– Здесь кладка! – послышался голос Улады. Згур еще раз приложил руку – точно! Кладка, камни большие, но явно не на растворе.

– Черемош, давай ветку!

Рука скользнула в сумку, где лежало огниво. Пальцы задели что-то круглое. Браслет! Згур еле удержался, чтобы просто не бросить его под ноги. Нет, не стоит, потом...

Хвоя с треском вспыхнула. Неровное трепещущее пламя осветило серый камень. Стена, сложенная из грубо отесанных глыб, закрывала проход.

– Згур! Это ловушка! Ловушка! – Черемош бросился в левый угол, затем в правый. – Они... Они специально нас заманили! Они...

– Замолчи! – резко бросила Улада. – Ну, наемник, что дальше?

Згур поневоле удивился. Сыну войта страшно, а вот длинноносой... Хотя если кому и бояться, то не ей...

– Дальше...

Згур задумался, затем сунул факел чернявому и отступил на пару шагов. Да, проход закрыт надежно, но... Но не до самого верха. Наверно, каменщики спешили – или просто не захватили лестницы.

– А ну-ка! Черемош, наклонись! Ниже!

Чернявый, ничего не понимая, передал факел Уладе и послушно согнул спину. Через мгновение Згур был уже наверху. Пальцы коснулись верхнего камня. Да, раствора нет, сухая кладка...

– Черемош, стоишь?

– Ага! – послышалось снизу. Згур усмехнулся и что есть сил толкнул верхний камень от себя. Есть! Послышался глухой стук. Теперь второй...

Черемош героически терпел, время от времени побряхтывая. Впрочем, третий ряд они уже сбрасывали вместе. Наконец, проход был свободен. Згур взял факел и заглянул в черную мглу.

Его поразили стены. Если у входа камень был обычным – неровным, в трещинах, то теперь свет факела отражался от ровной, словно полированной поверхности. Да и пол стал другим, чуть вогнутым к середине. Згур поднял факел повыше и присвистнул. Потолок тоже прогибался, но вверх.

– Ого! – Черемош просунул голову в проход. – Вроде как нора!

– И чья же? – хмыкнула Улада. – Выползней?

Выползней? Странное слово внезапно показалось зловещим. Кто же мог прогрызть такое? Нет, не прогрызть, камень ровный, без единой царапины.

– Ну, мы идем? – нетерпеливо бросила Улада. – Холодно стоять!

В пещере действительно было холодно, но Згур все не решался шагнуть за стену. Что же это? Такое не сделают ни звери, ни люди! Или люди все-таки в силах? Но зачем! Это же не Кеевы Палаты!

– Пошли! – вздохнул он. – Я первый...

Проход был широк, позволяя идти плечом к плечу. Згур с удивлением заметил, что рядом с ним пристроилась Улада, оставив своего воздыхателя плестись сзади. Похоже, ей стало интересно. Згур и сам с любопытством глядел по сторонам, но стены тянулись дальше, такие ровные, черные, блестящие. Разве что стало немного теплее и суше – они углублялись в самое сердце горы. Несколько раз Згур останавливался и прислушивался. Однако и впереди, и сзади было тихо. Преследователи явно медлили, и Згур внезапно понял – за ними не пойдут. Не зря стену строили! И в душе вновь на миг пробудился страх.

Так прошел час, затем два, а черный лаз тянулся все дальше. Ни перекрестка, ни развилок – ровный черный ход, сухой, чистый, словно вчера подметенный. Правда, несколько раз в стенах встречались странные отверстия, небольшие, размером с кулак. Згур поднес факел и тут же заметил, как вздрогнуло пламя. Он представил, как далеко должна быть поверхность и только головой покачал. Нет, люди такого не сделают. Тогда кто?

Шедший сзади Черемош взмолился, прося об отдыхе. Подумав, Згур махнул рукой, решая привал. Спать хотелось до невозможности, а в смелость бравых кметов не очень верилось. Нет, сюда не сунутся! Згур завернулся в плащ, и, погасив факел, провалился в черную бездну без снов и без мыслей.

Разбудили его голоса – негромкие, осторожные. Згур открыл глаза, но решил выждать. Свои?

– Тише, Згура разбудишь! – узнал он голос Черемоша и тут же успокоился.

В ответ слышалось знакомое фыркание.

– Ничего, и так поспит! Убери руку!

– Улада!..

– Я сказала, убери руку!

Згуру стало неловко, он хотел подать голос, но следующие слова заставили замереть и обратиться в слух.

– В Тирисе надо будет сдать его страже. Скажем, что он разбойник и убийца...

– Ты что? – чернявый явно растерялся. – Он ведь...

– Он и есть разбойник! Ты что, не понимаешь? Он был сотником, он потомственный дедич, таких судят только Кеевым судом. Представляешь, что он сделал, если все-таки бежал?

Згур усмехнулся – длинноносая умна. Жаль, что правда еще хуже...

– Но... Улада, он ведь нас столько раз выручал!

Снова фыркание.

– Он себя выручал. Себя – и свое серебро. Не говори глупостей! Я специально пообещала ему так много, чтобы он думал о награде, а не о том, как тебя зарезать, а меня продать куда-нибудь за Великую Зелень. Не спорь!

Послышался тяжелый вздох.

– Без него мы не дойдем...

– Конечно! – голос Палатиновой дочки налился ядом. – Он по крайней мере мужчина, не то, что ты! И убери руку, а то ударю!

Згур понял, что пора вмешаться.

– Чолом! – пробормотал он сонным голосом. – Кого это бить собрались?

– Чолом! – тут же бодро отозвался Черемош. – Мы тут... Насчет завтрака...

– Скорее, ужина, – прикинул Згур. – Ладно, где огниво?

С едой дела оказались плохи. Две лепешки, небольшой кусок вяленого мяса и одно яблоко. Этого едва хватило бы и на один завтрак – или ужин, но Згур настоял, чтобы все было поделено на три раза. Воды же не оказалось вообще, и Згур мысленно выругал себя за беспечность. Впрочем, мех остался при седле, и набрать воду все рано не во что.

С тем и двинулись дальше. Черный проход оставался все тем же – гладким, похожим на нору. Под ногами не было даже пыли, и лишь однажды впереди что-то блеснуло. Згур подошел, наклонился – под ногами лежал странный серебряный кружок с непонятными значками на одной стороне и круторогим быком – на другой. Он долго вертел находку в руках, пока Улада снисходительно не пояснила, что серебро – румское, и такие кружки румы используют вместо гривен. Згур вспомнил рассказ станичника. Похоже, вольные люди действительно ходили этим путем.

Следующая находка была не столь безобидной. Огонь осветил что-то странное, похожее издали на большой полупустой мешок. Однако вблизи все смотрелось иначе. Негромко вскрикнула Улада. Черемош присвистнул и покачал головой...

...Клочья ткани покрывали остатки того, что когда-то было человеческим телом. Труп не истлел, он высох, коричневая, словно дубленая, кожа, обтягивала череп, скрюченные пальцы впивались в черные ладони. Ни вещей, ни оружия, только на шее – камень-громовик на затвердевшей бечевке. Рот щерился желтыми зубами, казалось, мертвец пытается крикнуть...

Хотелось быстрее пройти мимо страшного остова, но что-то смущало. Наконец, Згур понял – кости неизвестного были сломаны. Даже не сломаны – сплющены. Словно невиданная тяжесть обрушилась на него сверху, размазав по гладкому неровному полу. Оставалось лишь догадываться, что – или кого – мог встретить несчастный в пустом подземелье.

Теперь шли осторожно, стараясь не шуметь. Однако впереди были все те же ровные стены, гладкий пол – и пустота. Час шел за часом. Сосновые ветки – самодельные факелы – подходили к концу, и Згур понимал, что скоро они окажутся в полной темноте. И вот огонек последний раз вспыхнул, словно прощаясь, и сгинул. И сразу же подступила чернота.

– Передохнем, – предложил Згур, и все присели на пол. Камни теперь не было ледяными, из недр горы шло тепло. Черемош попытался завязать разговор, но его не поддерживали. Згур прикидывал, сколько они прошли. Немало – два часа до привала, и потом еще часа четыре. Сколько же этой норе еще тянуться? Хорошо, что заблудиться нельзя – ход прямой, не спутаешь.

– Сквозняк, – внезапно заметила Улада. – Откуда-то тянет.

Згур привстал – точно. Воздух шел из глубины, свежий, прохладный.

– Мы... Там выход! – радостно воскликнул чернявый. – Пришли!

Згур не стал спорить, но сам думал иначе. Ход спускался, не очень заметно, но постоянно. Значит, за эти часы они спустились очень глубоко.

– Посмотрим, – рассудил он. – Пошли!

Теперь вокруг была только тьма. Приходилось держаться рукой за стену, чтобы не столкнуться друг с другом. Прошел еще час, ничего не менялось, но свежий ветер уже был ощутим, и все повеселели. Наконец, далеко впереди мелькнул серый просвет. Черемош радостно взвизгнул, но тут же умолк. Даже до него дошло, что в таком месте лучше не шуметь.

Все ускорили шаг. Свет приближался, но Згур уже понимал – это не выход. Свет был странным – желтоватым, мерцающим. Так не светят ни солнце, ни луна, но это и не огонь костра. Это поняли и остальные. Разговоры стихли, лишь чернявый бормотал себе под нос что-то невразумительное, не иначе удивлялся.

Внезапно стена, за которую держался Згур, резко ушла влево. Проход расширился.

– Стойте!

Мерцающее отверстие было уже близко. В отличие от прохода оно напоминало ровный четырехугольник. В глубине его уже проступали неясные контуры чего-то большого...

– Я посмотрю! – Черемош положил мешок на пол и скользнул вперед. Послышался удивленный свист.

– Ух, ты! Дий Громовик! Давайте сюда!

Згур невольно усмехнулся – «ух, ты» ему понравилось. Ну, поглядим, что так поразило войтова сына!

Он подошел ближе и сам с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть. Проход кончился, за невысоким порогом была пещера. Нет, не пещера – зал! Огромный, светящийся неярким желтым огнем. Свет шел не сверху и не с боков. Казалось, горит воздух. По залу прокатывались мерцающие волны, на миг проступали высокие ровные своды, а затем все вновь погружалось в полутьму.

Зал был пуст, под ногами блестел черный гладкий камень. Згур осторожно перешагнул порог и невольно покачал головой. Черемош прав, действительно «Ух, ты!»

Над ними нависал огромный свод, словно кто-то накрыл черный камень половинкой гигантского лесного ореха. Но скорлупа не бывает такой ровной. Ее не изготавливают из черного камня, не полируют. Правда, сходство все же было. Через весь свод шли глубокие трещины, словно по ореху ударили сверху.

– Красиво! – проговорила Улада равнодушным тоном. – Ну, и куда дальше?

Черемош покрутил готовой и радостно вскрикнул:

– Проход! Смотрите!

Згур кивнул. Проход он уже заметил. И даже не один. На одинаковом расстоянии друг от друга в стенах зала темнели ровные четырехугольные отверстия. Одно, второе ...пятое. Шесть проходов, считая с тем, через который они сюда попали.

– Згур! Куда нам идти? – Черемош подбежал к одному из входов – соседнему, заглянул, побежал к следующему. Улада пожала плечами и присела, облокотившись на теплую гладкую стену.

Згур не спешил. Шесть проходов... Если бы знать, что тот, по которому они шли, вел только прямо, не уклоняясь, то им надо в противоположный. Но если нет...

Он осторожно пересек зал и подошел к темному четырехугольнику. Этот? Проход ничем не отличался от соседних, но внезапно в глаза бросилось что-то странное. Мерцающая вспышка осветила стены, и Згур усмехнулся. Стрела! Кто-то пытался процарапать стрелу на черном гладком камне. Без особого успеха, но след все-таки остался. Выходит, не солгал становичник!

Здесь и собрались. Черемош успел обежать весь зал, но ничего нового не заметил. Проходы одинаковые, у каждого невысокий ровный порог. Всюду пусто и чисто, словно неведомые хозяева, уходя, решили напоследок все почистить и подмести. Стены ровные, гладкие, лишь под гигантским потолком чернели трещины, да у входа проступала еле заметная стрела.

Практичная Улада предложила пообедать. Впрочем, это слово слабо соотносилось с маленьким куском лепешки и столь же мизерной порцией мяса. К тому же начала мучить жажда, и Згур с трудом проглотил свою долю. Черемошу было, похоже, легче. Не успев справиться с лепешкой, он тут же пустился в разговор. Чернявого очень интересовало, куда они попали, и кто все это выстроил.

– Стены! – горячился он. – Я смотрел! Полированные! Даже вверх! Такое и румы не сделают!

Згур пожал плечами. Его куда больше интересовала стрела у прохода.

– Это не строили, – внезапно заметила Улада. – Это... вылепили. Или выжгли.

Згур удивленно вскинул голову, но вдруг понял – длинноносая права. Он вновь оглядел зал...

– Тогда... Для них камень был, как воск!

В душе вновь проснулся страх. Куда же они попали? Хорошо, что неведомые хозяева ушли! Но ушли ли? Мертвец в проходе до сих пор скалит желтые зубы!

– Даже в сказках такого нет, – задумчиво проговорил Черемош. – Разве что боги...

Боги? Згур мысленно помянул Мать Болот, прося о защите. Но ведь боги живут в Ирии! В наш мир они лишь приходят!

– Отец... – Улада усмехнулась и тут же поправилась. – Палатин рассказывал, что у скандов есть легенда. Будто боги собираются в огромных палатах и пируют там вместе с душами погибших воинов. Во главе стола сидит одноглазый великан в черном плаще, а на его плече спит ворон. А когда ворон проснется, тогда начнется последняя битва, и наш мир погибнет...

Легенда понравилась, но Згуру не очень верилось ни в ворона, ни в последнюю битву. Это у скандов! Мать Болот и Громовик Дий не допустят, чтобы погиб мир, сотворенный Золотым Соколом!

– Может, они и сейчас пируют, – негромко закончила девушка. – Только мы не видим их и не слышим.

– В Дубене расскажу – не поверят! – чернявый возбужденно вскочил, оглянулся. – Куда там нашим бычарам!

– Ты решил вернуться? – равнодушно бросила Улада, и Черемош сник. – Ну что, наемник, мы так и будем сидеть?

Проход ничем не отличался от того, который привел в зал. Те же гладкие стены, такой же неровный пол. Правда, воздух был иным – затхлым, недвижимым. Згур чувствовал – что-то не так. Или проход очень длинный, или...

Все стало ясно через полчаса. Нога скользнула по камню. Згур еле успел скомандовать «Стой!», как протянутая вперед рука уткнулась в что-то неровное, твердое. Рядом охнул Черемош, налетев на неожиданную преграду.

– Огниво! – Згур почувствовал, как на лбу выступает холодный пот. – Зажгите какую-нибудь тряпку!

Тряпки не нашлось, чернявый долго рвал рукав рубахи, наконец, ткань треснула, вспыхнула искра, и тьму прорезал дрожащий огонек. Згур подался вперед...

– Нет... – прошептал он, чувствуя, как леденеют руки. – Мать Болот, нет!

Прохода не было. Он исчез, засыпанный... Нет, не засыпанный! Згур провел рукой по неровной поверхности – камень был цельный, словно проход залили густой черной жижей, которая, окаменев, намертво закрыла путь. Лезвие кинжала, чиркнув, не оставило даже царапины.

Згур вытер пот со лба. Все-таки ловушка! Или бородатый станичник рассказывал о том, что было в давние годы. А потом чьи-то руки заложили проход со стороны ущелья, а здесь неведомым образом воздвигли новую стену.

Что-то говорил Черемош, горячо, глотая слова, но Згур не вслушивался. Надо возвращаться. В зале еще четыре прохода, значит, надежда есть. В крайнем случае, можно вернуться к ручью, хотя там наверняка ждут...

В зале все осталось по-прежнему, лишь свет, как показалось, стал более тусклым. Не теряя времени, Згур кивнул на соседний проход. Далеко идти не пришлось, черная неровная стена преградила путь почти за самым порогом. Второй проход, третий – стены стояли мертво, словно кто-то неведомый решил замуровать незваных гостей.

Оставался один проход, самый дальний. Но спешить не хотелось. Не сговариваясь, все трое присели у стены.

– Згур! – жалобно проговорил Черемош. – А если... А если и этот?..

Чернявый явно растерялся. И было от чего!

Отвечать не хотелось. Что тут можно придумать?

– Вернемся. Если у ручья сторожат, дождемся ночи. Хотя...

Договаривать он не стал. Тот, с сиплым голосом, конечно, догадался, куда исчезли беглецы. Возможно, он знает и о том, что проход закрыт. Значит, у входа ждет стража. Ждать придется недолго, через пару дней они просто погибнут от жажды...

– Что, альбиры, трусили? – Улада внезапно рассмеялась. – Знаешь, Черемош, что с тобой сделает Палатин? Тебя разложат на «кобыле» и будут бить кнутом. Потом спину посыплют солью. Затем возьмут клещи...

– Улада! Зачем ты?.. – воззвал чернявый, но девушка зло фыркнула:

– Я предупреждала тебя! Помнишь? Еще в Валине! Я тебя не просила бежать со мной! Так и знала, что ты начнешь ныть!

– Прекрати! – не выдержал Згур. – И так тошно!

– Тошно? – глаза длинноносой блеснули. – А хочешь, я расскажу, наемник, что сделают с тобой?

– Хочу, – Згуру внезапно стало легче. Чужая злость прибавляла сил.

– Тебя... – Улада скривилась, но внезапно замолчала. – Нет, не получится. Ты ведь не дашься живым, сотник Згур! Я не ошибаюсь?

Ее слова дышали ненавистью, но, странное дело, в этой ненависти слышалось что-то, похожее на уважение. Згур вспомнил: «Он, по крайней мере, мужчина...»

– Так кто из нас ноет, сиятельная? Тризну править рано, сначала поглядим. Ножки еще не устали?

Вновь послышалось фыркание, и Згур успокоился. С Уладой было все в порядке.

– Пошли! – он встал и бросил взгляд на черное отверстие. – Да поможет нам Мать Болот!

Порог был еще виден, а дальше все тонуло в мгле. Шаг, еще один... Нога уткнулась во что-то твердое, и Згур в сердцах помянул Извира вкупе со всеми его чадами. Все-таки замуровали! Но протянутая рука ушла в пустоту, и в душе вновь вспыхнула надежда. Не стенка, тогда что же это?

Вспыхнул трут, но обрывок рубахи никак не хотел загораться. Но вот пламя медленно, словно неохотно, отогнало черную мглу. Да, камень, но это не стенка. Ступенька, еще одна... Лестница!

Ступени были высокими, и Згуру внезапно подумалось, что строили их те, кому ничего не стоило поднять ногу на целый локоть. Таких бы – да в Вейско! Но Згур уже понимал – людям незачем строить подобное. Тогда что же это? В норе не бывает ступеней!

Лестница тянулась вверх, огромные гладкие ступени сменяли одна другую, но вот черная мгла посветлела, впереди замерцал знакомый сумрак. Згур вытер пот со лба и прыжком одолел последнюю преграду. В глаза ударил желтый огонь. Згур прижал ладони к лицу и замер.

– Великий Дий! – послышалось рядом. Черемош, одолев подъем, растерянно шурился, протирая глаза. Згур последовал его примеру. Постепенно глаза вновь смогли видеть.

– Это не выход, – хладнокровно заметила Улада. – Но красиво.

Из четырехугольного отверстия лился поток желтого света, яркого, мерцающего белыми искрами. Свет казался живым, трепещущим, он разливался волнами, неся с собой легкое сухое тепло. Хотелось бежать вперед, чтобы поскорее окунуться в сверкающий омут.

Но Згур не спешил. Он вновь огляделся и покачал головой. Они на площадке. Чуть дальше вход, за ним, похоже, еще один зал. А впереди...

– Згур! – чернявый тоже заметил и застыл, не решаясь шагнуть вперед. – Згур, ты видишь?

Посреди прохода чернело что-то огромное, издали похожее на груды камней. Но это был не камень. Желтый свет вспыхнул ярче, и Згур невольно схватился за рукоять меча. Голова... Голова?!

Черная треугольная морда. Сетчатые глаза без ресниц, странные челюсти с острыми желваками, что-то непонятное по краям – то ли усы, то ли рога. А дальше тянулось туловище – длинное, разделенное на сегменты.

– Оса! – хладнокровно констатировала Улада. – Кажется,дохлая.

Згур внезапно рассмеялся. Оса! Хороша оса в семь локтей длины! Хотя, похоже. Правда, ни ног, ни крыльев...

Чудище не шевелилось, и Згур осторожно шагнул к проходу. Да, кажется, длинноносая права. То, что так напоминало осу, уже не способно ужалить. Осмелев, он легко ударил по черной морде. Послышался глухой стук.

– Да она высохла! – хмыкнул Черемош. – Ну, тварюга! Прямо Идрик-зверь!

Вблизи чудище казалось еще страшней. Згур не ошибся: ни крыльев, ни лап, огромная туша лежала прямо на камне. Голова лоснилась вороненой чернотой, но бока были мягкими, точно войлочными, покрытыми странным волнистым узором.

– Давно сдохла! – чернявый хлопнул по войлочному боку, подняв тучу пыли. – Згур, что это, как думаешь?

– Выползень...

Странное слово, услышанное от бородатого разбойника. Выползнев Лаз... Вот, значит, почему!

– Хорош! – Улада покачала головой и скривилась. – Надеюсь, он здесь один.

Згур посмотрел в проход. Желтый свет отразился на чем-то блестящем, ярком, словно серебро. Во всяком случае, это не «оса».

– Пошли!

Зал был полон света. Как и прежде, нельзя было заметить ни окон, ни светильников. Лишь на самом верху, под сводчатым потолком, притаилась темнота. Это все казалось уже знакомым. Но зал не был пуст. Пол покрывали куски сверкающего металла – неровные, словно вырванные грубой рукой. Згур приподнял один них и покачал головой. Металл был легкий – не сталь, но и не серебро.

Згур вновь осмотрелся и заметил на одной из стен сверкающую полосу. Стало ясно: в давние годы металл покрывал весь зал, но затем был сорван и брошен на пол.

– Кеев Венец! – задумчиво проговорила Улада, ковырнув гладкую блестящую поверхность. И, заметив недоуменные взгляды, пояснила:

– Я была в Савмате вместо с отцом... С Палатином. Светлый устраивал прием, и на нем был Железный Венец. Но он сделан не из железа, а из чего-то другого. Легкий, блестящий... Я потом спросила, и Светлый рассказал, что Венец остался от Кея Кавада...

– Наверно, станичники отодрали, – предположил Черемош. – Продать хотели, бычары!

С ним не спорили. Згур прошелся по залу, поддевая ногой звенящие пластины. В дальнем углу, возле небольшой пустой ниши, их было особенно много. Згур мельком взглянул на неровные полосы и хотел уже идти дальше, но тут его внимание привлекло что-то необычное, круглое. Почему-то вспомнился браслет, проклятый браслет, доставшийся неведомым образом от предателя-кобника. Но это был, конечно, не браслет, скорее находка напоминала обруч – серый легкий обруч, показавшийся на ощупь теплым и почему-то мягким. Згур повертел находку в руках и уже хотел положить на место, как вдруг почувствовал легкий озноб. Серый цвет исчез, обруч покрылся радужными пятнами и внезапно засветился ровным серебристым огнем.

– Покажи! – Черемош был уже рядом. – Ой, да он горячий!

Згур удивился – сам он не чувствовал жара, но по всему телу разливалось сухое тепло. Внезапно он ощутил, как уходит усталость, кольчуга и тяжелый мешок становятся легкими, невесомыми. Захотелось рассмеяться, подпрыгнуть, даже пройтись на руках. Но Згур тут же

одернул себя. Не спеши, сотник! Это не румский кругляш с непонятными значками! Тут чаклунством за десять шагов несет!

Он чуть не бросил обруч обратно на заваленный серебристыми пластинами пол, но сдержался. Бросать тоже нельзя. Мало ли...

– Эй, наемник! – голос Улады звучал насмешливо, с легкой издевкой. – Это тебе не Кеев Венец! Ищи выход!

Венец? Згур повертел находку в руках. Он хорошо помнил, что обруч куда шире, чем его голова. И чем любая другая голова. Такой только Идрик-зверю, которого Черемош помянул, впору. Но, странное дело, внезапно показалось, что обруч стал меньше. Згур помотал головой, растерянно моргнул... Точно! Теперь светящийся круг был размером... как раз с диадему!

– Ну чего это у тебя? – девушка подошла ближе, склонила голову и задумалась. – Здесь нашел?

Згур кивнул, не решаясь сдвинуться с места. Обруч светил все ярче, и страх постепенно уходил. Но неуверенность оставалась. Красивая вещь, конечно...

Улада почесала кончик своего длинного носа, дотронулась пальцем до светящейся поверхности и внезапно бросила:

– Надень!

Згур чуть не крикнул «Нет!», но вовремя сдержался. Опять трусом назовут!

– Страшно, наемник? – дочь Палатина хмыкнула. – Это тебе не клевцом махать!

– Улада, – вступился Черемош. – Эта вещь... Не простая. Наверно, какой-то чаклун...

Девушка нетерпеливо фыркнула, рука схватила обруч. Миг – и серебристое кольцо засветилось у нее на голове. Несколько мгновений она молчала, затем улыбнулась.

– А хорошо! Вы что, еще не поняли?

Згур и Черемош переглянулись.

– Толку с вас! Ну, подумайте! Кто это все выстроил?

Згур хотел ответить «выползни» или «осы», но прикусил язык. Безногим чудищам не нужны ступени. Они не плавают серебристый металл.

– Здесь были люди. Значит, эта вещь была им нужна. Нужна им – пригодится и нам. Надевай, наемник! Хоть светлее будет!

Згур вздохнул, снял шлем, зачем-то пригладил волосы и нерешительно протянул руки к обручу. Мать Болот, помоги! Улада поморщилась, сама сняла светящийся круг и надела Згуру на голову. Он невольно зажмурил глаза, но ничего не случилось. Вернулось тепло, перестали ныть плечи...

– Все! – длинноногая нетерпеливо оглянулась. – Где тут выход? Ну, ищите, ищите же!

Искать особо не пришлось. В правом углу чернел невысокий проход. Рядом лежало то, что когда-то было дверью – толстая пластина из такого же светлого металла. Згур заглянул внутрь и покачал головой. Серебристый свет обруча упал на черные ступени. Снова лестница!

На этот раз поднимались долго. Згур, чувствуя прилив сил, едва не бежал, хотя ступени теперь были еще выше, чем в прошлый раз. Приходилось останавливаться, поджидая остальных. Неяркий серебристый свет падал на ровные черные стены, и оставалось лишь догадываться, куда они идут. Ясно одно – вверх. А там-то что? Скалы? Вершина горы?

Ступени кончились. Снова площадка, поменьше, высокий порог. Згур осторожно заглянул и покачал головой. Темно, но даже сквозь тьму можно понять: зал. Еще один, поболе первого, но не круглый, а какой-то странной формы.

Сзади нетерпеливо кашлянула Улада, и Згур перешагнул порог. Сразу же удивил пол, он был неровный и не черный, а серый. Потолок исчезал во тьме, но почему-то показалось, что он ниже, чем в первом зале. А впереди... Мать Болот!

Черная треугольная морда бесстрастно смотрела на незваного гостя. Выползень! Еще один! И тоже мертвый! Сзади послышался испуганный крик Улады, и Згур невольно хмыкнул. Не такая уж она железная, эта длинноносая! Впрочем, он и сам перепугался.

Теперь Згур шел осторожно, оглядываясь на каждом шагу. И недаром – за первым выползнем лежал второй, такой же огромный и мертвый. А слева и справа темнели смутные контуры огромных туш.

– Здесь их сотни! – возбужденно воскликнул Черемош. – И все дохлые! Вот здорово!

Згур пожал плечами. То, что чудища мертвы, это, конечно, здорово. Но вот все остальное...

Свет обруча упал на неровную каменную поверхность. Стена! Значит, зал они прошли. И тут слух уловил какой-то неясный шум. Згур замер, рука легла на рукоять меча – слева! Сразу представилось: мертвый выползень поднимает голову, огромная туша начинает подергиваться...

– Подождите! – негромко скомандовал он. – Я посмотрю.

Згур сам удивился своей смелости. Правильнее всего было вернуться, подождать. Уж не обруч ли тому виной? Но отступить поздно. Он шагнул влево, чудом не наткнувшись на очередного «выползня», проскользнул вдоль стены. Шум стал сильнее, но он уже никак не походил на гудение разъяренных ос. Скорее это...

Згур ускорил шаг и чуть не налетел на высокий каменный барьер. Наклонившись, он нетерпеливо протянул руку...

– Вода! Здесь вода!

Прямо из стены лился поток, узкий, но сильный, словно маленький водопад. Вода выливалась в большую каменную чашу. Згур вновь протянул руку, зачерпнул – и поразился. Вода была теплой. И не просто теплой, она пузырилась мелкими пузырьками, от нее веяло свежестью и еще чем-то неведомым, но очень приятным.

Подбежал Черемош и, завопив от восторга, припал лицом к неровной поверхности воды. Он пил долго, затем поднял голову и блаженно улыбнулся. Улада недоверчиво поглядела, зачерпнула ладошкой, скривилась.

– Ладно! Уходите отсюда!

Згур и Черемош переглянулись, и девушка нетерпеливо топнула ногой.

– Уходите, кому сказала! Я мыться буду!

Згур решил не спорить и, взяв чернявого за руку, пошел обратно, вдоль стены.

– И не вздумайте подходить, пока не позову! – донеслось вслед. – Черемош, это тебя тоже касается!

Згур хмыкнул – длинноносая верна себе. Впрочем, ему и самому хотелось осмотреть зал. Прежде всего, выход. Выбирались же отсюда эти чудища! Причем не по лестнице, там этакая туша не пролезет...

Противоположный угол выглядел каким-то странным. Вначале показалось, что перед ними окно. Точнее, окна, много окон – небольшие, шестиугольные, закрытые тусклыми пластинками слюды. Но откуда тут окна? Згур подошел поближе, наклонился – странные шестиугольники тянулись вдоль всей стены. Но стена была странной – белой, неровной, мягкой на ощупь.

– Смотри! – чернявый осторожно дотронулся до серой пластины. – Ведь это же...

– Соты, – кивнул Згур. – Похоже.

Догадка показалась вначале невероятной, но затем все стало на свои места. Осы, осиное гнездо... Конечно, это мало походило на обычные соты, но и выползни слабо напоминали привычных ос.

– Там... Там должен быть мед! – Черемош достал меч и попытался ударить по серой пластине. – Мед, понимаешь?

Згур пожал плечами. Если мед и был, то за эти годы давно уже превратился в камень. Но спорить он не стал, чернявый же ударил снова, нетерпеливо застонал...

– Попробуй рукоятью, – подсказал Згур. Ему и самому стало интересно. Чем Извир с Косматым не шутят?

Удар – и серая поверхность треснула, послышалось легкое шипение. Черемош отскочил, но ничего не произошло. Шипение стихло, а в серой поверхности образовалась неровная дыра. Чернявый подождал еще немного и решительно запустил руку.

– Что-то есть! Мягкое!

Вытащив руку, он недоверчиво понюхал, лизнул.

– Мед! Настоящий! Згур, попробуй!

Згур, однако, не спешил. Мед разный бывает, наставник Неговит рассказывал...

– Вкусно! – чернявый облизал пальцы и вновь засунул руку в соты. – Надо Уладе отнести!

Словно в ответ, из темноты послышался нетерпеливый голос:

– Эй, где вы? Черемош, что вы там нашли?

После еды потянуло в сон. Мед оказался действительно превосходным, душистым, чуть-чуть кисловатым. Странно, но после него почти не хотелось пить. Згур подумал было поискать проход, но махнул рукой. Надо поспать, за последние сутки довелось побегать. Он присел к стене, накинул плащ и закрыл глаза. Внезапно подумалось, что у чернявого с длинноносой один плащ на двоих. Ничего, как-нибудь разберутся!

Глава четвертая. Огненная смерть.

...Свет бил в глаза. Это был не огонь костра и не солнечный луч. Скорее он походил на звездную россыпь – на тысячи маленьких звезд, окруживших его, словно туман. Под ногами ничего не было, кроме густой черноты, наполненной легким серебристым светом. Згур поглядел на свои руки – и еле удержался от удивленного крика. Они горели, светилося все его тело, словно он сам стал звездой, частичкой небесного огня, что горит в черном просторе за Седьмым Небом...

...Он дернулся – и открыл глаза. В подземелье стояла тьма, лишь неяркий серебристый свет от странного обруча отгонял мрак. Згур провел ладонью по лбу – обруч он попросту забыл снять. Может, из-за этого и приснилось такое?

Рядом, прямо на полу, свернувшись калачиком, мирно посапывал Черемош. Плаща на парне не оказалось. Згур перевел взгляд на Уладу и хмыкнул. С плащом вопрос решился. Впрочем, в зале было тепло.

Шипящая, полная лопающихся пузырьков вода приятно щекотала кожу. Згур чувствовал себя отдохнувшим, словно и не было тяжелого перехода. Рука вновь коснулась щеки и замерла. Щетина! Он ведь брился два дня назад! Когда же это все успело вырасти? Неужели он так долго спал? И тут же вспомнился мед. Нет, с такими вещами надо поосторожнее!

Згур, не торопясь, прошелся вдоль стены. Итак, зал шестиугольный, словно соты. Слева, если считать от прохода, источник, справа – мед. Оставалось осмотреть другие углы.

Возле одной из стен мертвых «ос» было заметно меньше. Внезапно Згур почувствовал легкое дуновение. Сквозняк! Он ускорил шаг и удовлетворенно присвистнул. Проход! Круглый, похожий на тот, который вел от ручья. Згур заглянул внутрь: черный камень поднимался вверх. Сквозняк был сильный, и сердце радостно дрогнуло. Выход близко! Наверно, именно через этот лаз «осы» попадали в зал.

– Згур! – послышалось из темноты. – Где ты?

Черемош проснулся. Впрочем, Згур не спешил на зов. Сейчас пробудится Улада и, того и гляди, захочет искупаться.

Так и вышло. Еще немало времени ушло на завтрак, после чего все вместе осмотрели проход. Перед тем, как идти, Згур посоветовал напиться воды – от души, сколько влезет, поскольку набирать ее было не во что.

Шестиугольный зал остался позади, а вокруг вновь был черный гладкий камень. Дорога вела на подъем, но шли быстро – все успели неплохо отдохнуть.

– А я этого выползня осмотрел, то есть ощупал, – сообщил Черемош, когда первая сотня шагов была пройдена.

– Ну и как? – откликнулась Улада. – Приятно было?

Чернявый рассмеялся:

– Нет! Зато я понял – это не оса! У нее, то есть у него, жала нет. Зато рот, то есть пасть... Ну, не знаю, что это... Очень странная. Там, ну, эти... На дырки похожи. И ни лап, ни крыльев! Даже следов нет.

Получилось не особо понятно, но Згур и сам обратил внимание, что на осу странные твари походили только внешне, и то издалека. Допустим, они не летали, оттого и крыльев нет. Но почему нет ног? Неужели действительно ползали?

– Да какая разница! – бросила Улада. – Ноги, крылья... Я же говорила вам! Ступени зачем? И металл этот? Это что, тоже выползни придумали?

– Здесь были люди, – кивнул Згур. – Что-то им было надо.

– Мед собирали, – осенило Черемоша. – Это вроде пасеки!

Улада пренебрежительно хмыкнула. Згур и сам не очень поверил в неведомых бортников. Но что-то же они здесь делали? Лестницы, металл на стенах – еще понятно. А обруч? Дорогу освещать?

Воздух стал заметно свежее, тьма впереди сменилась серым сумраком. Нетерпеливый Черемош несколько раз порывался бежать, но Згур каждый раз останавливал приятеля. Выбраться – только полдела. Мало ли кто мог ждать наверху?

Впереди мелькнул голубой просвет. Згур поднял руку:

– Стойте!

Он снял с плеча мешок, надел шлем, достал из ножен меч и только тогда вспомнил об обруче. Снять? Терять время не хотелось, и Згур, велев всем оставаться на месте, осторожно двинулся вперед, стараясь держаться поближе к стене. Шаг, еще один, еще. В просвете уже были видны белые перистые облака, и Згуру внезапно показалось, что между ними сверкнула еле заметная искра.

Первое, что он увидел, был камень, но не черный, а темно-красный. Вход выводил на площадку, загороженную скалой. Згур шагнул вперед и отдернул ногу. Обрыв! Внизу, сколько хватало глаз, тянулось ущелье, в глубине которого неслышно несла свои воды река.

Он вновь оглянулся. Маленькая площадка, слева – обрыв, красная скала впереди, а между нею и обрывом – узкий проход. Згур помянул Мать Болот и осторожно ступил на неровную тропу. Теперь не спешить, идти медленно, не оборачиваясь. Кончится же когда-нибудь этот Извиров камень!

Тропа стала шире, скала отступила, и Згур удовлетворенно вздохнул. Он был на вершине горы – плоской, покрытой неровными камнями, такими же красными, как тот, что остался за спиной. Странное дело, камни казались обожженными, даже оплавленными, словно какие-то великаны жгли здесь костры. Гарь тянулась до самого обрыва. А дальше, закрывая горизонт, стояли горы – такие же высокие, голые, без привычного леса на склонах. Солнце – Небесный Всадник – находилось как раз в зените, и Згур рассудил, что время подошло к полудню. Край неба был затянут облаками, и ему вновь показалось, что где-то у горизонта что-то блеснуло.

Оставалось позвать своих спутников. Это оказалось легко, сложнее было провести их по узкой тропе мимо красной скалы. Улада категорически заявила, что не желает рисковать, и согласилась лишь после того, как Згур с Черемошем перенесли ее вещи. Наконец, все трое собрались возле небольшого колючего куста, чудом выросшего среди голых камней, и Згур объявил привал.

Горячий Черемош попытался расспрашивать про дальнейший маршрут, но Згур лишь пожал плечами. Если с горы можно спуститься, они спустятся. Если же нет... Если же нет, тогда придется подумать. Улада иронически хмыкнула, а Черемош не выдержал и, вскочив, направился к дальнему краю площадки. Вернулся он оттуда с весьма кислым видом, сообщив, что везде обрыв, да такой, что только птице одолеть. Или осе.

Згур думал о другом. Даже если они спустятся, то впереди – долгий путь по горам. Веселого мало, а главное, он с трудом представлял, где они находятся. В Змеиных Предгорьях? Но это не предгорья, это горы!

Он поглядел на солнце, прикинув, где может быть полночь. Впрочем, направление мало что давало. Им надо на полдень, но вокруг – сплошное каменное кольцо.

И тут он заметил знакомую вспышку. Словно маленькая зарница блеснула между туч. Молния? Згур всмотрелся и покачал головой. Нет, что-то другое! Вот еще вспышка, уже ближе, вот еще одна. В памяти всплыло что-то знакомое – огни в небе, издали похожие на зарницы, оплавленный камень... Неговит! Краснощекий рахман рассказывал!..

Згур быстро оглянулся – плоская вершина, скала за спиной... А вот и что-то подходящее: два огромных камня, между ними – узкий промежуток.

– Черемош, возьми вещи, – проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. – Вон там, между камнями – расщелина. Перенеси, пожалуйста.

Чернявый взглянул удивленно, но тут же взялся за мешок. Улада недоуменно подняла брови.

– Сиятельная, – Згур встал и улыбнулся. – Тебе лучше пройти к тем камням. Пожалуйста!

Краем глаза он заметил новую вспышку – совсем близко. Спина похолодела. Если он прав, то – все. И напрасно они искали путь в черном подземелье!..

Черемош уже был между камнями, недоуменно оглядываясь. Улада дернула носом, скривилась, хотела что-то сказать. И тут сверху со свистом рухнула черная тень.

Згур упал ничком, успев сбить девушку с ног. Пахнуло невыносимым жаром, к спине и затылку словно приложили раскаленное железо. В ноздри ударил запах горящих волос...

Несколько мгновений они лежали неподвижно, затем Згур нерешительно поднял голову. Небо было чистым, лишь вдали сверкнула знакомая искра. Он привстал, резко выдохнул:

– Как, сиятельная, жива?

Улада медленно приподнялась, скривилась, провела рукой по волосам. Губы дрогнули:

– Сг-горели! К-какая гадость!

От ее пышных кос мало что уцелело, но не об этом надо было сейчас думать. Згур схватил девушку за руку и потянул к расщелине. Что-то кричал Черемош, но в ушах стоял звон, мешая понять хотя бы слово. Улада шла медленно, и глаза ее были странно пустыми. Кажется, она до сих пор не поняла.

Они не без труда втиснулись в расщелину, и Згур перевел дыхание. И почти тут же пламя вспыхнуло слева, там, где они только что стояли. Вновь пахнуло жаром, уши резанул свист, черная тень метнулась в небо...

– Великий Дий! – глаза Черемоша застыли, губы тронулись синевой. – Это... Не-е не может...

– Может, – еле слышно проговорил Згур, вытирая копоть с лица. Руки дрожали, по затылку лил пот. – К сожалению, может...

Вновь вспыхнуло пламя, но уже дальше, у самого обрыва. Згур бессильно откинулся назад и прикрыл глаза.

– Т-ты, наемник, т-ты толкнул м-меня. Уд-дарил... – голос Улады был неузнаваем, она не говорила – хрипела, с трудом выдавливая слова.

– Да. Извини...

– Т-тебя надо. На к-кол, тебя н-надо...

Девушка не договорила, плечи дрогнули, и она беззвучно зарыдала.

– Згур! Что это было? Что?

Черемош начал приходить в себя, страх сменился возбуждением. Глаза блеснули.

– Я понял! Понял! Это же...

– Огненные Змеи, – с трудом выговорил Згур. – Я не знал. Не знал, что они... Так близко...

Он замолчал. Говорить было не о чем. Огненные Змеи, Огненная Смерть. Не спрятаться, не убежать...

Улада плакала, наконец, с трудом оторвала руки от распухшего, покрытого гарью лица и выдохнула:

– Извини! Извини, Згур, я, кажется... Кажется, сказала что-то не то.

– Какая разница? – он пожал плечами и нашел в себе силы улыбнуться. – Все равно...

Но ужас постепенно исчезал, пропала слабость, и Згур вновь захотел жить. Это еще не смерть! Их не заметили, значит, есть время подумать. Подумать...

– Досидим до ночи, – Черемош осторожно выглянул и тут же спрятался за скалу. – Ночью они нас не увидят...

– Нет...

Разубеждать парня не хотелось, но Згур хорошо помнил рассказы Неговита. Рахман обычно посмеивался, говоря о «зверушках». Но о Змеях рассказывал вполголоса, без улыбки. Они, молодые ребята из Учельни, никак не могли поверить, что Змеи, о которых столько сказок сложено, и не Змеи вовсе, и ни шеи у них нет, ни кожаных крыльев...

– Ночью они хорошо видят. Можно попытаться досидеть до рассвета, тогда они исчезнут. Ненадолго, часа на два. Но...

«Но» было очевидно. Они на вершине, спуститься скорее всего не удастся. А если и получится, все равно Змеи вернуться. В узкой долине не скроешься.

– Главное, чтоб не заметили. Заметят – тогда все...

Чернявый о чем-то спросил, но Згур даже не расслышал. Итак, следует подумать. И не только о том, чтобы скрыться от Смерти, падающей с неба. Что дальше? Вернуться к ручью? А если стражу еще не сняли?

Он поглядел на Черемоша, затем на Уладу и отвернулся. Если очень захочется жить... Если очень захочется жить, он вернется по Выползневу Лазу к ручью. Вернется один. Одному уйти легче. И никто его не спросит, куда исчезли чернявый парень и длинноносая девушка. Даже дядя Барсак. Даже отец, будь он жив.

И тут вспомнился сон. Лицо отца, его тихий голос. «Дети не виновны в грехах отцов... Когда идет война, и Край в опасности, допустимо все. Но сейчас мир...» Згуру захотелось вновь взглянуть в лицо дочери Палатина – предателя, оставившего свой народ в тяжкий час. Взглянуть – и почувствовать знакомую ненависть. Но он сдержался. Плохо, очень плохо, сотник! Ты здесь не для того, чтобы мстить. Твоя задача – выполнить приказ.

Он вспомнил негромкий голос дяди Барсака. «Не Палатина. Не Кея. Ее – как выйдет.» Ему не приказывали убивать! Нет! Но ему и не запретили...

– Смотри! – рука Черемоша трясла его за плечо, и Згур очнулся. Перед глазами была знакомая тень. Он попятился, но тень стояла неподвижно, совсем рядом, всего в трех шагах.

– Висит! Видишь? – шептал чернявый, но Згур лишь помотал головой. Он видел – пока только тень. Но Змей был совсем рядом, он не улетал, чего-то выжидая.

Теперь замолчал и Черемош. Было слышно лишь, как громко дышит Улада.

И тут тень качнулась, выросла, и сверху начало опускаться что-то огромное, черное...

– Мать Болот!

Згур прошептал привычные слова еле слышно, одними губами. В проем заглянула знакомая треугольная голова. Сетчатые глаза смотрели холодно и безразлично. Дрогнули громадные желваки, и возле самых ног плеснуло пламя.

Кажется, закричала Улада, но Згур уже не слышал. Вот и все! Хоть напоследок, но они узнали тайну подземелья, тайну проклятого Выползнева Лаза. «Осы!» Бескрылые осы, парящие по небу и изрыгающие пламя...

Сетчатые глаза были совсем близко, от черной головы веяло жаром, и Згур понял – терять нечего. Внезапно вспомнился медведь, глупый трусливый зверь, которого можно прогнать взглядом. Но этого не прогонишь...

– Уйди! Пошел вон!

Згур усмехнулся, погладил рукоять меча. Если бы черная тварь сунулась чуть ближе! Еще чуть-чуть...

Но Змей не трогался с места. Огромная туша недвижно висела в воздухе, и Згур только сейчас удивился тому, что можно летать без крыльев. И вот медленно, словно нехотя, голова начала отодвигаться.

– Улетай! – отчаяние придало силы, голос окреп. – Улетай! Живо, я кому сказал!

И тут случилось то, чего Згур ожидал менее всего. Резкий свист. Черная тень дернулась, и через мгновение каменная площадка была пуста.

Пару минут он еще стоял, не в силах даже сдвинуться с места, а затем тяжело опустился на теплый камень.

– Ты! – Черемош быстро высунулся наружу. – Ты! Ты его прогнал! Ты! Его! Прогнал! Згур, ты понял?!

– Еще нет, – губы шевелились с трудом. – Змея нельзя... прогнать...

– Но он улетел, – голос Улады вновь стал обычным. – Згур, ты чаклун? Или, может, учился?

Она не шутила, и Згур, сдержав смех, ответил серьезно:

– Нет, сиятельная. Чаклунов не люблю и даже боюсь.

– А медведь!.. – вмешался Черемош, но длинноногая цыкнула, и чернявый послушно умолк.

– Так... – девушка задумалась. – Тогда почему?.. Мы все ели мед... Нет, не то! Давай, наемник, вспоминай!

Вспоминать было нечего. Краснощекий Неговит не учил разговаривать со Змеями. Что еще? Браслет? Но даже если предатель-кобник прав, этот амулет для любви, а не для бескрылых «ос». Ладонь скользнула по лицу, наткнувшись на что-то знакомое. Обруч! Згур и забыл о нем!

Через мгновение странный предмет был уже в руке. Обруч оставался прежним, легким, теплым, светящимся серебристым огнем.

– Не снимай, дурак! – внезапно крикнула Улада. – Надень, быстро!

Еще ничего не понимая, Згур повиновался, мысленно обидевшись на «дурака». Дурак-то почему?

– Теперь ясно? – Улада вскочила и удовлетворенно хмыкнула. – Или не поняли?

– Обруч? – удивился Черемош, – Но...

– И ты тоже! Да вам двоим только навоз грузить! Эти, которые лестницы строили, как-то использовали ваших выползней...

– Почему – наших? – удивился Згур.

– Помолчи! Потом что-то случилось, они ушли и забыли этот обруч. А обруч был им нужен для того... Продолжать, или догадались?

Згур осторожно прикоснулся к теплой поверхности светящейся диадемы. Обруч был им нужен для того... Но ведь это невозможно! Приказывать Змеям! Огненным Змеям, Летающей Смерти!

Возле обрыва вновь вспыхнуло пламя, послышался знакомый свист. Но страх уже исчез, сменившись жгучим любопытством. Если длинноногая права... Но этого не может быть! Или... Или может?

– Ты куда? Зачем? – испуганно крикнул Черемош, но Згур уже был на площадке. На мгновение вернулся страх, но тут же пропал. Ну, где эти твари? Давай, сотник, двейчи на вмирати!

Он услышал свист, и, боясь опоздать, резко взмахнул рукой:

– Стой! Сюда! Лети сюда!

На миг он ощутил всю нелепость того, что делает. В памяти всплыла строчка из слышанной в детстве старины о Змеях. Как там Великий Змей говаривал? «Вот уж обед на столе стоит. Не простой обед, да из трех-то блюд!» Он, Згур, будет на первом. Ну, где они?

Черная морда возникла внезапно, словно соткалась из воздуха. Сетчатые глаза смотрели в упор, не двигаясь, еле заметно шевелились поднятые вверх «усы». Змей висел неподвижно почти над самой землей, от громадной туши несло жаром.

– Ближе!

Огромная треугольная голова медленно двинулась и застыла совсем рядом – только протяни руку. Згур сцепил зубы. Выходит, получилось?

– Стой и не двигайся!

Осторожно, стараясь не делать резких движений, Згур шагнул влево, чтобы взглянуть на тварь сбоку. Да, крыльев нет. «Оса» просто висит над землей, словно лежит на воде. Теплый воздух струился вдоль покрытого светлым ворсом тела, колебля длинные «шерстинки».

Згур уже хотел отправить «осу» восвояси, но тут ему в голову пришла шальная мысль. Слушаешься, значит? Ну так вот тебе боевой приказ!

– Будешь летать вокруг горы! Никого сюда не подпускать! Пошел!

Какой-то миг все оставалось по-прежнему, и Згур решил, что тварь его не поняла, но вот черная морда дрогнула. Медленно, не спеша, огромная туша начала приподниматься. Резкий свист – и Змей исчез. Згур задрал голову – где-то высоко мелькнула яркая вспышка.

Вновь захотелось смеяться. Даже не смеяться – хохотать во все горло. Ну, бред! Отправил Змея в передовой дозор! Такого бы – к каждой сотне прижать, никакой враг не страшен!

Надо было возвращаться в укрытие, но Згур не спешил. На вершине все оставалось по-прежнему. Где-то вдаль одна за другой вспыхивали зарницы, но тут было тихо. Згур вытер пот со лба и направился обратно.

– Думаешь, послушался? – нетерпеливый Черемош уже стоял возле скалы. – Згур, он послушался? Слушай, ну и грызло у него!

– Прячься, болван! – донесся голос Улады. – Ты-то точно не чаклун!

Спорить не приходилось. Чернявый чаклуном не был, как и сам Згур. Но он сделал то что, едва ли под силу самому могучему колдуну.

Солнце медленно опускалось за гору. Посвежело, и Згур уже подумывал, не пора ли накинуть плащ. На голой каменной вершине ничего не изменилось. За эти часы ни один Змей не спустился из поднебесья.

– Отец... Палатин мне говорил, – негромко рассказывала Улада. – Есть легенда, что люди когда-то сотворили Змеев, чтобы стать сильнее богов. Но эти люди были другими, не такими, как мы. Их называют Первыми...

– А, знаю! – перебил чернявый. – Кей Кавад на Змее землю пахал!

Длинноногая лишь хмыкнула, а Згур подумал, что пахать на этакой «осе» все-таки затруднительно. Впрочем, впрягать в плуг черноголовое чудище он не собирался. Другая мысль – невероятная, жуткая, не давала ему покоя все это время.

– Говорят, рахманы до сих пор могут Змеям приказывать, – продолжал Черемош. – Мне бы пару таких!...

Згур невольно засмеялся. Конец бы пришел дубенским «бычарам»!

– Рахманы приказывать Змеям не могут, – отсмеявшись, пояснил он. – Они пытаются их отгонять. Иногда получается, иногда – нет.

Именно так рассказывал наставник Неговит. Покойный Патар, тот, что был до Патара Урса, смог не пустить Огненную Смерть в Кей-город. Говорят, теперь на такое способна лишь Кейна Танэла, но мало ли что говорят о приемной дочери Светлого!

– Ты, я вижу, много знаешь, наемник! – недобро усмехнулась Улада. – Может, ты и сам рахман?

Надо было смолчать, но Згур не выдержал. Пора поставить длинноносую на место!

– Я не рахман, сиятельная. Да мне и незачем им быть. Но я учился у них. Учельня Вейсковая в Коростене, может, слыхала?

Глаза девушки блеснули, губы сжались. Згур понял – слыхала.

– Так ты не просто сотник, наемник Згур! Ты... Тогда понимаю!

Их взгляды встретились, и Згуру на какой-то миг стало не по себе. Проболтался! Дочь Палатина, конечно, представляет, кого готовят в Учельне. Нагрудную бляху с оскаленной волчьей пастью знают во всей Ории. Впрочем, пусть ее!

– Давай лучше поговорим о другом, сиятельная. Назад возвращаться не стоит. Вниз не спуститься. Что остается?

– Мы... Вернемся в зал, поищем... – неуверенно начал Черемош, но не договорил. Згур не отводил взгляда от лица девушки. Догадается? И вот темные глаза блеснули:

– Ты, кажется, сошел с ума, наемник! Ты что, вообразил себя Кеем Кавадом?

Згур хмыкнул. Кей Кавад! Каваду было легче, ему боги орла прислали!

Невольно подумалось, что этак и вправду можно спятить. Но в душе уже проснулся злой азарт. Кей Кавад, значит? Поглядим, можно ли управиться без Небесного Орла!

– Ты куда? – растерянно крикнул Черемош, но Згур лишь махнул рукой. Куда? А вот сейчас и узнаем!

Он вышел на середину площадки, поднял лицо к небу и тотчас заметил знакомую вспышку. Этот? Впрочем, все равно!

– Сюда! Быстро!

Сильный порыв ветра едва не сбил с ног. Пахнуло жаром. Згур невольно зажмурился, а когда открыл глаза, черная морда была уже рядом. Змей неподвижно парил, низко, едва не касаясь оплавленных камней.

– Стоять!

Внезапно показалось, что он вновь в Учельне и перед ним – неумеха-первогодок. Згур покачал головой – сюда бы наставника Отжимайло! Небось, месяц бы заикался!

От покрытых светлой «шерстью» боков несло теплом, но тут не было так жарко, как возле страшной морды. Значит, он прав, огонь уходит вперед, незачем Змею самого себя палить.

Згур осторожно протянул руку. Она уткнулась во что-то твердое и очень теплое. Огромная туша еле заметно вздрогнула.

– Стоять!

Вернулся страх, сердце заныло, кровь застучала в висках. Он действительно спятил! Это хуже, чем гулять по Навьему лесу в полнолуние, хуже, чем зайти в гости к чугастру...

– Хорошо, не волнуйся!

Он сказал это, не думая, по привычке, словно разговаривая с непослушным конем. И вдруг представилось, что Змей тоже волнуется. Лишь Мать Болот ведает, что сейчас чувствует эта «оса». Вдруг выползну тоже страшно?

Згур усмехнулся, резко выдохнул и одним прыжком оказался на покрытой «шерстью» спине. Сидеть было не особо удобно, но все же можно. Змей не двигался, лишь легкий ветер играл длинными «шерстинками».

– Хорошо! А теперь – вверх! Только медленно!

Громадное тело вновь вздрогнуло, и Згур едва удержался, чтобы не зажмуриться. Руки вцепились в густую «шерсть». В первый миг Змей оставался недвижим, но вот Згур почувствовал, как земля начинает уходить вниз. Змей не летел, он поднимался – ровно, словно сгусток пара в безветренный день. Згур скосил глаза и невольно покачал головой. Вершина уже была далеко внизу, превратившись в маленький пятачок.

– А теперь – вперед!

В лицо ударил ветер, отбросил назад, и Згур с трудом удержался, вцепившись обеими руками в мохнатые бока. В ушах стоял свист. Изловчившись, он резко перегнулся и упал лицом на теплую спину. Стало легче, и Згур решил чуть повернуть голову. Далеко внизу простирались горы, а рядом, совсем близко, клубилось что-то огромное, белое. Облако! Ну и залетел же он! Где-то неподалеку вспыхнула зарница. Змеи! Интересно, что они подумают, увидев оседланную «осу»? А что, если...

Згур вздохнул и решил. Как только лучше сказать?

– Огонь! Давай огонь! Пламя!

Впереди полыхнуло, и Згур невольно зажмурился. На миг стало жарко, но холодный ветер тут же отнес огонь в сторону. Згур открыл глаза. Порядок! Значит, пламя не достает до спины. Это хорошо.

Гигантская «оса» бесшумно мчалась все дальше, облако исчезло вдаль, и Згур опомнился. Этак и к ограм залететь можно! Для начала – хватит...

– Назад! Лети назад!

Вначале показалось, что его не услышали, но вот огромное тело резко пошло в сторону. Свист в ушах усилился, сильный ветер прижал Згура к теплой спине. Змей падал вниз с невероятной скоростью, словно камень, выпущенный из гигантской пращи. Захотелось крикнуть, приказать лететь помедленнее, но слова застревали в горле. Так продолжалось долго, бесконечно долго, но вот громадная туша еле заметно дрогнула и остановилась.

Згур скосил глаза. Рядом, совсем близко, был оплавленный красноватый камень. Теперь нужно разжать руки, намертво вцепившиеся в Змеиную «шерсть». Разжать руки, приподняться, перебросить ногу...

Его шатнуло, но Згур все же удержался и не упал. В животе ныло, кружилась голова, а в висках медленно утихали невидимые молоточки. Змей неподвижно парил рядом, словно ожидая, что еще прикажет новый хозяин.

– Стоять! – выдохнул Згур. Потом подумал и добавил:

– Молодец!

Черемош и Улада ждали возле скалы. Лицо войтова сына было бледным, как рыба брюхо, но глаза горели. Улада кривила губы, словно длинноногая вот-вот рассмеется.

– Я думала, ты уже в Рум-городе, Кей Кавад! Или ты вспомнил, что забыл здесь сто гривен?

Згур лишь улыбнулся. Палатиновой дочке следовало родиться кметом, боги явно дали промашку!

– Черемош, доставай веревку!

Того куска, что у них оставался, конечно, не хватит для спуска с горы. Но вот для того, что он задумал, кажется, в самый раз. Згур покрутил веревку в руках, дернул. Крепкая, сойдет!

– И что ты задумал, наемник? Ты что, думаешь, я сяду на... На ЭТО?

– Струсила, сиятельная?

Его трижды называли трусом. Выходит, за один раз он уже отквитался.

Улада фыркнула, но промолчала. Отозвался Черемош.

– Думаешь, мы сможем... Мы сможем улететь? На Змее?!

– Тетушка не велит?

Вспомнился гостеприимный дом в Валине и обеды из пяти перемен блюд. То-то бы всполошилась старушка!

Чернявый сник, и Згур мысленно посочувствовал войтову сыну. Это ему не «бычарам» «грызла» бить!

– Пошли!

На споры не оставалось времени. Солнце уже низко, значит, надо поторопиться. Згур повернулся и не спеша направился к бесшумной парившей над землей «осе». Оглянувшись, он увидел, что его спутники идут следом. Все-таки решились! Почему-то казалось, что длинноносую придется уговаривать.

Веревка упала на мохнатую спину, Згур нагнулся, перехватил конец. Теперь узел. Стягивать не нужно, и так будет держаться. Петля... Кажется, готово.

Улада недоверчиво следила за этими приготовлениями, то и дело косясь на равнодушную черную морду. Черемош осторожно приблизился, тронул теплый бок.

– Ух, ты!

Спорить не приходилось. Действительно, «ух, ты!»

– Улада, забирайся!

– Я?! – длинный нос дернулся.

– Ты, сиятельная! Смотри, вот веревка. Эту петлю накинь себе на пояс и затяни. Черемош, сядешь сзади. Я – впереди. Будем держать друг друга.

Девушка брезгливо дернула губами, но смолчала и шагнула вперед. Черемош бросился, чтобы помочь, но Улада крепко ухватила за светлую «шерсть» и через миг уже оказалась наверху. Огромное туловище еле заметно дрогнуло.

– Стоять! – Згур повысил голос. – Черемош, давай!

Чернявый кивнул, на миг закрыл глаза, а затем быстро, одним прыжком, забрался на мохнатую спину. Улада между тем уже затягивала петлю. Згур удовлетворенно кивнул – порядок! Если что, не сдует. Ну, пора!

За спиной шумно дышала Улада. Наверно, девушке все-таки страшно, но по виду и не скажешь. Згур улыбнулся – характер! А он еще жаловался! А если бы с ними была красная девица, что при виде мыши в обморок падает?

– Сиятельная, тебе не составит труда меня обнять?

– А, может, еще и поцеловать? – тут же донеслось сзади.

– Это потом, – Згур вообразил себе эту невероятную вещь и прокашлялся. – Обними меня, сиятельная, да покрепче. Если я упаду...

– Так бы и сказал! – девушка фыркнула. – Черемош, хватай меня за пояс! Я сказала, за пояс, а не там!

Чернявый начал оправдываться, но Згур уже не слушал. Кажется, все... Как говаривал наставник Отжимайло: «Уперед!»

– Вверх! Медленно!

Мохнатая спина еле заметно дрогнула, вершина накренилась и начала уменьшаться. К затылку прижалось что-то мягкое, и Згур с трудом сообразил – нос! Ну и нос же у Палатиновой дочки!

Вершина исчезла, Змей висел неподвижно, а вокруг, сколько хватало глаз, стояли молчаливые горы. Згур оглянулся, пытаясь найти солнце. Вот оно, уже между горами. Значит, там закат...

– Выше! Медленно!

Горы уходили вниз, зато солнце словно раздумало спускаться. Стало светлее, и Згур вновь оглянулся, пытаясь определить направление. Итак, закат справа, значит, полночь впереди...

– Поворот! Повернись кругом!

В уши ударил свист, сзади слышалось «ай!», и небо, казалось, перевернулось. Згур стиснул зубы и вновь поглядел на солнце.

– Левее!

Кажется, угадал. Где-то там – полдень...

– Вперед!

Снова свист – сильнее, громче. Ветер превратился в ураган, и Згура бросило куда-то вправо. Он ухватился обеими руками за мягкую шею, удержался, с трудом выпрямился. Сзади раздался крик – вопил Черемош, и Згур успел испугаться за чернявого. Но тут ветер донес: «Летим! Летим!», и он тут же успокоился. Кажется, у войтова сына все в порядке.

Постепенно волнение проходило. словно так и должно быть – свист ветра в ушах, белые облака, затянувшие горизонт, и Солнце – огромное, словно ненастоящее. Згур вдруг представил себя со стороны и лишь головой покачал. Не поверят! Он бы и сам не поверил. Такого и в сказках не услышишь, там храбрые альбиры все больше мечами орудуют, змеям головы отсекая. Как же, отсечешь такому голову!

– Ты хоть знаешь, куда летим? – нос Улады ткнулся прямо в ухо.

– На полдень! – прокричал он, – К Нистру!

– А до Тириса?

Згур помотал головой. Как мед, так и ложкой! Тут бы Нистр увидеть. Интересно, как он выглядит, со Змеева полета? Не перепутать бы!

Внизу по-прежнему были горы, но вершины стали заметно ниже, красно-черные камни сменились серыми пологими склонами. Згур обрадовался – Змеиные Предгорья, а за ними – Нистр. То слева, то справа продолжали вспыхивать яркие искорки. Пару раз полыхнуло ближе, и Згур невольно вздрогнул. Но беда прошла стороной, Змей мчал дальше, а небо на закате начинало медленно темнеть.

– Наемник! – крик Улады заставил вздрогнуть.

– Не кричи, слышу!

– Наемник, так за что тебя выгнали из Вейска?

Она не верила. Даже здесь, в поднебесье. Згур вздохнул. Сказать правду? Нет, нельзя! Улада умна – и достаточно храбра для изнеженной девицы. У Нистра он уже станет не нужен, значит, придется каждую ночь ждать удара ножом в спину.

– А ты как думаешь?

Ответа он не дождался, если не считать ответом знакомое фырканье.

Серые склоны начали отступать. Згур ждал, что вот-вот внизу мелькнет зеленая полоска леса, а за нею – голубая лента Нистра. Но вместо этого серый свет сменился желтым. Минуты текли, но все оставалось по-прежнему, они летели над ровной желтой поверхностью, плоской, как стол. Краем глаза Згур заметил, что искр в небе стало значительно больше.

– Ниже! Спускайся ниже!

Дыхание перехватило, к горлу подступил ком. Желтая поверхность рванулась навстречу.

– Стой! Замри!

Резкий рывок, сзади ойкнул Черемош. Снова рывок, и Змей завис в нескольких сотнях шагов от желтой равнины. Згур всмотрелся – камень, глубокие трещины, вдали что-то похожее на круглую гору. Куда это они залетели?

– Что случилось? – недовольным тоном поинтересовалась Улада. – Где это мы?

Ответить было не так легко. Згур закрыл глаза, вспоминая мапу. Они на правом берегу Денора, на полдень Нистр, на полночь – густые улебские леса. Где же это? Нигде ничего похожего нет, кроме...

Он почувствовал, как по коже бегут непрошенные мурашки. Нет, не может быть! Згур вновь припомнил то, что видел с высоты. Горы, серые холмы, потом желтая степь. Нет, это не степь! Это же...

– Змеева Пустыня, – произнес он негромко, почему-то надеясь, что длинноногая не услышит. Надеялся, понятно, напрасно.

– Что?! Змеева? Ты!.. Ты понимаешь?

Он, конечно, понимал. Змеева Пустыня – самое страшное место во всей Ории. Сюда он не надеялся попасть даже в страшном сне.

– Улетай! Немедленно! Скажи своему...

Згур дернул плечом, освобождаясь от вцепившейся в рубаху пятерни. Сказать «своему» нетрудно, но что сказать? Куда лететь? На полдень? Но ведь они и летели на полдень!

Згур обернулся, ловя взглядом уходящее за дальние холмы солнце. Там – закат. Они промахнулись, ненамного, но все же достаточно, чтобы попасть в это проклятое место.

И тут Змей вздрогнул. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее он начал подниматься вверх, вот послышался знакомый свист...

– На месте! Стой!

Но ничего не случилось. Словно давнее заклятие, приковавшее чудище к сверкающему серебром обручу, утратило силу. Громадная «оса» мчалась вверх, к темнеющему небу, покры-

тому легкими перистыми облаками. Слева и справа вспыхнули искры. Их было множество – десятки или даже сотни. Гигантский рой закружился в поднебесье, оставляя за собой неровные ключья огня. Впереди вспыхнуло пламя, и Згур еле успел зажмуриться. Что-то закричала Улада – громко, отчаянно.

– Стой! Вниз! Вниз!

Их швырнуло в сторону, затем еще раз, еще. Змей мчался в зенит, а огней становилось все больше, словно под вечерним небом начинался невиданный танец с горящими факелами. На какой-то миг страх исчез, и Згур ощутил невероятную, недоступную людям красоту – красоту вольного полета. Сердце дрогнуло – такого еще не видел никто, даже Кей Кавад! Но тут страх вернулся, захлестнул, сжал спазмом горло. Почему Змей не слушается? Обруч? Или он просто дает неправильный приказ? Может сейчас, попав в горящий водоворот, Змей не может, не в силах спуститься? Надо оторваться, уйти...

– Вверх! Выше!

Резкий рывок – и огненный рой остался далеко внизу. Дыхание перехватило – Змей несясь с невероятной, еще невиданной скоростью. Нахлынул холод, легкие жадно хватали воздух.

– Ты?! Что?! Делаеть?! – по спине лупили кулаками, и Згур вновь повел плечом.

– Заткнись!

Кулаки перестали лупить, а затем неуверенно прозвучало:

– Ты это... кому?

Кажется, длинноносая пришла в себя. Как там Черемош? Згур обернулся – чернявый сидел, прижавшись к широкой спине Палатиновой дочки. Глаза были закрыты, побелевшие губы дрожали. Згур усмехнулся – жив! Это сейчас главное.

Здесь, в невероятной выси, стало заметно светлее. Солнце вновь поднялось над холмами, словно Небесный Всадник задумал вернуться и пройти свой дневной путь в обратную сторону. Правда, сами холмы увидеть теперь было трудно, они лишь угадывались на далеком горизонте. Даже Змеева Пустыня исчезла, скрытая легкой пеленой облаков.

– Стой! На месте!

Легкий толчок – и Змей послушно застыл в холодном вечернем воздухе. Згур вновь поглядел на огромное, подернутое красноватой дымкой, солнце. Итак, Небесный Всадник на закате, левее – полдень, а им надо как раз между.

– Левее! Еще!

– Скажи, чтоб спустился! – недовольно буркнула Улада. – Холодно!

Да, было холодно, но Згур не спешил. Здесь светлее, к тому же внизу – Змеева Пустыня, снижаться опасно. Наверно, неведомые хозяева гигантских «ос» знали и другие средства, кроме серебристого обруча. Возможно, они могли даже управлять всем «роем». Згур представил, как огненный водоворот обрушивается на вражеский город, и покачал головой. Не зря говорят, что боги уничтожили Первых. Было за что!

– Вперед!

Солнце рванулось навстречу, и сразу же в лицо ударил ледяной ветер. Холод охватил все тело, занемели кончики пальцев и даже мочки ушей. Внизу беззвучно проплывали облака. Згур всматривался, пытаясь угадать, осталась ли позади страшная Пустыня. Но в просветах по-прежнему мелькал лишь желтый камень. Неужели Змеева Пустыня так велика? Холод становился невыносимым, и Згур, немного подождав, все-таки решил:

– Вниз! Плавно!

Проговорил он это с трудом – зубы стучали. Змей все же услышал и плавно заскользил навстречу редкой пелене облаков. Сразу же стало темнее. Солнце быстро уходило к горизонту. Вот его край коснулся земли, вот ушла половина...

– Я замерзла, д-дурак! – послышалось сзади. – Т-ты что, сп-пятил?

Отвечать было нечего. Он и сам замерз, но объяснение можно оставить на потом. Воздух уже теплел, Згур уже мог чувствовать свои пальцы. Интересно, почему наверху так холодно? Ведь чем выше, тем ближе к Небу! Жаль, не у кого спросить.

И тут все исчезло – небо, дальний горизонт, земля. Вокруг был лишь влажный туман. Рубаха под кольчугой сразу же стала мокрой, по лицу поползли капли воды. Згур оглянулся и понял – облако! Они в облаке!

– Скорей! Ниже!

Голос утонул в белой пелене, но Змей все же услышал. В глаза ударили уже не капли, а целый водопад. Сзади громко чихнул Черемош, и Згуру показалось, что еще мгновение, и они попросту захлебнутся. И тут все кончилось. Белый туман исчез, подул теплый ветер, а прямо перед ними в вечерней сумрачной дымке расстилась земля.

Згур облегченно вздохнул – лес! Наконец-то! Он поглядел вперед, надеясь увидеть Нистр, но подступавшая темнота мешала. Лететь дальше?

– Улада!

Ответа долго не было, затем послышалось недовольное:

– Ну что еще?

– Темнеет. Ночь скоро.

– Ничего! – донесся хриплый голос Черемоша. – Взойдет луна...

– Заткнись! – резко бросил Улада. – Наемник, ты видишь, что впереди?

Згур вновь всмотрелся. От солнца остался лишь еле заметный краешек. Небесный Всадник уходил на покой, чтобы наутро начать свой привычный путь. Вершины далеких деревьев покрывал легкий туман, горизонт исчезал в черной тени.

– Плохо! Скоро совсем ничего не увижу!

– Границу хоть пролетели?

Пришлось вновь задуматься. Змеева Пустыня осталась за левым плечом. Значит, за спиной – предгорья, где-то там Нерла, к которой их не подпустила стража.

– Да, пролетели. Нистр где-то впереди.

Згур бросил взгляд на темнеющий внизу лес. Нет, ничего разобрать нельзя! Еще немного, и все попросту исчезнет в туманной дымке.

– Вниз! – резко бросила Улада. – Скажи своему другу...

Он едва не рассмеялся. Кажется, длинноносая записала его в одно войско со Змеями.

– Улада! – Черемош закашлялся. – Надо лететь вперед! Еще немного...

– Я сказала, заткнись! Мне холодно, я мокрая... Давай, наемник!

Да, пора. Здесь, наверху, темнело как-то особенно быстро. Згур вздохнул, набрал побольше воздуха:

– Вниз! Плавно!

Мгновения шли, но ничего не изменилось. Гигантская «оса» летела прямо, навстречу гаснущей заре. Згур повторил приказ, уже громче, но Змей словно оглох. К сердцу подступил страх – этого Згур боялся больше всего.

– Обруч! – нос Улады вновь ткнулся в его ухо. – Обруч погас!

Руки сковало холодом, словно они вновь поднялись над облаками. Вот и все. Сила, вложенная неведомыми чаклунами в серую диадему, уходила. Они оставались наедине со страшной «осой», а земля была еще так далеко...

– Вниз! Вниз! Я тебе сказал, сволочь! Вниз!

Згур кричал, уже не очень понимая своих слов. Не зря мама боится чаклунов! Их подарки – хуже чумы! А может, это вообще была ловушка? Заманили, усадили на поганого Змея...

– Вниз! Кому сказал! Да ты что, оглох, гад!

Згур не выдержал и припечатал проклятую «осу» от души, так, как даже на войне не ругался: в Дия, в Диеву бабушку, в Косматого с его дочкой и в Матушку Сва. От такого загиба,

по слухам, падали с копыт даже сполотские жеребцы, но Змей даже не дрогнул. Бескрылая тварь, словно, издеваясь, начала набирать высоту, и вот впереди вспыхнуло знакомое пламя.

Его охватил жар. Згур еле успел закрыть глаза. Все! Змей вырвался на свободу. Скоро он решит, что пора избавиться от непрошенных седоков...

– Сделай что-нибудь! Сделай! – кричала Улада, и Згур сильнее зажмурил глаза, пытаясь очнуться, прийти в себя. Не думать о далекой земле, о вышедшем из-под его власти чудище! Это еще не смерть! Но смерть близко. Обруч! Может, еще не поздно?

Он представил себе странную диадему, сначала серую, бесцветную, какой он нашел ее в брошенном зале, затем покрывшуюся радужными пятнами и, наконец, серебристую, светящуюся. Згур постарался забыть, что чаклунская сила ушла, исчезла. Нет, обруч снова светится! А если силы, вложенной неведомыми создателями, уже недостаточно, то пусть возьмет у него! Если Первые были людьми, он – тоже человек! Мать Болот, помоги!

Исчезло все, стих даже привычный свист в ушах. Остался лишь он – и ровно светящийся обруч. Згур представил, что серебряная поверхность горит все ярче, вспыхивает белым огнем, по ней бегут искры...

– Вниз! Медленно! Вниз!

В висках заныло, холодный пот выступил на лбу, но Згур заставлял видеть себя одно и то же. Обруч светится, он горит, от него исходит сила, способная сломить волю Летящей Смерти...

– Згур! Згур!

Он очнулся и открыл глаза. В лицо плеснуло влажной прохладой. Солнце исчезло, пропал последний луч вечерней зари. Вокруг стоял серый сумрак, а впереди, совсем рядом, не спеша проплывали вершины старых сосен. Вот мелькнул небольшой просвет. Поляна!

– Сюда! Плавно!

Огромная туша дрогнула, повисла в воздухе, а затем начала медленно снижаться. Деревья выросли, заслонили небо, навстречу рванулись стебли высокой травы...

– Стой!

Земля была близко, пахло свежей хвоей, но не было сил даже пошевелиться. Змей висел неподвижно, но было ясно – осталось совсем немного. Сейчас тварь вновь взбунтуется...

– Черемош! – губы шевельнулись с трудом, через силу. – Слезай! И помоги Уладе. Веревка...

Чернявый что-то ответил, но Згур не расслышал. Скорее, скорее! Глаза сами собой закрылись, и Згур очень удивился, когда почувствовал, что кто-то дергает его за плечи. Ах да, ему тоже незачем здесь оставаться...

Ноги коснулись земли, Згура шатнуло, но он все же устоял и невероятным усилием воли открыл глаза. Перед ним неподвижно висела знакомая черная голова. В сумерках Змей казался еще более громадным, словно гигантская «оса» выросла за эти часы.

– Ну что? – губы дернулись, и Згур понял, что улыбается. – Спасибо! Улетай! Улетай!

Огромная тень метнулась вверх, и через мгновение поляна опустела. Осталось лишь черное небо, на котором уже проступили первые звезды, молчаливые сосны – и трое смертельно уставших людей.

– Згур, дай огниво! – Черемош пришел в себя первым. – Костер надо!

– В сумке, – двигаться не было сил. – На дне. Вытряси все, утром подберем...

Он опустился на траву, сбросил шлем, отстегнул меч. Рука скользнула по лицу. Обруч! Снять? Згур махнул рукой – пусть остается. За эти часы он уже успел привыкнуть к невесомой диадеме.

– Чего улыбаешься, наемник? – голос длинноносой заставил очнуться.

– Я?

Оказывается, он улыбался. Впрочем, ссориться не хотелось.

– Так вроде живы, сиятельная!

Он ждал, что Улада фыркнет, но девушка отчего-то смолчала. Наверно, и ей пришлось по душе такая мысль.

Ярко горел костер. Скучный ужин – остатки сухой лепешки – давно был съеден. Разговора не получилось. Черемош сразу же стал дремать и быстро заснул, улегшись боком к огню. Улада, завернувшись в плащ, сидела рядом, глядя на раскаленные угли.

Згуру не спалось. Страшное напряжение постепенно спадало, осталась лишь обычная усталость. Не хотелось думать ни о том, где они, ни сколько еще до Тириса, ни что им делать дальше. В безлунном черном небе горели звезды, негромко шумел ночной лес, и Згур представил, что он снова дома, в Буселе, они с товарищами ушли в ночное, зажгли костер. Как давно это было! Наверно, все эти ребята уже женаты, и скоро их дети пойдут пасти гривастых коней...

– Что это за песня, Згур?

Вначале он не понял, о чем спрашивает девушка. Ах да, он, кажется, начал напевать. Отвечать не хотелось, но длинноногая назвала его Згуром. Такое дорогого стоит!

– Наша песня. Еще с войны.

Улада обернулась:

– Спой!

Сказано было так, будто Згур был заезжим скоморохом, заглянувшим на широкий двор Великого Палатина. Но он не обиделся, а почему-то смутился.

– Это... Она нескладная, простая. Тебе будет неинтересно!..

– Но вы же ее поете?

Да, эту песню пели. О Великой Войне сложено много песен, иные поют на праздниках, иные – на военных смотрах. Но друзья отца пели почему-то именно эту. Каждую осень, когда приходила пора собирать урожай, они приезжали в Бусел, чтобы помочь матери. Впрочем, помогали всем – косили, жали и обмолачивали рожь, а потом садились за длинный стол, выпивали хлебной браги и пели. Как им тогда завидовали они, мальчишки, не успевшие на войну!

– Это песня о битве под Коростенем, сиятельная. Она называется «Ополченец»...

Внезапно подумалось, что он опять делает ошибку. Улада и так уже начала что-то понимать. Впрочем, песня – и есть песня. Згур прикрыл глаза, усмехнулся и негромко запел:

Ударило в сердце чужое копье,
И жадно упало с небес воронье.
Как больно – ведь я еще жив!

Могильщики трупы уносят с полей,
Стоит караул у могилы моей.
Как больно – ведь я еще жив!

Другим возле чаши сидеть круговой,
А мне – дотлевать под высокой травой.
Как больно – ведь я еще жив!

Им пить за победу, добычу делить,
А мне лишь с червями могильными быть.
Как больно – ведь я еще жив!

Кто выжил, забудут – им жить, а мне – нет.
А снег заметет неглубокий мой след.

Как больно – ведь я еще жив!

За вольную волю все вместе мы шли.
И вот мы свободны – и я, и они.
Я с вами – ведь я еще жив!

Улада долго молчала, затем тряхнула головой:

– Плохая песня, наемник! Очень плохая!

Згур пожал плечами. Спорить не тянуло.

– И не потому плохая, что сложена плохо. Вы, волотичи, никак не можете забыть войну. И ты, Згур, ее не можешь забыть. Прошло двадцать лет! Сколько же еще вы будете воевать!

Она говорила серьезно, и Згуру внезапно показалось, что он слышит совсем другой голос – голос человека, которого он никогда не встречал, но уже успел возненавидеть. Ивор сын Ивора, Великий Палатин Валинский, тоже любит говорить о мире, о дружбе между улебами и волотичами. И тут в памяти зазвучал иной голос – негромкий, спокойный голос дяди Барсака. «Война не кончена, Згур! Запомни – война еще не кончена! Мы еще отомстим – за всех! И за твоего отца – тоже!» Улада не убивала его отца, но она ответит тоже. Всех, кто выше тележной чеки!

– Не могу понять, почему ты меня ненавидишь, сотник Згур?

Он вздрогнул. На миг почудилось, что дочь Ивора-предателя читает его мысли.

– Я думала, ты просто холоп, который не может простить господам, что он вышел из грязи. Но ты дедич, ты альбир Кеевой Гривны. Бедняга Черемош ночами не спит – тебе завидует...

Згур поглядел на чернявого и невольно улыбнулся. Хвала Матери Болот, спит! Славный парень, угораздило же его связаться с этой!...

– Если ты повздорил с кем-то в Коростене, то ни я, ни мой отец не виноваты. В чем дело, Згур? Если я тебя обидела, то... прости!

Так Улада с ним еще не разговаривала. И Згур понял, что сейчас не выдержит, расскажет этой девушке все. Вновь, уже в который раз, вспомнился сон, странный сон, в котором отец запрещал ему мстить. Ведь длинноносая не виновата в том, что сделал Палатин! Нет, нет, нельзя!

– О чем ты, сиятельная! Я просто наемник. Наемники не обижаются...

Он улыбнулся, но на душе было мерзко.

Разбудил его голос Черемоша. Згур с трудом открыл глаза. В лицо ударило утреннее солнце.

– Згур! Я грибов набрал, поджарим! Где огниво?

Огниво? Несколько мгновений он не мог понять, чего от него хотят. Ах, да!

– Ты же вчера брал. В сумке!

– Да вот оно, – послышался недовольный голос Улады. – Ты чего, ослеп?

Черемош принялся оправдываться, и Згур поневоле усмехнулся. Все вернулось, будто и не было черного подземелья, не свистел в ушах бешеный ветер. Длинноносая командует, Черемош суетится...

– Откуда это у тебя, наемник?

Згур привстал и долго протирал глаза. Улада склонилась возле его сумки. Разгильдяй Черемош высыпал вчера вещи прямо на траву, а собрать не догадался.

– Что ты там нашла, сиятельная? – вздохнул он.

– Красивая вещь! – в руках у девушки что-то блеснуло. – Купил? Или снял с кого-то?

И тут Згур почувствовал, как холодеют руки. Браслет! Ну конечно! Он лежал в сумке! Чернявый вытряс вещи, тряпка развернулась...

– Хорошая работа! – Улада покрутила браслет в руках, затем поднесла к самому носу. – Старинная... В Рум-городе думал продать?

– Положи! – голос не слушался, и Згур с трудом повторил:

– Положи! Пожалуйста...

– Не волнуйся, не украду!

В ее голосе звучала насмешка. Девушка взвесила браслет на ладони и, чуть подумав, поднесла к левой руке.

Згур хотел крикнуть: «Нет!», но понял – не успеет. Улада повернулась, на левом запястье горела тонкая серебряная полоска.

– Красивый! Так где ты его взял, наемник?

Глава пятая. Ичендяк.

– Ровно сиди! Я сказала – ровно!

Черемош послушно выпрямился. Улада, наморщив нос, поправила расстеленный на траве плащ и присела, облокотившись о спину чернявого. Згур отвернулся – сдержать усмешку было трудно, почти невозможно. Любимых, как он слышал, следует носить на руках, но должно ли использовать их, как спинку кресла? Хотя, отчего бы и нет, ежели позволяют?

– Что ты будешь делать в Рум-городе, Згур?

Вопрос заставил вздрогнуть – и от неожиданности (прежде о таком его не спрашивали), и от «Згура». Последние два дня, после страшного полета на черной «осе», «наемник» исчез без следа. Улада называла его по имени, а если сердилась – то «сотником». Безответный же Черемош окончательно стал для длинноносой «эй, ты!». Парень явно страдал, но спорить не смел и все больше молчал, даже не пытаясь завязать разговор.

– Чего молчишь, сотник? Я, кажется, спросила?

Привычное фырканье неожиданно порадовало. Серебряный браслет лежал на дне сумки, и Згур все больше убеждался: дядя Барсак прав, и все чаклунские уловки – просто обман. А что наемником не зовут, так, видать, просто надоело.

– В стражники наймусь. Куда-нибудь за море. Мир хочу повидать...

Вновь фырканье, в котором слышалось отчетливое «врешь!». Дочь Великого Палатина не верила сотнику Згуру. Впрочем, это уже не имело значения. До Тириса оставалось четыре дня пути, а до Нистра и того меньше – не больше двух. Места спокойные, дорога прямая, станичников – и тех нет. В маленьких лесных селах их встречали радушно, угощали от души, даже не требуя серебра. Не путешествие – прогулка.

– Мы сможем сегодня заночевать где-нибудь не под кустом?

– Не сможем, – не без удовольствия сообщил Згур. – Ближайшее село слишком далеко – за лесом.

– Можно напрямиком через лес, – робко подал голос Черемош. – Помнишь, нам говорили, что там есть тропа? Если идти прямо на полдень...

Згур лишь вздохнул. И этот туда же! Мало им Злочева!

– Рисковать не стоит. Этой тропой давно не ходят...

– Вот именно! А мы пойдем! – девушка резко выпрямилась и встала. Бедный Черемош едва не свалился от толчка, но тоже поспешил вскочить.

– До ночи доберемся! – Улада бросила быстрый взгляд на солнце, уже клонившееся к закату. – Чего сидишь, сотник?

Ругаться не хотелось, впрочем, как и рисковать. Згур уже в который раз подумал, что не бывать ему отважным альбиром, что лишь о подвигах бредит да приключения ищет. Выполз-нева Лаза хватит ему до конца дней, и еще в Ирии будет, что вспомнить. Мать Болот! Скорей бы довести эту парочку до Тириса...

– Ладно, пошли.

Тропу нашли быстро. У небольшого перекрестка, где в густой траве притаился старый, потемневший от времени идол, сброшенный наземь в давние годы, дорога расходилась надвое. Влево вела узкая тропа, терявшаяся в прохладной лесной глуши. Згур взглянул на солнце, прикинув, что путь ведет действительно прямо на полдень, и махнул рукой. Через лес – так через лес!

Двигались быстро. Улада, оттолкнув плечом чернявого, пытавшегося вырваться вперед, шла первой. Згур пристроился замыкающим, решив, что и без него обойдутся. Удастся добраться засветло до села – хорошо, не получится – в лесу заночуют, не беда.

Правда, лес ему почему-то не нравился. Может, из-за сырости. Огромные, неведомые ему деревья тянули вверх покрытые белой корой стволы, густые кроны смыкались плотно, почти не пропуская лучи Небесного Всадника. Станный лес, таких ни дома, ни в улебской земле, ни у сиверов видеть не доводилось. Дивного, впрочем, в этом ничего не было. Ория осталась позади, они шли по Нистрее – неширокой полосе земли между Змеиными Предгорьями и Нистром. Згур знал, что земли эти считаются вроде бы ничьими. «Вроде бы», поскольку в давние годы Нистреей владели Кеи, но затем всемогущая рука потомков Кавада разжалась, а Румская держава, тоже считавшая эту землю своей, так и не смогла закрепиться в этих лесах. Згур вспомнил, как однажды в Учельню приехал редкий гость из Валина – Чемер, сын самого Кошика Румийца. Он рассказывал то, что не услышишь даже от наставников – об искусстве большой войны, о постройке военных дорог, о границах. Чемер называл Нистрею странным словом «предполье», поясняя, что в интересах обороны южных кордонов ее следует занять войсками и укрепить до самой реки, чтобы в тылу оставались предгорья, по которым пройдет основная «линия защиты». Згур пытался запомнить мудреные словечки, прикидывая, чьи кметы могут войти в Нистрею. Светлого Кея? Великого Палатина? Но в этом случае Край окажется окруженным с полдня. Потом они долго спорили, и наставник Барсак рассудил, что для волотичей выгоднее, чтобы все оставалось по-прежнему. Румы далеко, а если и будет с ними война, то, конечно, не на Нистре, а на Деноре...

Первого крика он не услышал. Сознание лишь отметило что-то странное, и Згур, чудом не налетев на Черемоша, остановившегося посреди тропы, поспешил отскочить в сторону, привычно выхватывая меч.

– Пу-у! Пу-у! Пу-у!

Згур быстро оглянулся, но вокруг были лишь молчаливые деревья, палые прошлогодние листья покрывали землю, глуша невысокую траву. Ни зверя, ни человека...

– Пу-у! Пу-у!

– Чего встали? – Улада недовольно оглянулась, топнула ногой. – Птицы испугались?

Згур облегченно вздохнул и уже хотел было спрятать меч, но что-то помешало. Птица? Нет, таких птиц не бывает! В странном крике было что-то знакомое, слышанное...

– Пу-у! Пу-у!

– Лешак! – голос Черемоша дрогнул. – Это лешак!

– Какой еще... – недовольно начала девушка, но осеклась.

– Предупреждает! – чернявый бросил испуганный взгляд в лесную полутьму. – Говорит, чтоб уходили...

Згур и сам вспомнил. Да, лешак! Он уже слышал такое – еще в детстве, в лесу возле Бусела. В родном поселке каждый мальчишка знал, что если лешак кричит, значит, сердится. Ну а коли лесная нежить сердится, то надо бежать, да не просто, а без оглядки...

– Отец рассказывал, – неуверенно проговорила Улада, – что никаких лешаков нет, есть чугастры, но они не кричат. Про лешаков – это сказки...

И словно в ответ лесная глушь отозвалась уже знакомым:

– Пу-у! Пу-у! Пу-у!

– Сейчас деревья валить начнет! – Черемош оглянулся, словно ища поддержки у приятеля. – Згур, что нам делать?

Чернявый был испуган, что случилось нечасто. Згуру и самому стало не по себе. Лешак ли, чугастр, но в лесу они не одни.

– Уходим! Оружие держи наготове!

– Ага!

Улада недоверчиво покрутила головой, но спорить не стала. Черемош вновь попытался оказаться впереди, но новый толчок заставил его занять прежнее место. В спину ударил странный крик, затем он прозвучал вновь, но уже глухо, еле слышно...

Узкая тропа вела дальше. Несколько раз Згур останавливался, прислушивался, но лес молчал. Однако тревога не исчезала. Как и тогда, в лесу возле Нерлы, он чувствовал – опасность рядом. Кто-то был в лесу – совсем близко. И это не стража, не ватага станичников. Тем лешаком кричать ни к чему...

– Стойте!

Улада растерянно оглянулась, затем кивнула вперед. Згур отодвинул Черемоша, взглянул – и только хмыкнул. Этого еще не хватало! Тропа расходилась надвое.

– Куда нам?

В первый миг Згур даже растерялся, словно первогодок, которого послали вести сотню через лес. Обе тропы, даже не тропы – тропки, были маленькие, такие, что лишь зайцу впору. Вот Извир! Ну, угораздило зайти! Вечно этой длинноносой удобств не хватает!..

– Згур!

Голос Черемоша заставил очнуться. Ладно, это еще не смерть, поглядим! Где же солнце? Згур посмотрел вверх – и вновь вздохнул. Небесный Всадник уже за деревьями, через часа полтора совсем стемнеет. Ага, кажется, закат направо...

– Налево...

Он с сомнением покосился на узкую тропу и еле удержался, чтобы не напомнить, по чьему хотению они сюда забрели. Кажется, ночевка под крышей отменяется. Последняя мысль немного примирила с нелепостью происходящего. Пусть длинноноса померзнет!

Улада скривилась и шагнула на тропку. Черемош хотел было последовать ее примеру, как вдруг, совсем близко, послышалось знакомое:

– Пу-у! Пу-у! Пу-у!

Меч вновь был в руке. Згур отскочил назад, оглянулся... Пусто! Проклятый лес словно вымер...

– Пу-у! Пу-у!

– Туда нельзя! – чернявый тоже отбежал в сторону, выхватывая бесполезное оружие. – Предупреждает! Нельзя!

Згур пожал плечами, и, не пряча оружия, шагнул направо. Тихо... Шаг, другой – лес молчал.

– Вот видишь! – Черемош проскочил вперед, пробежал немного, затем оглянулся:

– Сюда! Нам сюда!

– А по-моему, нас просто заманивают! – вырвалось у Згура.

Мысль была неожиданной – но не слишком. Сначала напугали, затем толкают на нужную тропу...

– Лешак? – фыркнула девушка. – Ладно, решайте, куда нам идти! Тоже мне, воеводы!

– Згур! – чернявый подбежал, склонился к самому уху. – Нельзя! Лешак – он не шутит! Если бы там бычары какие сидели, я б первый! Но это же...

Згур устал спорить. Происходило что-то нелепое, но ругаться не имело смысла. Если их хотели заманить в ловушку, то возвращаться поздно. Скорее всего, они уже в западне.

– Ладно. Пошли!

Тропа оказалась – хуже некуда. Под ноги то и дело лезли мохлятые корни, ветки так и норовили ударить в лицо, к тому же высокие кроны стали еще гуще, гася неяркий вечерний свет. Хотелось лишь одного – скорее выйти куда-нибудь – на поляну, на берег ручья, а лучше на опушку, где можно увидеть небо, где не чувствуется старая вековая гниль...

...И вновь подвел слух. Отреагировали глаза – что-то белесое, узкое падало сверху, прямо из черной тени. Сообразить Згур не успел, не успел даже испугаться. Он почувствовал лишь легкое удивление – но тело уже поступало по-своему. Годы учения не прошли даром – Згур мягко упал на бок, прямо в пахучие старые листья, на миг замер, затем бесшумно откатился

в сторону и вновь застыл, вжавшись в теплую землю. И тут в уши ударил крик – отчаянный, громкий. Улада? Но Згур уже понял – кричит Черемош.

– Ну ты! Бычара! В грызло захотел, да? А ну отпусти!

Кажется, парень тоже не испугался, и Згур невольно порадовался за приятеля. Впрочем, радость тут же исчезла. Влипли! Все-таки влипли! Ну, сотник, девку послушал! Рассказать кому – обхохочутся!..

– Ну! И что это значит?

В голосе Улады тоже не было страха, скорее легкое презрение. Что же происходит?

Надо было поднять голову, но Згур не спешил. Меч? Нет, слишком мало места! Медленно, вершок за вершком, он потянул за ремень висевший за спиной гочтак. Наконец руки сжали деревянное ложе, нащупали крючок.

– Ты! Бычара! А ну, пусти!

Теперь в голосе чернявого была растерянность, да и доносился он не спереди, а почему-то сверху. Похоже, дела не так и хороши! Згур осторожно поднял голову...

Вначале он ничего не увидел. Слева был толстый ствол, справа – еще один, а посреди колыхалось что-то белое...

– Немедленно отпусти его!

Ага! Вот и Улада! Девушка стояла на тропе, глядя куда-то вверх. Вверх? И тут Згур понял – белые веревки, сплетенные в прочную сеть, эту сеть кто-то подтянул наверх, и не пустую...

– Бычара! Пусти, гад! Пусти!

Згур невольно усмехнулся: чернявый, закутанный в нечто, напоминающее белесый кокон, на миг напомнил попавшего в паутину шмеля. Ловушка? Да, кажется, забрели на охотничью тропу. Подобных сеток Згур насмотрелся еще дома, разве что веревки показались странными – белыми и словно мокрыми. Он облегченно вздохнул и хотел уже встать, дабы выволить попавшего в силочку приятеля, но что-то заставило не спешить. Улада! «Немедленно отпусти его!» К кому она обращается?

Между тем Черемош продолжал извиваться, пытаясь выволиться из сети, но веревки держали крепко, и парень лишь больше запутывался в белесом коконе. Згуру даже показалось, что веревки непростые. Да и на веревки они не похожи, скорее это...

– Молчи-и-и, челове-е-ек!

Голос прозвучал словно ниоткуда, гулкий, тяжелый. Згур вновь поднял голову – пусто! На мгновение в душе проснулся страх, но тут же исчез. Враг разговорился, а это уже хорошо. Лишнее время не помешает...

– Молчи-и-и, а не то твоя женщина-а-а умре-е-ет!

В воздухе легко просвистело что-то узкое, похожее на небольшое копье. Оно пронеслось рядом с головой Черемоша и вновь исчезло в полутьме.

– Умре-е-ет!

– Ну ты, болван! – холодно проговорила Улада. – Если со мной что-то...

– Молчи-и-и, челове-е-ек! Не то она-а-а умре-е-ет!

И тут Згур ощутил какую-то странность. «Болван», столь ловко пленивший чернявого, обращается не к нему, а почему-то к длинноносой. Уж не принимает ли он дочку Палатина за...

– Отвечай, челове-е-ек, и думай над каждым слово-о-ом! Ибо я – Кру-у-уть Неме-е-ерянный, чье дыхание – смерть, и чихание – тоже сме-е-ерть! Кто тебе та женщина, что поймал я в свои се-е-ети?

Смеяться было явно не ко времени, и Згур поспешил зажать рот рукой. «Болван», похоже, расставлял сеть для девушки, а поймал... Черемоша! Ну, конечно, в темноте перепутать нетрудно – рост одинаков, а в плечах Улада куда шире своего воздыхателя! Были б волосы, но от кос после Змеева огня мало что осталось...

– Она-а твоя-я жена-а-а? Если не жена-а-а, то сейчас оба вы умре-е-ет-е-е! Умре-е-ете в стра-а-ашных мучения-я-ях! Я – Кру-у-уть Неме-е-ерянный, и нет у меня ни стыда-а-а, ни совести-и-и...

– Жена, жена! – поспешил подтвердить из поднебесья чернявый. – Клянусь великим и ужасным Згуром, жена!

Намек был ясен, и Згур невольно хмыкнул. Ничего, друг Черемош, сейчас разберемся! Ни стыда, ни совести, значит?

Темнота молчала, затем послышалось слегка удивленное:

– А где-е-е ты-ы-ы?

Кажется Немерянный тоже начал что-то понимать. Раздался странный звук, несколько напоминающий «гм-м» или «хм-м». Между тем Згур напряженно вслушивался. Стрелять на звук приходилось. Учили – и учили крепко. Но звук шел отовсюду! Нет, не отовсюду, но с двух сторон!

– Тогда-а-а, – Круть явно пытался найти выход. – Тогда я-я-я свяжу-у-у ее...

– Только попробуй, скотина, – равнодушно бросила девушка.

В ответ из темноты вновь вынырнуло серебристое копье и метнулось прямо к груди Улады. Девушка не пошевелилась, и копье неуверенно зависло прямо в воздухе.

– Я стра-а-ашный! Я кровожадн-ы-ый! Беспощадны-ы-ый!

И тут сквозь сумрак начало проступать что-то большое, белое. Неярко засветились два огонька. Згур чуть не присвистнул – издали Круть напоминал громадного паука. Правда, у паука не горят глаза, да и лап у него восемь, а не... Не пять! И тут Згур начал что-то понимать. Паук, значит? Круть, значит? Ну-ну!

– Слу-у-ушай меня, челове-е-к! Твоя женщина-а-а остане-е-ется у меня-я-я! И все твое серебро тоже останется у меня-я-я! А ты будешь носить мне еду-у-у! Много еды-ы-ы! Сы-ы-ыр! Молоко-о-о! Вино-о-о! Мясо-о-о! И побольше-е-е! Побольше-е-е!

– А не лопнешь? – поинтересовался Черемош из поднебесья, явно не теряя присутствия духа.

Вопрос, похоже, застал Крутя врасплох. Воцарилось молчание. Между тем Згур уже знал, что делать. Медленно, стараясь не дышать, он подтянулся на локтях, стараясь, чтобы толстый ствол оставался между ним и страшилищем. Теперь вперед – не спеша, осторожно, как учил рыжий Отжимайло...

Круть молчал, затем послышалось неуверенное:

– Так вы-ы-ы не боите-е-есь? Я Кру-у-уть Немерянн-ы-ый! Я стра-а-ашный! Я ужа-а-асный!

– Бычара ты, – сообщил Черемош и как следует дернулся. Копье неуверенно поползло вверх, и тут послышался треск. Улада, резко выбросив руку, перехватила «жало» и легко пере-ломила его пополам.

Згур был уже далеко – за деревьями. Оглянувшись, он осторожно привстал. Кажется здесь... Ага, вот!

Все было так, как он и предполагал. Помост, распорки, на которых болтается большая белая тряпка, две свечи. А вот это и вправду интересно – две большие трубы, расходящиеся в разные стороны. Ну, придумал!

Тот, кто его интересовал, стоял под помостом. Человечишка, невысокий, сторбленный, в драном плаще и лаптях.

– Готовьтесь к сме-е-ерти-и-и! – проревели трубы. – Мно-о-огих, мно-о-огих я погуби-и-ил!

Згур вскинул гочтак, но потом передумал. В конце концов, ничего такого Круть от них и не требовал. Ну, мяса принести, ну, винишка...

– Последни-и-ий раз говорю-ю-ю тебе, челове-е-ек! Твоя жена-а-а умре-е-ет, если-и-и ты не-е-е будешь...

Договорить Крутю не удалось. Точный удар – прямо в затылок, заставил человечешку кулем упасть на землю. Згур наклонился, вытащил из-за веревки, заменявшей пояс, нож и вскочил на помост. Кажется, «паутина» должна крепиться где-то здесь...

Его заметили. Сверху послышался смех:

– Ага, получил, бычара! Згур, ты меня не свали, а то тут высоко!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.